

DR
Mac

ART OF BESTSELLING FOR BUSINESS USA TODAY & WALL STREET JOURNAL

ДЖУЭЛ Э. ЭНН

Я его совсем не ожидала.

Я не знала, что произойдет после того, как мой клиент увидел меня спящей в моей машине.

Я убиралась в его доме, где от неизлечимой болезни умирала его жена.

Я не ожидала, что они пригласят меня жить с ними.

Я не ожидала, что Сьюзи станет моим спасательным кругом... пока ее не стало.

Я не ожидала, что, узнав о том, что мне нужна медицинская страховка, он попросит меня выйти за него замуж.

Я не ожидала, что влюблюсь в скорбящего мужчину.

Существует так много причин держаться от Зака на расстоянии. Прятать подальше каждое трогательное мгновение.

Когда мы врозь, я скучаю по мужчине, которого называю мужем.

Скучает ли он по своей жене? Если «да», то по какой именно?

ДЖУЭЛ Э. ЭНН
ДО НАС
Серия: Вне серии

Do
mac

Группа: vk.com/yourbooks12

Переводчик: Алла Х.

Редактор: Анна К.

Вычитка и оформление: Виктория К.

Обложка: Виктория К.

□ *Специально для группы Y O U R B O O K S.*

«Я еще не встречала человека, который больше всего нуждался бы в чем-то, кроме настоящей, безусловной любви. Вы можете найти ее в простом акте доброты по отношению к тому, кому требуется помощь. Любовь не ошибается. Она — нить, связывающая воедино наши жизни, пламя, согревающее нашу душу, энергия, заряжающая наш дух, и страсть, наполняющая нашу жизнь».

— Элизабет Кюблер-Росс

Глава 1 Эмерсон

В этот раз я, по крайней мере, не обмочила штаны. Или обмочила?

Нависающие надо мной лица приобретают фокус. Слова — ясность, будто кто-то в этой неловкой сцене включил звук.

— Я в порядке, — заявляю я после того, как касаюсь пальцами промежности леггинсов, чтобы убедиться, что они сухие.

Брюнетка с короткой стрижкой хмурится в дюйме от моего лица.

— Скорая помощь уже в пути. Я — медсестра. У вас был приступ.

Повернув голову набок, осматриваюсь. Я в вестибюле банка — подо мной холодная плитка. Зашибись.

— Эм... нет. — Я вскакиваю на ноги.

— Не пытайтесь встать, — предупреждает медсестра.

— У меня эпилепсия. Тут не на что смотреть. Я в порядке. В полном. Отмените вызов «скорой». — Я выставляю ладони вперед, посылая всем сигнал остановиться.

Хватит возиться со мной.

Хватит беспокоиться обо мне.

Продолжайте свой день.

Слишком поздно. Я слышу звук приближающихся сирен.

Все взгляды в вестибюле прикованы ко мне.

Из моей груди вырывается нервный смешок.

— Всего лишь небольшой приступ. — Я провожу пальцами по волосам. — Видимо, пропустила прием лекарств. Я в порядке.

Банковские служащие настороженно смотрят на меня и сочувственно улыбаются, прежде чем возобновить движение очереди.

Морщась от стука в голове, смотрю на часы. Я опаздываю на собеседование. *А я не могу опоздать.* Мне нужна эта работа.

Девочка-подросток с косичками протягивает мне мою сумку.

— Спасибо, — с улыбкой шепчу я, прежде чем ее мама тянет ее к выходу как раз в тот момент, когда медики «скорой» влетают в двери.

Мне не удается достаточно быстро скрыться в темном углу или в черной дыре, так как медсестра, которая так любезно вызвала скорую помощь, решает сдать меня, когда медики обшаривают вестибюль в поисках человека, нуждающегося в медицинской помощи.

— У нее был припадок, — говорит им медсестра, указывая на меня.

— Простите, что вас вызвали. Я в порядке. Я уже уйду.

— Вы не можете вести машину, — встречается медсестра.

Я не в больнице. Ты не моя медсестра. Спасибо за помощь, леди, но топай дальше.

— Гм... — Я роюсь в карманах, а затем в сумочке в поисках телефона. — Да. Я знаю. Я кому-нибудь позвоню.

С телефоном в руке и вымученной улыбкой поворачиваюсь по кругу, словно угрожая взорвать бомбу.

У меня меньше пятнадцати минут, чтобы успеть на собеседование вовремя.

Но я уже видела этот взгляд раньше, тот, который бросает на меня высокий парень в униформе. Он не согласен отпустить меня.

Ну, поехали...

После поверхностного осмотра «скорой», отправляю короткое сообщение Заку Хейсу с уведомлением об опоздании на собеседование. Затем сижу в своей машине — моем временном жилище, — делая вид, что ожидаю того, кто заберет меня, пока машина «скорой» не отъезжает от банка.

Имея высшее образование, я живу в своей машине. Такое должно быть достойно своего шоу. И бесплатной терапии.

Не теряя времени, переодеваюсь, не проявляя внимания к прохожим, которые могут увидеть меня полуобнаженной.

— Ты станешь легендой, — говорю я женщине в зеркале заднего вида. — Будешь заниматься творчеством... — я хмурюсь, как и отражение в зеркале, — ...каким-нибудь. Но сегодня... — наношу на губы блеск, — ...ты получишь эту работу. Будешь чистить туалеты так, как Да Винчи ваял свою Мону Лизу, и благодарить за это, как... — я кривлю накрашенные губы, — ...Ганди.

Проклятье... голова раскалывается.

После короткой поездки на собеседование зачесываю назад несколько прядей потускневших светлых волос и вылезая из своего временного жилища, направляясь к дому в конце тупика. Это не дом за миллион долларов или что-то в этом роде, но он красивый, а его покатая крыша и асимметричные линии выделяют его среди остальных однотипных соседских домов района.

По всей длине одноэтажного дома тянутся окна, придавая ему вид оранжереи. Я не занимаюсь мытьем окон, поэтому надеюсь, это не станет нарушением условий договора.

Дело — верняк, если хозяева не расстроены моим опозданием. К Хейзам меня направили Мамфорды, пожилая пара и мои лучшие клиенты. Мне сказали, что миссис Хейз больна, а мистеру Хейзу требуется помощь в уборке, чтобы он мог проводить больше времени со своей женой. Эти новые клиенты могли бы стать моим билетом к постоянному жилью. Следующий шаг? Работа, связанная с фотосъемкой и нескончаемыми путешествиями. Преимущества в виде медицинской страховки для оплаты моих лекарств и неожиданных визитов в больницу тоже были бы кстати.

Быстро поправив блузку с манжетами, чтобы разгладить складки, тяну ее вниз, чтобы она соответствовала капри с завышенной талией.

Плечи назад.

Голову выше.

Уверенная улыбка.

Жму на звонок и вглядываюсь в стеклянную дверь.

Несколько капелек пота скапливаются в подмышках. Я говорю себе, что это из-за жары, но в Атланте сейчас только весна. Наверное, это всё припадок. Эпилепсия может быть сухой, как и жизнь без медицинской страховки.

К двери, с важным видом и доброй мальчишеской улыбкой, подходит высокий мужчина лет тридцати, на нем выцветшие серые спортивные штаны и черная футболка. Полагаю, это сын хозяев или их зять. Прежде чем открыть дверь, он чешет затылок и зеваает, будто только что проснулся. Его темные волосы лишь немного длиннее пятичасовой щетины, покрывающей половину лица.

— Доброе утро. Вы, должно быть, Эмерсин? — Он разбивает мое имя на три слога делая между ними паузы. Немного забавно.

— Да. Эмерсин Кларк, — отвечаю я с полуулыбкой и легким прищуром, пытаюсь его прочитать.

Он слегка кивает и отступает в сторону.

— Прощу, входите.

— Спасибо. — Я высвобождаю ноги из своих поддельных Birkenstock. — Вы — сын? Зять?

Выбившиеся пряди волос касаются моего лица, поэтому я заправляю их за ухо с одной стороны.

Сузив глаза, он поджимает губы в крошечной ухмылке и склоняет голову набок, будто я задала вопрос не на английском. Может, я невнятно произношу слова. *В порядке ли мой мозг?*

— Или... — я морщусь нос, — друг семьи? Ни один из вышеперечисленных? Я просто заткнусь и дам вам позвать Зака. Я написала ему, что опаздываю, поэтому надеюсь, он все еще здесь.

Он неуверенно смеется, на его лбу появляются морщинки замешательства.

— Эм... Зак — я.

Мои глаза расширяются, а губы приоткрываются, но у меня пока нет слов.

— Мне вас посоветовали Мамфорды, — говорит он.

Очень медленно я киваю. Мамфорды, милая парочка лет семидесяти, сказали, что дали мои контакты своим «друзьям». И почему-то в голове рисовалась еще одна пожилая пара, потому что пожилые люди дружат только с другими пожилыми. Правильно?

Неправильно.

— Я...

Я прочищаю горло.

— Я сделала предположение. — Мое лицо искажается в гримасе. — Неверное предположение. Это... немного смущает. Я думала, вы...

— Старый?

С нервным смешком киваю.

— Виновата. — Несколько секунд я потираю виски.

— Вы хорошо себя чувствуете? Если нет, мы можем встретиться в другой день.

— Нет. — Я опускаю руки и выдавливаю улыбку. — Я в порядке. В моем банке произошел инцидент. Кому-то потребовалась неотложная медицинская помощь. К моменту приезда «скорой» все улеглось, но я уже понимала, что не успею сюда вовремя. А я ненавижу опаздывать. Так что, теперь борюсь с легкой головной болью, вызванной стрессом. — Полуправда. Мне обязаны оплатить часть кредита за то, что я не наврала с три

короба.

— Надеюсь, это не вооруженное ограбление или что-то в этом роде.

— Что? — Я прищуриваюсь. — О. Нет. Всего лишь... клиент потерял сознание. Он в порядке. Я полагаю.

Чувствует ли он, как я взволнована? Мои губы двигаются. Слова льются рекой. Однако я не уверена, что они правильные.

Мне нужна эта работа.

Мне нужно отоспаться.

Мне нужно, чтобы мой мозг хоть раз сотрудничал со мной. Только в этот раз.

— Мамфорды от вас в восторге, так что я рад, что вы пришли.

— Они хорошие люди.

— Просто старые, — снова говорит Зак с легкой ухмылкой, вызывая у меня нервный смех.

— Старше меня. И... очевидно, вас тоже.

— Я попрошу вас посетить дамскую комнату и вымыть руки. Потом вы сможете познакомиться с моей женой. А после я покажу вам дом.

О, отлично... гермофоб (*прим.: гермофоб — это человек, который боится микробов или озабочен чистотой*). Не то, что мне сейчас нужно. Гермофобы — заноза в заднице. Я следую за ним за угол в дамскую комнату. Я работала на некоторых подобных ему. Я не очень жалую подобные условия труда, но могу подыграть ОКР, когда отчаянно нуждаюсь в деньгах... как в настоящее время (*прим.: Обсессивно-компульсивное расстройство — это психическое расстройство, которое проявляется в наличии комплекса повторяющихся нежелательных мыслей и страхов (обсессивность), которые приводят к патологически циклическим действиям (компульсивность)*).

После мытья рук с хирургической тщательностью и с открытой дверью, чтобы он мог засвидетельствовать мое внимание к деталям, Зак ведет меня в солярий. И...

Бог ты мой...

Это Амазонка. Я не преувеличиваю. Мне приходилось бывать в домах с обилием растений, но это следующий уровень. Посередине в большом сером кресле с откидной спинкой сидит женщина. Яркое лоскутное одеяло покрывает ее ноги. Когда мы приближаемся, она наносит на губы бальзам и поправляет на голове цветочный шарф.

— Добро пожаловать в джунгли, — говорит Зак. — Это моя жена Сюзанна. Детка, это Эмерсин Кларк.

Зак сжимает ее ногу, и она игриво отбрасывает его руку легким пинком.

Мой взгляд мечется между теплой улыбкой Зака и озорной ухмылкой Сюзанны.

— Приятно познакомиться, Эмерсин. Я бы пожала вам руку, но Зак впадет в панику. Он боится, что я могу чем-нибудь заразиться и умереть. — Она смеется. — Срочная новость. Я уже больна и умираю.

Ладно...

Дело не в том, что у меня дрянное чувство юмора. В конце концов, я бездомная с неврологическим расстройством и кучей просроченных студенческих кредитов и медицинских счетов, и, тем не менее, я не перерезала себе вены. Однако не знаю, уместно ли смеяться над шуткой Сюзанны.

Она смеется.

Зак улыбается и качает головой.

Я на девяносто девять процентов уверена, что под этим шарфом у нее нет волос, потому что бровей у нее тоже нет. Итак, они смеются над тем, что я считаю раком, а я подыгрываю и выдаю немного своего безумного нервного смеха.

Ха-ха... м-да. Я снова вне зоны комфорта. Раковый юмор может иметь специфичный вкус.

— Извините. Плохая шутка с незнакомкой, — извиняется Зак.

— Нет. Я... я уверена, что важно не воспринимать вещи слишком серьезно, когда имеешь дело с чем-то, что выходит из-под твоего контроля, — говорю я, но что я знаю? Возможно, у них все под контролем. Возможно, они испробовали *все* экспериментальные методы или решили дать ей достойно умереть дома среди восьмидесяти миллиардов растений. Я действительно не знаю. И если бы не нужда в деньгах, я бы удрала отсюда. Я бы предпочла не драить унитаз, пока в том же доме умирает женщина. Каков будет протокол? Продолжать уборку? Улизнуть? Вызвать «скорую»? Вызывают ли «скорую» умирающим?

У такой двадцатитрехлетней девушки, как я, недостаточно жизненного опыта, чтобы справиться со смертью незнакомого человека. Мы едва знаем, как справляться с утратой наших любимых сериальных героев, за которыми запоем наблюдаем в течение недели. Вообще-то, я давно ничего не смотрела. У бездомных нет Netflix.

— Умная девушка. — Сюзанна подмигивает мне. — Я победила его один раз, а теперь он вернулся с удвоенной силой. У меня больше нет груди, но рак вернулся. Поди разберись.

Да, я далеко за пределами своей зоны комфорта, и все же мои следующие слова:

— У меня эпилепсия, так что... — Это вылетело у меня изо рта, как сорвавшаяся с поводка собака, в мгновение ока умчавшаяся на два квартала вперед.

И? Что я этим хотела сказать? А? Зачем им об этом знать? Эпилепсия — новый вид рака? Моя болезнь не должна меня убить, если я буду принимать лекарства и соблюдать меры предосторожности, что я делаю не очень хорошо, но это на моей совести. Не то чтобы Сюзанна могла выпить таблетку, не принимать ванну в одиночестве и окружить себя небьющимся стеклом, и ее рак останется под контролем.

— О, мне жаль. Она у вас всю жизнь? — Сюзанна на самом деле кажется заинтересованной, будто я не намекнула, что знаю, через что она проходит, потому что у меня случилось несколько припадков.

— Мне поставили диагноз год назад. Это ерунда. Правда. За исключением того случая, когда у меня случился эпичный эпилептический припадок, и я потеряла контроль над своим мочевым пузырем. И... забыла поменять свой экстренный контакт. Больница позвонила моему бывшему парню, который все еще числился моим контактным лицом в экстренных случаях. О... он, кстати, к тому времени уже женился и у него родился ребенок. Представьте, что вас вызвали в больницу из-за вашей бывшей девушки... у которой случился припадок, когда она лежала в постели с другим случайным парнем, с которым познакомилась через приложение для знакомств. Жестко, когда тебе чуть за двадцать... даже если ты оптимист.

Тишина.

Слишком много тишины.

Я поделилась слишком многим.

Где же эта кнопка «отмотать назад», когда она так нужна.

Зак и Сюзанна переглядываются, на их лицах нечто среднее между ухмылкой и гримасой.

Почему я решила, что лучшим уходом от темы рака будет разговор об эпилепсии, парне

на одну ночь из Тиндера и мокрой постели?

Зак откашливается.

— Вы принимаете лекарства? — Конечно, он хочет знать, придется ли ему возиться со мной, пока он заботится о своей больной жене.

Пощипывая переносицу, смотрю себе под ноги.

— Да, — шепчу я сквозь удушашщее смущение. — И я э... извините. — Поднимаю на них глаза и морщу нос. — Я сказала больше, чем вам нужно было знать. Я в порядке. У меня легкая форма эпилепсии, и я практически ей не страдаю, если принимаю лекарства.

ЕСЛИ принимаю лекарства. ЕСЛИ могу их себе позволить.

А что значит «легкая форма» эпилепсии? Они не спрашивают меня, так что я придерживаюсь этой версии.

Ухмылка Сюзанны пробирается к ее глазам.

— Если вы не умеете находить хотя бы немного юмора в трагедии, жизнь надерет вам задницу.

Я отвечаю резким кивком.

— А теперь давайте поговорим о вашем наряде. Он восхитителен. — Сюзанна обводит взглядом мою рубашку и капри. — Девушка по моему сердцу. Это Anthropologie?

Взглянув вниз, провожу рукой по мятому подолу.

— Э... возможно. — Я улыбаюсь. — Я не первоначальная владелица. — На секунду прикусываю язык. — Это прозвучало странно, будто я это ukrала. Я не крала. Я...

Им не нужно знать, что я покупаю себе одежду «бывшую в употреблении, но в хорошем состоянии», потому что баланс моего банковского счета не поддерживает мой вкус к дорогим вещам. Думаю, признания о недержании мочи на сегодня достаточно.

— Мне нравится Anthropologie, — говорит Сюзанна, словно мой словесный понос только что не изверг убогое объяснение того, где я покупаю одежду. — Держу пари, это из их магазина. Я не была там целую вечность. Зак не очень любит шоппинг.

Зак пытается придать себе раздраженный вид, но терпит поражение. Он не может смотреть на нее более двух секунд, чтобы его ослепляющее обожание не изменило его черты и не отразилось в золотисто-карих глазах. Целью романтической жизни каждой женщины должно стать полное отвержение любого мужчины, который смотрит на нее с чем-то иным, кроме *подобного* уровня обожания.

Я почти уверена, что тот Случайный Парень не смотрел на меня так в ту ночь, когда я обмочилась в его кровати в момент припадка. И я знаю это потому, что на следующий день он написал мне сообщение с просьбой купить ему новый матрас. Судя по всему, моча просочилась в прокладку.

— Детка, мне нравится делать с тобой что угодно, — говорит Зак.

Вот оно. Прямо здесь. Мои жизненные цели. Мне нужно найти парня, который скажет: *«Детка, мне нравится делать с тобой что угодно»*.

— Следуйте за мной... — Зак кивает в противоположном направлении, еще несколько секунд удерживая свое внимание на Сюзанне.

Этот обожающий, *продолжительный* взгляд также добавлен в мой список желаний.

— Приятно было познакомиться. — Я улыбаюсь Сюзанне, которая, как я надеюсь, забудет о моем нелепом сравнении эпилепсии с раком и чрезмерно неуклюжем разговоре о недержании.

— Мне тоже, Эмерсин. Надеюсь, мы сработаемся.

— Эм. — Я слегка пожимаю плечами. — Друзья зовут меня Эм.

— Эм... — Сюзанна несколько раз кивает. — Пусть будет, Эм. А мои друзья зовут меня Сьюзи.

— Пока, Сьюзи, — бросаю я через плечо, следуя за Заком.

Он включает свет в спальне.

— Мы хотим простую уборку.

Ничто в нем или в этом доме не кажется *простым*.

— Тщательно вытирать пыль. Тщательно подметать. Тщательно убираться. Тщательно...

Я смеюсь.

— Поберегите кислород. Предполагаю, все обязанности должны выполняться тщательно, если не указано иное.

Зак смущенно улыбается мне, показывая лишь намек на белоснежные зубы.

— Справедливо.

Он включает свет в главной ванной, и я захожу внутрь, делая мысленные пометки о том, что придется чистить. Большая душевая с плиткой. Глубокая ванна. Две раковины. Туалетный столик с зеркалом и подсветкой.

Рядом с туалетным столиком стоит огромная банка с плоскими камнями. На каждом камне есть надпись.

— Она всегда называла меня своей скалой, — говорит Зак, переводя мое внимание с банки на себя. Он прислоняется плечом к дверному косяку. — После того, как ей поставили диагноз, я начал собирать камни. Каждое утро я просыпаюсь рано и пишу на камне то, что мне в ней нравится.

Он пожимает плечами. Его щеки заливают румянец, и он на секунду отводит взгляд.

— Каждый день я отдаю ей камень, чтобы она знала, сколько всего я люблю в ней, и все эти мелочи придают *мне* силы.

— Это... — Я не уверена, подберу ли правильное слово.

— Жалко? — усмехается он.

— Нет. Я хотела сказать «романтично», но это тоже не то слово.

— Банально?

Я смеюсь, несколько раз мотая головой из стороны в сторону.

— Определенно, нет. Очаровательно и... да. Очаровательно.

Губы Зака на секунду кривятся. Он задумчив, что делает его немного загадочным. Он многое говорит глазами, но я недостаточно хорошо его знаю, чтобы перевести выражение его лица в слова.

— Я придерживаюсь «банального».

Мне не удастся скрыть ухмылку.

— Итак... где мы остановились? Ах, да... — Он выходит из ванной и направляется по коридору. — У нас есть три спальни, две полноценные ваннные комнаты и санузел. Гостиная, кабинет и кухня. Я не жду, что вы будете стирать, готовить еду или мыть посуду. Всем этим я занимаюсь сам. А также уходом за джунглями.

— А так вот *что* это было — джунгли. — Я следую за ним через кухню к противоположной стороне дома и к двум другим спальням.

Зак смеется.

— Это ее любимая комната. Воздух там лучше. Не буду врать; она разговаривает со своими растениями. Одна из бесконечного множества мелочей, что я люблю в ней.

Никто никогда не говорил, что любит во мне бесконечное множество мелочей. Либо Сюзанна — величайшая женщина, либо я не настолько великолепна... определенно не так великолепна для *бесконечного множества*.

Или... и это может оказаться правильным ответом... Зак не такой, как большинство других мужчин.

— Я не насмехаюсь, — говорю я. — Это чудесная комната.

Я мысленно добавляю целый дом растений в свой список будущих целей, а также нахожу мужчину, который готовит, убирает, моет посуду, стирает и любит во мне бесконечное множество мелочей. Каким образом моей маме удалось находить себе стольких мужчин, которые были полной противоположностью Заку Хейзу?

— Эти спальни не используются, но все равно нуждаются в тщат... — Зак останавливает себя и ухмыляется. — Они по-прежнему нуждаются в *хорошей* уборке и чистке пылесосом каждую неделю. Чистящие средства и инвентарь мы предоставим сами, так как хотим, чтобы в нашем доме использовались определенные продукты. Если вам нужно что-то еще, просто дайте мне знать.

Выключив свет в спальне, он возвращается на кухню.

— Есть вопросы?

— Вторники вам подходят?

Он наполняет стакан водой из диспенсера из нержавеющей стали, стоящем на кухонной стойке.

— Каждую неделю?

Я киваю, засовывая пальцы в задние карманы.

— Во сколько вы будете начинать?

— Решать вам, но я бы предпочла не начинать раньше девяти.

Зак криво ухмыляется.

— Девять тридцать?

С тихим смехом приподнимаю плечо.

— Конечно. В девять тридцать подойдет. У вас есть еще вопросы ко *мне*? Еще рекомендации? Мой номер социального страхования, чтобы вы могли меня проверить? Отпечатки пальцев? Стоимость моих услуг?

— Нет. — В его глазах вспыхивает веселье. — Мамфорды — единственная рекомендация, в которой я нуждаюсь, потому что они очень щепетильны и внимательны. И стары.

Я закатываю глаза.

— Уверен, вам пришлось хотя бы один раз пройти тест на детекторе лжи, чтобы они вас наняли.

— Они *старше*. И любят, чтобы все было тщательно, — говорю я, несколько раз кивая. — И я знаю, что вы — фанат тщательности.

— Это точно. — Несколько секунд он сосредоточенно смотрит на стакан воды в своей руке. Поскольку он не пьет и не предлагает мне, я предполагаю, что вода для Сюзанны.

— Что ж, спасибо. Я с нетерпением жду возможности поработать на вас. Я... ммм... найду выход сама, и увидимся во вторник в девять тридцать.

— Спасибо, Эмерсин.

— Эм.

— Эмерсин. — Он сжимает губы в твердую линию, будто прикусывает язык.

Ладно, он предпочитает Эмерсин. Я выбегаю из дома прежде, чем он успеет увидеть мою ухмылку.

Глава 2 Эмерсон

— Привет, детка! — Брейди с клиентом проходит мимо меня к тренажерам с утяжелителями.

Мои брови поднимаются в едва заметном признании, когда я делаю глоток воды. В отношениях с парнем, который управляет тренажерным залом, имеется несколько преимуществ, к примеру, бесплатное членство. Это означает, что у меня есть доступ к раздевалкам, а главное — к душевым.

Не все могут иметь парня, который каждый день дарит им камень с надписью того, что ему нравится в вас. И не любая девушка может иметь надувной дом на свой день рождения, но это уже работа для психотерапевта, когда я смогу его себе позволить.

Брейди не разрешает мне оставаться на ночь после того, как мы занимаемся сексом. Если я буду проситься в душ, он что-нибудь заподозрит. Если прямо скажу, что на данный момент у меня нет дома, он меня бросит. Брейди постоянно хвастается моими творческими способностями, трудолюбием, силой и независимостью. Мне нравится то, кем он меня считает, и я понимаю, что это неправильно, поскольку сейчас немного ввожу его в заблуждение. Его видение меня — это цель, и я могла бы использовать ее, как мотивацию, чтобы двигаться к ней. Фотограф. Блогер-путешественница. Владелица собственного дома. В меру собранный человек.

Моя мечта найти беззаветно любящего мужчину, за которого можно выйти замуж, кажется, угасает с каждым днем. Я хочу всего, чего никогда не было у моей матери: любви, эмоциональной защищенности и спутника жизни.

Потренировавшись час, чтобы оправдать визит в душ, направляюсь в женскую раздевалку, имея в запасе добрых девяносто минут до того, как мне нужно оказаться в доме Хейсов. Те дополнительные полчаса, предоставленные Заком, могут быть благословением.

— Детка, тебе придется забежать домой, чтобы принять душ, — говорит Брейди у меня за спиной.

Я поворачиваюсь и стягиваю с хвоста резинку.

— Почему?

Он наклоняется и целует меня, скользя рукой по моей заднице и сильно ее сжимая.

— Потому что у нас только что нанесли новый слой герметика, и его нельзя мочить в течение суток.

— Как неудобно. Мне нужно на работу, а возвращаться домой немного не по пути.

— Ты убираешься в домах, Эм. Не уверен, к чему тебе принимать душ, пока не

закончишь работу.

Я протягиваю к нему ладонь.

— Дай мне ключ от твоего дома и позволь принять душ там. — Он живет в двух кварталах от спортзала.

Брейди ухмыляется, почесывая челюсть. Он массивный мужчина, настоящий качок с гладко выбритой головой и татуировками на бицепсах и груди. Он сексуален и заботлив. В некоторые дни даже немного великодушен, так что я могу не замечать те черты его личности, которые не соответствуют золотому стандарту Зака Хейса.

Брейди несколько раз цокает языком, качая головой.

— У меня есть правило: никого в моем душе, если я тоже не в нем.

Думаю, сегодня не день великодушия. Это дурно пахнет... как и я.

— Отлично. Давай пойдём к тебе и примем душ вместе. — Скрещиваю руки на груди, приподнимая декольте.

Он мгновенно понимает намек.

— Детка, я на работе.

— Ты — босс. Можешь быстренько отлучиться по делам.

— Не могу, — возражает он, не отрывая взгляда от моей груди.

— Уверен? Потому что я чувствую прилив щедрости. — Мой язык медленно скользит по нижней губе.

— Насколько сильный?

Я напоминаю себе, что он *мой* парень, и мне *нравится* наша сексуальная жизнь, поэтому предложение секса в обмен на душ — не самая худшая жертва. Меня просто бесит, что он не отдает ключ от своего дома и не позволяет быстро принять душ, не получив ничего взамен.

Взглянув на часы, хмурюсь.

— Все, что захочешь. Да или нет, Брейди?

— Встретимся у меня через пять минут.

Боже. Как предсказуемо.

Я прибываю к его квартире первой, но к тому времени, когда выхожу из лифта, он толкает дверь лестничной клетки после того, как пробежал три пролета.

— Детка, ты ленишься. — Он закатывает глаза, прежде чем открыть дверь.

Я тоже закатываю глаза и вхожу в его идеально чистую квартиру. Самое смешное обо мне? Я убираю дома, но остальная часть моей жизни — это полный бардак. Даже когда у меня было жильё, там творилась настоящая катастрофа. Как можно хорошо убирать дома, но жить среди такого беспорядка? Для этого требуется уникальный талант.

— У меня не так много... — *Времени...* думаю я, когда его губы врезаются в мои, прежде чем он захлопывает за нами дверь. Мы превращаемся в торнадо из конечностей и сброшенной одежды, пока, спотыкаясь, бредем в ванную.

— Брейди...

Я тянусь к душе, пытаюсь включить воду. На самом деле, времени у меня в обрез. И, несмотря на его убежденность, что моя работа грязная, поэтому я могу приходить к своим клиентам потная и вонючая, это не мой уровень профессионализма.

Он отстраняется от меня и ухмыляется.

— Ты сказала *все, что захочу*.

— Если это быстро. Мне пора на работу.

Он качает головой.

— Это может быть быстро, но не уверен, что ты захочешь, чтобы это было

быстро.

Все прошло не так, как я себе представляла, но он обхватывает мое лицо ладонями и впервые говорит: «Я люблю тебя». Станный момент для признания в любви.

Я прикусываю язык, потому что любимая пища это — достоинство. После того, как Брейди получил свое «*все, что захочу*», мое это впилося зубами в большой кусок моего достоинства. Сильные люди не всегда принимают правильные решения; они превосходны в переходе от плохих решений. Я знаю, что должна быть с ним честна, но не могу. Пока нет.

Дело не в том, что я не хочу, чтобы он меня жалел. Я не поэтому не рассказываю ему о своем статусе бездомной. Не потому, что он пожалеет *меня*. Он пожалеет себя. Брейди слишком крут, чтобы встречаться с бездомной девушкой.

Я должна уйти и спасти то, что осталось от моего достоинства. Но... мне нужен душ. И мне нужен абонемент в спортзал, потому что это не последний душ, в котором я буду нуждаться, пока разбираюсь со своими финансовыми затруднениями. Так что, как бы мне ни хотелось сказать Брейди, что я живу в машине...

Потому что потеряла свой трейлер.

Потому что у меня куча медицинских счетов.

И потому что у меня эпилепсия.

Я молчу.

Не верю, что так важна для него.

Не верю, что он поступит правильно.

Не верю в его любовь.

Подставив ему зад (буквально), я была вознаграждена быстрым душем без всякого кондиционера. Брейди ждет у двери, потягивая напиток для спортсменов — его аналог «выкурить сигаретку». Самодовольство идет ему лучше, чем большинству мужчин. Не его вина, что я развратница, *выполнившая* за душ *все, что* мужчине захотелось.

— Могу я угостить тебя ужином завтра вечером?

Думаю, это меньшее, что он может сделать после того, как я только что променяла неприкосновенность моего анального сфинктера на душ.

Выдавив из себя улыбку, делаю уверенный вдох.

— Ужин звучит здорово. У тебя?

Секс.

Душ.

Может, я даже останусь на ночь... раз уж меня теперь любят.

— Можем поужинать сегодня вечером, если хочешь. — Я направляюсь к лестнице, зная, что он ни за что не поедет со мной на лифте.

— Я встречаюсь с друзьями. У тебя нет друзей, с кем можно зависнуть?

Нет. У меня нет друзей.

Я оставила всех своих друзей, когда порвала отношения с мамой и переехала в Атланту. А мои друзья по университету разъехались, чтобы применить свои дипломы на практике. Мой же лежит где-то в задней части машины, — самый дорогой листок бумаги, когда-либо купленный мной. Брейди знал бы все это, удели он время на расспросы обо мне. О нем я знаю *всё*. Я могла бы нарисовать его генеалогическое древо и пересказать его резюме. Если

он когда-нибудь представит меня своим друзьям, каждого из них я узнаю с первого взгляда, потому что за три месяца, проведенных вместе, я задавала Брейди очень много вопросов.

Три. Месяца.

Серьезно... мы должны были уже узнать друг друга.

— Конечно, у меня есть друзья. — Я с трудом спускаюсь по лестнице. — Я рассказывала тебе о них миллион раз.

— Помню, детка. Просто шучу.

Ага, вот как сильно он меня любит.

Перед тем, как расстаться на парковке, он обнимает меня и целует, а одна его рука скользит к моей заднице и сжимает ее. Прервав поцелуй, он улыбается, и я знаю, о чем он думает.

Этого больше не повторится. Никогда.

— Сообщи мне время и место завтрашнего ужина. — Я убираю его руку со своей задницы и выдавливаю фальшивую улыбку.

— Конечно, детка.

К Хейсам я приезжаю в девять сорок пять

вместо девяти тридцати.

— Опаздываете в первый день? — Зак сурово смотрит на меня, когда я переступаю порог и снимаю туфли в прихожей.

— Я очень сожалею. Такого больше не повторится. — Я съеживаюсь. — Утром в моем спортзале закрыли душевые, поэтому мне пришлось ехать в квартиру моего парня, что для меня было, как заноза в заднице, и из-за этого я немного опоздала.

Если бы он только знал, сколько правды я раскрываю ему в этом предложении.

— Я пошутил. Все в порядке. Может, в следующий раз позвоните или отправите мне сообщение, чтобы мы не беспокоились о вас.

Боже... надеюсь, следующего раза больше никогда не будет. И, *беспокоились обо мне?* Требуется минута, чтобы подобрать нужные слова, потому что он застал меня врасплох. Обо мне никто никогда не беспокоился.

— Безусловно. — Я сглатываю сквозь крошечный комочек в горле. — И еще раз, я очень сожалею. Итак... — делаю продолжительный выдох. — У вас есть пожелания относительно того, с чего мне начать?

— Мы будем в джунглях, так что начинайте откуда угодно. Весь инвентарь на кухне, включая шланг и насадки к пылесосу.

— Класс. Спасибо. Тогда я приступлю к работе.

— Отлично, Эмерсин. — Он снова делает акцент на моем имени. *Ммм-эр-син.*

Я хихикаю, поправляя растрепавшийся влажный хвостик.

— Правда, вы можете звать меня Эм.

— Я мог бы. — У Зака до безобразия игривая улыбка, но также и добрая. Он понятия не имеет, как сильно мне сейчас нужна искренняя доброта.

— Как Сьюзи чувствует себя сегодня?

— Уставшей. Вчера прошел последний сеанс химиотерапии. Ночь выдалась тяжелой, но утром ей стало немного лучше.

Я так молода, и доказательство тому — отсутствие у меня реакции на его слова. Нелегко говорить о раке с тем, кто сам проходит через это или переживает страдания

близкого человека. Все идиоматические выражения, которые подходят к чему-то вроде сильной простуды или гриппа, с раком не прокатят.

Надеюсь, она скоро поправится.

Вы давали ей куриный бульон?

Она справится!

Это пройдет.

Так уж вышло.

— Я не знаю, что сказать, — отвечаю тихо и застенчиво пожимаю плечами. Это моя правда, и я надеюсь, она не прозвучит бестактно.

Он качает головой.

— На самом деле, здесь ничего не скажешь. Так уж вышло.

Ладно, ему так говорить можно, и это не звучит ужасно, но я все равно не буду произносить эти слова в присутствии его или Сьюзи.

— Ну, не буду вам мешать. Не хочу становиться причиной поверхностной уборки, заставляя вас еще попотеть, раз вы уже попотели. — Он ухмыляется, так что я знаю, что он шутит, вроде как.

Поверхностная. Я ухмыляюсь.

честь и иду на кухню.

— Есть, сэр, мистер Хейс. — Я отдаю ему

После *тщательной* уборки спальни, ванных комнат и кабинета, я заканчиваю на кухне.

— Вы *все* еще здесь и выглядите, как куколка, в джинсах с высокой посадкой и блузке с оборками. Слишком хороши, чтобы убираться в моем доме.

Я оглядываюсь через плечо, мои руки в розовых перчатках замирают на стенке раковины, которую я чищу.

Сюзанна забирается на табурет у кухонного островка.

— Привет. Ну, в спортзал я хожу в леггинсах и футболке. Если не надевать на работу эту одежду, каждый день буду проводить в спортивной форме, а это угнетает.

Мама одевала меня в старую, дерьмовую, не подходящую по размеру одежду. Если уж на то пошло, милым комбинезончикам или одинаковым носкам она предпочитала наркотики. Как же много решений в моей жизни — это сочетание сознательного и бессознательного «иди на х*й» моей матери.

— Я вас понимаю, — говорит Сьюзи. — Иногда я принимаю душ, делаю макияж и надеваю что-нибудь милое, просто чтобы почувствовать себя... живой. Женственной. Желанной. Домашние штаны и объемные толстовки немного угнетают.

Я медленно киваю.

— Ммм... где Зак? Вы в порядке? Вам что-нибудь нужно?

Она кивает вправо.

— Тот шкаф со стеклянными дверцами и фарфоровой посудой?

Я указываю на него.

— Да. Во втором ящике с бумажными и тканевыми салфетками. Под ними коробка хлопьев «Капитан Кранч». Не могли бы вы достать ее для меня?

Обдумав просьбу, снимаю перчатки и *тщательно* мою руки. Затем достаю спрятанную коробку с хлопьями и ставлю ее на островок перед ней.

— Спасибо, Эм. — Она высыпает немного хлопьев на бело-серый гранит.

— Дать вам миску? Молоко? Ложку?

— Не-а. Мне и так хорошо. Хотите? — Она кладет пять или шесть штучек на столешницу.

— Э... я...

— Да ладно, не заставляйте умирающую женщину воровать хлопья в одиночку. — Она сверкает неотразимой улыбкой, бросая несколько штучек в рот.

Я копирую ее выражение и тоже кладу пару штучек в рот.

— Где Зак и *почему* мы воруем хлопья?

— Зак помчался в магазин и аптеку. Несмотря на то, как он нянчится со мной, настаивая на том, чтобы я целый день отдыхала, я способна передвигаться. Завтра ему на работу. В его отсутствие за мной присматривает и возит в больницу моя сестра Мишель.

— Кем работает Зак? — Я засовываю руки обратно в розовые латексные перчатки.

— Он пилот. В большинстве случаев к вечеру он возвращается домой. Ночные рейсы у него выпадают всего несколько раз в месяц. Большой летный стаж — это подарок судьбы.

Пилот. Я могу представить его только в спортивных штанах и футболке, а не в форме капитана.

— А вы? Чем занимаетесь вы? — Я сжимаю губы. — Извините. Конечно, вы...

Больны?

Умираете?

Она насыпает на прилавок еще хлопьев.

— Я работала стюардессой, именно так и познакомилась с Заком. Мы были знакомы много лет, прежде чем оказались вместе. Когда мы встретились... я встречалась с другим человеком.

Мои брови взмывают на лоб. Думаю, это может оказаться хорошей историей.

Забросив в рот еще хлопьев, она ухмыляется.

— Это не так запретно, как кажется. Зак на пять лет моложе меня. Когда мы встретились, я даже не взглянула в его сторону, потому что нежилась на седьмом небе с моей первой любовью... Тарой. Моей первой родственной душой.

Она позволяет мне несколько секунд медленно поморгать, прежде чем ухмыльнуться.

— Я гибкая в плане любви. Понимаете?

Я киваю. Пусть я и не познала этого так, как Сьюзи, но понимаю, что любовь принимает разные формы. К сожалению, в своей жизни я испытывала очень мало любви, даже материнской.

Улыбка Сьюзи исчезает.

— Тара умерла от аневризмы. Просто... пуф... — Ее взгляд не отрывается от хлопьев. — Мы вместе позавтракали. Овсянка. Ягоды. Кофе. Я поцеловала ее на прощание и поехала в аэропорт. Когда днем приземлилась в Бостоне, мне позвонил ее босс. Спустя час после возвращения с обеда она...

В ее глазах блестят слезы.

— Ну... все случилось быстро. — Сьюзи прочищает горло. — И именно такую смерть мы все заслуживаем. Мой самый большой страх — не смерть, а страдание. Приятно думать, что Тара не мучилась.

— Мне жаль, — шепчу я.

Я должна работать, драить и *тщательно* выполнять свою работу, но я не могу двигаться. Сюзанна завораживает меня, и это трудно объяснить. Я чувствую, что ей не

занимать оптимизма, но при этом она держит реальность в фокусе. Но я не уверена, что кто-то умирает от рака так же быстро, как от разрыва аневризмы. И от этого мне грустно за нее.

— Все говорили: год плюс один день. Именно столько мне нужно оплакивать Тару, прежде чем я буду готова двигаться дальше — что бы это ни значило. Я взяла неделю отпуска и только и делала, что просматривала все наши совместные фото. Не вставала с постели несколько дней. Просто разглядывала фотографии. В груди я чувствовала невыносимую, бездонную *пустоту*. Потом я засыпала, чтобы видеть сны о нас. В моих снах она всегда жива.

Сьюзи смотрит на меня, а я не моргаю. Не могу.

— Когда отпуск закончился, я собрала все фотографии и положила их в коробку. Все последние фото на моем компьютере переключались в папку на жестком диске. Ее вещи я отдала на благотворительность, надела штаны взрослой девочки и вернулась к работе. Это стало шагом вперед. Конечно, я вспоминала. И до сих пор вспоминаю. Но я сделала этот шаг. Двинулась дальше. Год плюс один день — моя задница. Не думаю, что любовь выражается в потраченном времени. Сколько времени отвести на хандру. Простите... знаю, это звучит бесчувственно. Потребности у всех разные. Но меня бесило, что все остальные думали, что знают, что для меня лучше. Вы понимаете?

Я медленно киваю. Кажется, это единственное, на что я способна.

— Когда я умру, — продолжает она, — я хочу, чтобы Зак дал себе неделю. Черт, я бы хотела, чтобы он ушел от моей могилы в день похорон и просто продолжил жить, но просить о таком, наверное, слишком. Так что, пусть будет хотя бы неделя. После этого я хочу, чтобы он вышел через парадную дверь в своей форме, сел в самолет и никогда не оглядывался назад.

— Считаете, химия не помогает?

— На данный момент это все равно, что пытаться проехать через всю страну на одном баке бензина. Немного я продвинусь, но весь путь не преодолею. Даже Зак знает, что есть *когда*, а не если.

— Вам страшно? — шепчу я.

— Нет. — Ее лицо расслабляется, и это успокаивает меня, но только немного.

Не знаю, почему мне страшно за нее. Просто так уж есть. Наверное, потому, что с тех пор, как мне поставили диагноз эпилепсия, я задавалась вопросом о собственной смерти. Никто не знает, сколько баков бензина у нас есть, чтобы добраться до места, где находится наша конечная цель в жизни.

— Тара ждет меня. И как бы безумно это ни звучало, моя вера в это утешает и Зака.

— Он не ревнует? Не чувствует, что Тара была любовью всей вашей жизни, а он лишь на втором месте?

Закрывая коробку с хлопьями, Сюзанна подмигивает мне.

— Я знаю, что вы молоды, но хочу выдать вам спойлер жизни. Родственные души — не единственные в своем роде. Без них мы не одиноки. Нас подпитывают многие души. Люди — взаимозаменяемые детали головоломки; мы вписываемся в более чем одно пространство. Мне подходит Тара. И я подхожу Заку. У меня не было детей. Тем не менее, я считаю, что именно так мать любит всех своих детей: одинаково, пусть и по-разному. Я люблю Зака не больше и не меньше, чем Тару. Я люблю его по-другому.

— Ну, он милый. Он рассказал мне о камнях в банке, и это... — Я качаю головой.

Ее глаза наполняют эмоции.

— Я знаю.

— Но вы... — я ухмыляюсь, пытаюсь удержать ее от слез. — В вас есть творческая жилка.

— Что? Вовсе нет. — Она смеется, вытирая уголки глаз.

— Да. Есть. — Я отворачиваюсь и снова начинаю тереть раковину. — Не уверена, чем занимаюсь большинство дней, но я знаю, кто я. Я — художник... художник, который любит фотографию. Вот в чем моя истинная страсть, поэтому инстинктивно узнаю коллег-художников. Пусть вы не шьете одежду, не лепите, не рисуете и не фотографируете, как я, но вы различаете эмоции. А эмоции — невидимы. Художники берут из жизни неосязаемые вещи и придают им форму — вдыхают в них жизнь. Вы своими словами только что сделали для меня идею родственных душ осязаемой. — Я коротко смеюсь. — Знание того, что я ищу не *единственную в своем роде* душу, а просто *родственную*, избавило мое сознание от тяжелого груза.

Сьюзи несколько раз кивает.

— Но не торопитесь, — наставляет она. — Мы, женщины, склонны западать на любовь. Не цепляйтесь за нее. Даже когда Зак набрался смелости ухаживать за мной после смерти Тары, я заставила его попотеть. Даже после того, как он полностью завладел моим сердцем, я заставляла его продолжать стараться.

Промыв раковину, поворачиваюсь к ней и снова снимаю перчатки.

— То, как он смотрит на вас... — я качаю головой, — ...не представляю, как это должно быть потрясающе.

Печальная улыбка растягивает ее сухие губы.

— Ммм... неопишимо. Таков Зак. Он отдается на сто десять процентов всему, что делает. Своей работе. Своим друзьям. Своему браку.

Я криво ухмыляюсь.

— Я рада, что могу дать ему больше времени, чтобы побыть с вами.

— Ну... — Она закатывает глаза. — Грязный дом не удерживает его от меня. Вы удовлетворяете его потребность в контроле и порядке, так что в некотором смысле он использует вас как продолжение себя. Зак не может меня спасти, так что он сделает всё, что в его силах. Чистый дом не даст мне ни дня больше, чем, вероятно, мне суждено прожить.

— Могу я задать вопрос... — На секунду делаю паузу.

— Спрашивайте о чем угодно.

Прикусив нижнюю губу, медленно киваю.

— Сколько времени у вас есть?

Она пожимает плечами.

— Вы можете задать вопрос, но я не могу на него ответить.

— Вам не назвали никакого предположительного срока?

— Да. Назвали. Я должна была умереть полгода назад.

Глава 3 Зак

— Как Сюзанна? — спрашивает Мэтт, когда я выхожу из самолета. Они с Сюзанной работали вместе.

Перекидываю сумку через плечо.

— Завершила последний курс химиотерапии.

— Это ведь хорошо?

— Ага. Хорошо.

Я не говорю ему, что мы разыграли последнюю карту. Я не говорю ему, что рак никуда не делся. Я не говорю ему, что надежда превратилась в принятие. Я никому не говорю об этом, потому что не могу произнести этого вслух.

— Передавай ей от меня привет и скажи, что я скучаю по ее чрезмерно веселой персоне.

Мои губы умудряются растянуться в небольшой улыбке, и я киваю. Это правда. Сюзанна всегда была душой компании. Быть знакомым с ней — это подарок. Любить ее — это жизнь. Прощание выпотрошит меня.

По дороге домой я покупаю букет тюльпанов цвета фуксии — ее любимых. Переступив порог, слышу доносящийся из нашей спальни гул телевизора. Сняв ботинки, мою на кухне руки, ставлю тюльпаны в ее любимую вазу из переработанного стекла и несусь в спальню.

Она там.

Живая.

Это все, что мне нужно, чтобы сделать мой день.

— Капитан Хейс. — Жена улыбается со своей стороны кровати, поднятой под углом сорок пять градусов.

Мой взгляд прикован к ее глазам, пока она выключает телевизор, будто успеет нажать на кнопку до того, как я замечу, что она смотрит реалити-шоу. На голове у нее ничего — персик с прядью волос, пытающихся вернуться к жизни.

Она слишком худая.

Слишком слабая.

Слишком больная.

Но в моих глазах она всегда идеальна. Каждый раз, когда я ее вижу, мне нужно на минуту перевести дыхание и сказать сердцу утомиться, потому что невозможно не влюбляться в нее каждый раз, когда я ее вижу.

— Балуетесь дрянными шоу, миссис Хейс?

— Это для *меня*? — Она игнорирует мой комментарий о шоу и удивляется, что я принес ей тюльпаны.

Я всегда... *всегда* приношу домой тюльпаны.

— Возможно. Я еще не решил. — Ставлю вазу на тумбочку и сажусь на край кровати.

— Дай мне эти губы.

Она облизывает пересохшие губы, но я уже наклоняюсь для поцелуя. Кожу всегда покалывает от того, как она проводит кончиками пальцев по моей щеке, когда я ее целую.

— Как рейсы? — спрашивает она, отстраняясь ровно настолько, чтобы перевести дыхание.

Раньше я отвечал на этот вопрос чем-то вроде: «*Без тебя долго и одиноко*», но мой страх и надвигающееся горе только крадут ее счастье. А у нас осталось так мало времени, что я не позволяю себе заглядывать вперед. Не позволяю чувствовать ничего, кроме настоящего момента.

— Гладко. И Мэтт передает тебе привет.

Она делает глубокий вдох и с улыбкой выдыхает.

— Ммм... приятно знать. Может, возьмешь гитару и сыграешь мне?

— Я собираюсь заползти к тебе в постель. — Я откидываю одеяла.

Мы лежим рядом друг с другом, обнявшись, как единое целое, а не два человека. Она теплая, ее грудь вздымается и опускается в такт моей.

— Зак?

— Хм? — Прижимаюсь губами к ее голове.

— Помнишь, ты всегда говоришь, что я слишком великодушная?

— Ага.

— Когда я умру... — Она говорит это так прозаично, но у меня такое чувство, будто из комнаты выкачали весь кислород. — Сделай что-нибудь необычное для кого-то? Кому это будет нужно? Сделав это, ты подумаешь обо мне?

Я не хочу говорить об этом.

— Потому что я не хочу, чтобы ты когда-либо сомневался в жизни или своей цели в ней после того, как меня не станет. Так что играй по-крупному. Меняй жизни. Сделай это своей целью.

— А как я узнаю, что делать?

Она пожимает плечами, опуская мои руки себе на талию. Я чувствую выпирающие кости, покрытые истонченной кожей, прикидывая, сколько ее я уже потерял.

— Ты узнаешь. Почувствуешь. Или увидишь знак.

Я улыбаюсь, несмотря на боль в груди, несмотря на ощущение, что она тает в моих руках, утекает, как песок в песочных часах. Еще секунда, время истечет, и я окажусь пустым и одиноким.

— Ты и твои знаки.

— Знаки повсюду. И дело не в том, что люди их не видят; они просто не хотят их признавать. Я согласилась на наше первое свидание, потому что в тот дождливый день, когда мы покидали терминал, ты держал свою куртку у меня над головой, чтобы я не промокла. В детстве мама мне говорила никогда не соглашаться на мужчину, который меньше, чем настоящий джентльмен.

Смеясь, снова целую ее в голову.

— Я просто пытался залезть к тебе в трусики.

Она смеется так сильно, что у меня на глаза наворачиваются слезы. Если я не буду слышать ее смеха, тогда мне не нужен слух.

Если не смогу держать ее в объятиях, тогда зачем мне руки?

Мысль о жизни без нее калечит так, что я даже не могу выразить словами. И поэтому она знает: когда ее не станет, я буду подвергать сомнению жизнь и все свое существование.

— Я нашла тебя, — шепчет она, словно слыша мои мысли. — Когда Тара умерла, я нашла тебя. И никто не мог сказать мне об этом до ее смерти. Мысль разделить свое сердце с другим таким образом была невообразимой. Но... я нашла тебя. Я столько уже раз повторяла тебе, что у человека не одна родственная душа.

Не-а. Я не верю в ее теорию родственных душ. Я не найду никого другого. Но, как и многие вещи, я не говорю ей об этом. Чувство того, что я вновь смогу найти любовь, успокаивает ее. И я предложу ей что угодно — скажу что угодно, — лишь бы облегчить ее мысли и дать ощущение покоя.

— Знаки повсюду. Менять жизни. Играть по-крупному. И снова найти любовь. Понял, — говорю я.

Если она поднимет голову, то увидит слезы, текущие по моему лицу. Надеюсь, она останется неподвижной и не почувствует, как от почти

задушившего меня горя, мое сердце едва бьется.

Во вторник Сюзанна настаивает на душе, макияже и шелковом шарфе.

— Зачем так стараться ради девушки, которая убирает наш дом? — Я наклоняюсь и целую ее в шею, пока она смотрит на меня в зеркало.

Она наносит блеск для губ и еще раз смотрит на свое отражение, а я натягиваю футболку и взъерошиваю мокрые волосы.

— Ее зовут Эмерсин, а не *девушка*, и мне нравится с ней болтать. Ты знал, что у нее степень в области текстильного дизайна, но истинная ее любовь — фотография?

— Да, я читал ее резюме. Однако не знал, что она любит фотографировать. Не удивительно, что кто-то со степенью в области изящных искусств убирает дома. Бьюсь об заклад, уборка домов оплачивается лучше. — Я подмигиваю ее отражению.

Сюзанна бросает на меня свой лучший суровый взгляд, но знает, что я прав.

— И все же... мне не нравится пугать ее своим видом, будто ходячий мертвец, и я замечаю в ее глазах тревогу, когда неважно выгляжу. Она молода. Ей нужно сосредоточиться на жизни — стильной одежде, шикарных волосах и безграничных возможностях.

— В жизни есть нечто большее, чем волосы и одежда. Мнение твоей сестры тебя вовсе не волнует.

— Мишель побрила мне голову, а до этого держала мои спутанные волосы, когда меня рвало в те дни, когда ты работал. Полагаю, уже немного поздно оберегать ее от моих худших моментов. Кроме того, моя сестра никуда не денется. А если я напугаю Эм, она может уволиться и найти работу, где ее не будет окружать смерть.

Звонок в дверь заставляет Сюзанну медленно подняться. С каждым днем она чуть слабее.

— Я открою, — говорю я.

— Я пойду с тобой.

Закатываю глаза, но все равно предлагаю ей руку. Она посылает мне воздушный

поцелуй и берет под руку. Когда мы поворачиваем за угол, Сюзанна машет Эмерсин через стеклянную дверь.

— Посмотри на ее клетчатый комбинезон! Она просто сама милота.

Я снова закатываю глаза, хотя не могу не улыбнуться волнению жены. Думаю, в свои двадцать три она очень походила на Эмерсин.

— Доброе утро. Ты завтракала? — спрашивает Сюзанна, как только я открываю Эмерсин дверь.

— Хм... — Эмерсин прищуривается, отчего ее глаза превращаются в крошечные голубые щелочки. — Вроде как. А что?

Она проходит внутрь и снимает сандалии, поджимая пальцы ног с отслаивающимся розовым лаком. Не колеблясь, она направляется прямо в туалет, чтобы тщательно вымыть руки, как делала весь последний месяц, оставляя за собой аромат, который я не могу различить. Амаретто и, может быть, вишни, похоже на пирожное.

— Зак готовит яйца Бенедикт. Хочешь? — Жена следует за Эмерсин в туалет.

— Мне пора приступить к уборке. — Эмерсин вытирает руки и поворачивается к двери, к моей нетерпеливой жене, которая весьма неожиданным образом подружилась с нашей горничной.

— Тебе нет нужды пылесосить в гостевых спальнях, — отмахивается Сюзанна, будто мысль о том, что горничная делает то, за что мы ей платим, абсурдна.

Взгляд Эмерсин перескакивает на меня, маячащего позади Сюзанны. Девушка заправляет светлые волосы за уши, несколько прядей падают ей на лицо, когда она достает что-то из кармана.

Помада. Может блеск для губ. Как только она открывает его, я узнаю запах — вишня и амаретто.

Не знал, что этим утром буду готовить яйца Бенедикт, но я их приготовлю. Для жены я приготовлю что угодно.

Сделаю что угодно.

Отправлюсь куда угодно.

Буду кем угодно.

Мою любовь к ней не описать словами. Поэтому я прочищаю горло и улыбаюсь.

— Эмерсин, ты должна попробовать с нами яйца Бенедикт, и если у тебя нет времени пропылесосить спальни, оставь их.

Я сам уберусь там позже, потому что, так или иначе, дело должно быть сделано. Я полагал, мы наняли горничную, чтобы она убирала и позволяла мне проводить в выходные дни больше времени с Сюзанной. Очевидно, нет. Если она хочет позавтракать с девушкой в *милрой* одежде... если это вызывает у нее улыбку, значит, такова моя цель сегодня утром.

— Звучит вкусно. Спасибо. Я начну с ванных комнат.

Когда завтрак готов, направляюсь в джунгли за Сюзанной, но в ее кресле нет ничего, кроме полусвернутого одеяла. Обыскиваю внутренний дворик, прежде чем вернуться в дом, привлеченный девичьим хихиканьем. Сюзанна восседает на мягком пуфе у туалетного столика, а Эмерсин на полу у ее ног. Она заплетает Эмерсин косу.

Эмерсин еще *ничего* не убирала? И пальцем не пошевелила, чтобы заработать хотя бы цент? В данный момент меня разрывают противоречия. История с наймом горничной приняла неожиданный оборот.

— Волосы Эм лучше всех. Тебе не кажется, Зак? Конечно, сейчас у всех волосы лучше.

чем у меня.

Боюсь, глядя на Эмерсин, жена будет видеть ту, кем она была раньше и больше никогда не будет.

При виде меня улыбка сползает с лица Эмерсин. Она втягивает губы, будто хочет их съесть до того, как я их увижу. Ванная, вероятно, тоже позже окажется на мне. А, может, и весь дом.

— Завтрак готов.

Лучшее, что я могу, это до крови прикусить язык и одарить Эмерсин широченной улыбкой. Но я лучше умру, чем скажу что-то, что сотрет эту прекрасную ухмылку с лица моей жены. И, похоже, причиной тому — Эмерсин, так что... чего тут поделать?

— Подержи, Зак. — Сюзанна кивает на конец косы в своей руке. — Мне нужно взять резинку из ящика стола, если она у меня еще осталась. Я могла отказаться от необходимости иметь их.

Она тихо смеется, будто в очередном намеке на танце со смертью, которая с каждым днем приближается на несколько дюймов, нет ничего особенного.

Я беру конец косы, а Эмерсин продолжает кусать губы, все ее тело напрягается, будто она задерживает дыхание. Поймана боссом... отлынивает от работы. Возьмет ли она с меня плату за уборку всего дома? Я не должен заставлять ее корчиться, но нахожу это немного удовлетворительным. Передышкой от тяжелых мыслей.

— Спасибо, милый. — Сюзанна забирает у меня косу и наматывает на нее резинку. — Ты знал, что бойфренд Эм управляет фитнес-клубом, в котором мы когда-то состояли? Я его помню. Брейди? Весь в татуировках? Помнишь, Зак?

Я несколько раз киваю.

— Да, я его помню, но, нет, я не знал, что он ее парень. Наверное, потому, что позволял ей выполнять свою работу вместо того, чтобы играть с ней в двадцать вопросов.

Моя улыбка растягивается до предела, скрывая сарказм. А, может, это зависть. Завидую ли я тому, что именно Эмерсин оживила сегодня Сюзанну? Я могу дойти до того, что отращу волосы, если в плетении косичек Сюзанна находит такое удовольствие.

Эмерсин тут же вскакивает и, опережая меня, помогает подняться Сюзанне.

— Зак, перестань брюзжать. Жизнь слишком коротка, чтобы беспокоиться о пылинке или известковом налете на стенке душа. — Сюзанна, игриво прищурившись, смотрит на меня.

Я так люблю эту женщину. Вот почему продолжаю улыбаться, несмотря на свои мысли. *Извини. Виноват. Я просто считаю, что именно поэтому мы ее и наняли.* Опять же, я очень сильно ошибся.

Пока женщины уютно устраиваются в уголке у окна, выходящем на грядки, я подаю им яйца Бенедикт и свежавыжатый апельсиновый сок. Эмерсин следит за каждым моим движением. Не уверен, заставляю ли я ее нервничать или она никогда не видела, как парень готовит яйца Бенедикт. Сюзанна подмигивает мне, когда я протягиваю ей чашку, полную витаминов и обезболивающих, и высокий стакан фильтрованной воды.

Словно прочитав мысли Эмерсин, она похлопывает по пустому месту между ними, подзывая меня сесть.

— Зак всегда хорошо готовил, но перешел на новый уровень, когда у меня впервые диагностировали рак.

— Вкусно. *Очень* вкусно, — бормочет Эмерсин с набитым ртом.

Жена улыбается и берет меня за руку, поднося ее к губам для нежного поцелуя.

— Он лучший. Я счастливая и любимая женщина.

В ответ на ее улыбку проглатываю еще больший комок эмоций, вызванный ее крошечными словесными напоминаниями о том, что для нас все подходит к концу.

— У кого легкая рука? — Эмерсин кивает в окно на клумбы и грядки.

— У Сюзанны. Джунгли — это ее рук дело. И сад. Все, в чем есть жизнь... это она.

Отвечая на вопрос Эмерсин, замечаю, как Сюзанна вздрагивает от моих слов. Мы умеем ходить на цыпочках вокруг реальности, выплескивая свои эмоции в доброжелательных комментариях. В этом доме она действительно та, кто вдыхает жизнь в обстановку и все остальное. Не знаю, как я буду выглядеть без нее. Увижу ли свое отражение в зеркале? Или почувствую такую опустошенность, что стану всего лишь призраком нынешнего себя? Пустой банкой с крошечными трещинками и потерянной крышкой. Бесполезным.

— Зак быстро учится. Нет ничего, что бы он ни сделал или не попытался сделать. Он часами читает книги по ботанике, чтобы в трудные дни позаботиться о моих растениях. Он смотрел видео на YouTube, чтобы узнать, как сделать мне идеальный педикюр. Когда мне впервые диагностировали рак, клянусь, он собирался отучиться на медика, чтобы иметь возможность на одном языке разговаривать с врачами о моем лечении.

Я знаю, она не специально, но я ненавижу, когда жена выставляет меня святым. Я далек от этого, просто обычный мужчина, который любит свою жену. Таким мой отец всегда был для мамы.

— Итак... у вас с Брейди... серьезно? — Сюзанна быстро меняет тему. Я люблю ее за это. — Свадьба в будущих планах?

Я не любитель девчачьих разговоров, но жена увлекается любовными историями, романтикой и сплетнями. Когда она со своей сестрой, Мишель, начинает обсуждать любимые реалити-шоу, это служит мне сигналом выбираться из дома.

— Надеюсь, нет. — Эмерсин смотрит в свою тарелку, сдерживая нервный смешок.

— Ох, Эм... не говори, что тратишь время на парня, который тебя не достоин.

Я не могу достаточно быстро проглотить завтрак и улизнуть отсюда.

— Не каждый парень — Закари. — Губы Эмерсин растягиваются в застенчивой ухмылке, когда ее взгляд на две секунды обращается ко мне.

Класс. Она тоже считает меня лучше, чем я есть, когда я просто хорошо скрываю свои недостатки. Мой самый большой недостаток — слишком сильно любить, теряет чувство контроля и связь с реальностью. Хотел бы я, чтобы моя любовь была неким волшебным решением всего, но это не так.

— Это правда. — Сюзанна трется ногой о мою икру. — Тем больше причин отсеивать тех, кто не на высоте. Я не очень хорошо знаю Брейди, но он всегда казался милым.

— Брейди милый, — соглашается Эмерсин, но в ее словах мало энтузиазма. — И, честно говоря, это могу быть я. Возможно, я его не достойна. Он сосредоточен на настоящем и где хочет оказаться в будущем. Он преследует свои мечты, а я все еще мечтаю без направления. И меня это устраивает. Просто большую часть времени мы кажемся несовместимыми. Тем не менее, он мне нравится, и все, что у нас есть, пока получается. Так зачем бросать, если ни у кого из нас сейчас нет ничего лучше? Мы... в настоящее время полезны друг другу.

Эмерсин снова опускает взгляд в тарелку, ковыряя вилкой еду и скривив губы, будто что-то соображая.

— Полезны, — смеется Сюзанна. — Справедливо. Только пообещай мне, что не успокоишься, когда дело дойдет до любви.

Эмерсин медленно кивает, но на нас не смотрит.

— Может, как я, найдешь мужчину помоложе.

Я улыбаюсь, вставая с пустой тарелкой.

Эмерсин ухмыляется, ее взгляд мечется между нами.

— Возможно. Большое спасибо за завтрак. Это слишком великодушно... правда. — Она несет посуду к раковине и моет ее. — Лучше вернусь к работе.

Взяв посуду у Эмерсин, загружаю ее в посудомоечную машину.

— Буду признателен.

Она наклоняется ко мне, согнувшись над открытой дверцей.

— Не волнуйся. Я все пропылесосу... *тщательно*.

Веселье кривит мои губы, и я поднимаю свой взгляд, чтобы посмотреть на нее. Между нами что-то меняется, я не могу подыскать нужных слов, потому что эта перемена выбивает меня из колеи. Эта девушка может читать мои мысли, как и моя жена. Класс. Две женщины, читающие мои мысли. Выкручивающие мне яйца. Я обречен.

Как только Эмерсин исчезает в коридоре, я иду к Сюзанне, ее полному стакану апельсинового сока и почти нетронутым яйцам Бенедикт.

— Как ты собираешься принимать таблетки на голодный желудок? — тихо спрашиваю я, пододвигаясь на стуле ближе к ней.

— Она прекрасна. Не так ли?

— Что? — *Правильно ли я расслышал?*

— Эм. Она красивая... и свеженькая. — Сюзанна игриво толкает ногой мое колено.

— Я должен беспокоиться? Ты бросишь меня ради горничной?

Жена хихикает и качает головой.

— Нет, но, может, *тебе* стоит бросить *меня* ради горничной. У нее восхитительно зазорные груди.

— Ну тебя нахрен, — шепчу я с наигранной улыбкой. Я не злюсь, но мне больно. Она знает, что мне плевать на зазорные сиськи, и что я люблю ее всеми фибрами души.

— Я бы с удовольствием. Мне бы хотелось, чтобы ты меня трахнул, а если не меня... то, может, кого-то вроде Эм.

— Господи, Сьюз...

Провожу руками по волосам.

— Откуда, черт возьми, это взялось? Просто... — мои руки падают ей на колени, — ... прими таблетки.

— Может, таблетки мне и не нужны.

Я хмурюсь, подцепляя вилкой кусочек яйца и поднося к ее рту.

— А, может, и нужны.

Она умоляет с отчаянием в глазах, в то время как я несколько секунд сохраняю вызывающий вид. Вздохнув, она уступает моей просьбе, открывая рот ровно настолько, чтобы вместить туда еду. Жует, как в замедленной съемке, красивое лицо искажается в болезненной гримасе. Как бы она ни любила приготовленные мной яйца Бенедикт, у нее нет аппетита, и все, что ей удастся, это проглотить их. Прошло несколько дней с тех пор, как она съедала больше одного или двух кусочков. И если я заставлю ее проглотить таблетки с таким небольшим количеством еды, ее вырвет.

— Детка... если не поешь... — произношу слова медленно, чуть громче шепота.

— Я устала.

Она прикладывает ладонь к моей щеке и склоняет голову набок, даря любящую улыбку, которой я не могу отказать. Одним взглядом она может заставить меня сделать, что угодно.

— Хочешь, я посплю с тобой?

Она кивает.

— Да, было бы идеально.

У меня миллион дел по дому: поменять фильтр в печи, устранить течь, убратсья в гараже и покосить траву. Но все это будет здесь позже. *Это* никуда не денется.

Единственное, что нужно моим рукам, это обнять ими мою жену.

Глава 4 Эмерсон

В свободное от уборки домов время, я шныряю по секонд-хендам, смотрю на мир через объектив фотокамеры или работаю над тем, чтобы набрать подписчиков в социальных сетях, ищу в Интернете... что-нибудь. Что угодно, лишь бы вырваться из этой колеи. Дело не в том, что уборка домов плохо оплачивается; просто это не моя мечта. И с каждым днем фокус этой мечты все больше теряется.

Бросив телефон в бэушную сумочку Hammitt, выпускаю протяжный, раздосадованный вздох и вылезая из своего временного жилища на колесах. Стучу в стеклянную дверь, и через несколько секунд появляется Зак. После неловкого завтрака на прошлой неделе его приветливая улыбка — именно то, что мне нужно этим утром. В тот день на уборку их дома потребовалась целая вечность. Зак, возможно, нанял меня в качестве горничной, но я думаю, Сьюзи предпочла бы, чтобы по вторникам я была ее подругой. Если бы мне платили за это, я без зазрения совести стала бы ей другом, и это была бы отличная работа.

— Доброе утро, — приветствует Зак. — Через несколько минут я уйду. Сегодня я не должен был работать, но все изменилось. Я вернусь поздно вечером, а сестра Сьюзи придет к трем.

Он говорит без остановки, пока я переступаю порог и снимаю туфли.

— Я не прошу тебя следить за ней. Она считает, что ей никто не нужен, но не могла бы ты проверять ее время от времени...

— Зак, — обрываю его бессвязное бормотание, чувствуя каждую каплю беспокойства, исходящего от него. — Я справлюсь.

Удивляясь высокому уровню наигранной уверенности, добавляю широкую ободряющую улыбку, чтобы Зак купился. На самом деле, я не уверена, что справлюсь. Тусоваться со Сьюзи в присутствии Зака или его отлучке по делам на расстояние не более двадцати миль, — более тривиальная обязанность, чем его нынешняя просьба. Я вижу его панику, даже если он пытается ее преуменьшить.

— Уверена? — Его лицо морщится, когда зубы крепко вонзаются в нижнюю губу.

— По вторникам я убираюсь только у вас. Так что, если потребуется больше времени или ты захочешь, чтобы я осталась до прихода ее сестры, это не проблема.

— Ты останешься? — переспрашивает он так быстро, что у меня кружится голова.

— Да, — смеюсь я. — Останусь.

— Ты — лучше всех. — Он пожимает плечами. — Ладно, Сюзанна — лучше всех. Но ты на втором месте. Если бы это не было совсем непрофессионально, и если бы у меня было

больше времени, я бы обнял тебя или заплел тебе косичку.

Зак подмигивает, и это заставляет меня хихикнуть и покачать головой.

Он разворачивается и направляется в спальню.

— Не волнуйся. Я заплачу тебе больше.

Пока я перебираю чистящие средства на кухонном островке, Зак выглядывает из-за угла.

— Мне пора. Ты — чудо. Если никто еще не сказал тебе этого сегодня, теперь ты знаешь.

— Эй, тебе не нужно платить мне за то, чтобы я присмотрела за Сьюзи. Мне это только в радость, потому что она мне нравится... очень. — Я следую за ним к задней двери.

Зак поворачивается, прежде чем потянуться к ручке. После нескольких секунд молчания я думаю, не потерял ли он способность говорить. Наконец, он грустно улыбается мне и кивает.

— Она мне тоже нравится... очень.

Глаза мгновенно жжет от эмоций. Он разбивает мне сердце. Зак — потерявшийся щенок, хотя его хозяйка еще жива.

— Хм... — Он прочищает горло и качает головой. — Она в джунглях читает книгу. Еще раз спасибо за... все. Правда. Ты...

Я слегка ухмыляюсь.

— Вторая лучшая. Я поняла. Желаю безопасного полета.

Его напряженное лицо смягчается, а гримаса превращается в искреннюю улыбку.

— Спасибо. Все номера экстренных служб у меня на столе.

Я киваю.

Убравшись в спальнях и ваннах, проверяю Сьюзи.

— Привет! — Она замечает меня, когда я выглядываю из-за угла.

— Привет. Тебе... что-нибудь нужно? — Я осматриваю джунгли, направляясь к ее лежаку.

— Мне нужно, чтобы ты перестала чистить то, что и так чисто. — Она кивает на полосатую тахту. — Присаживайся. Там сидит Зак, когда массирует мне ноги, но тебе этого делать не нужно. Я просто хочу, чтобы ты мне все рассказала.

Сегодня ее голос звучит немного сильнее, и, наверное, поэтому Зак был в лучшем настроении.

Игривый.

Полный благодарности.

И фонтанирующий комплиментами.

Он думает, я делаю ему одолжение. Он очень ошибается. Ни он, ни Сьюзи не знают, как сильно они питают мою душу. Дружбой? Состраданием? Просто чем-то, чего у меня никогда не было.

— Все, да? — смеюсь я, садясь.

— Все. Начиная с рождения и заканчивая уборкой моего дома. — Сьюзи поправляет на голове шфрф и складывает костлявые руки на коленях. Ее кожа покрыта бледными пятнами.

— Уверена, что вместо этого я не могу почитать тебе книгу? Есть так много хороших историй, не то что моя.

Медленно покачав головой, она прочищает горло.

— Я не хочу сказок. Я хочу чего-то реального. — Она указывает на себя. — Я

абсолютно реальна в данный момент моей жизни.

Легко кивнув, делаю глубокий вдох. С чего начать? Даю ей краткий пересказ.

Моя мама и ее пристрастия. Ее любимым занятием было спать с мужчинами — плохими мужчинами.

Понятия не имею, кто мой отец или жив ли он до сих пор.

Ни братьев, ни сестер.

Сьюзи уделяет мне все свое внимание, и я не могу припомнить, когда в последний раз кто-то так заботился о том, чтобы выслушать меня. Ловлю себя на том, что отвожу взгляд, чтобы собраться. Так вот на что похоже, когда ты действительно кому-то не безразлична?

— В значительной степени я вырастила себя сама. На спорт или какие-то увлечения времени не было. Мне приходилось искать случайную работу, чтобы заработать достаточно денег на еду, когда мама просаживала свою зарплату на наркотики и алкоголь. И, в любом случае, на ее зарплату надеяться не приходилось, потому что она никогда не задерживалась на работе дольше, чем на несколько месяцев.

Сьюзи хмурится, но я продолжаю:

— После окончания школы мама пыталась убедить меня поступить в Университет Джорджии рядом с домом. Я рассмеялась ей в лицо, угнала ее машину, потому что считала, что она *должна* мне хоть *что-то*, и поехала в Атланту. Потом, дай-ка подумать... — Я кривлю губы и несколько секунд смотрю в окно. — Колледж. Задолженность по студенческому кредиту. Диагноз эпилепсия. Работа в «Волмарт». Такая чудесная история, не находишь?

Я испускаю нервный смешок, потому что мне нужно было высказаться. Нечто, скрывающееся за моей гордостью, действительно нуждалось в том, чтобы услышать эти слова. Я провела так много времени, задаваясь вопросом: как, черт побери, я оказалась в такой ситуации. Чувствовала себя потерянной.

— Одна из сотрудниц «Волмарт» рассказала мне о совей второй работе — уборке домов. Так что, несколько своих первых зарплат я потратила на покупку чистящих средств со скидкой для сотрудников. И начала ходить по домам в поисках работы. Таким способом найти мне ничего не удалось. Как-то раз, направляясь к своей машине после работы, я увидела пожилую женщину. Марджи Мамфорд, — я ухмыляюсь. — Она уронила бумажник в нескольких футах позади себя, но не заметила. Я подняла его и вернула ей. Потом вмешалась судьба и открыла мне дверь. Она упомянула, что отвлеклась из-за организации вечеринки, а у ее горничной начались схватки. Так я получила свою первую работу, а ее рекомендации друзьям привели к тому, что у меня было достаточно домов, требующих уборки, чтобы я могла бросить работу в «Волмарт». И вот я здесь.

Сьюзи медленно кивает. Жалееет меня? Боже, надеюсь, что нет. Я в порядке; мне не нужна ее жалость. Это разрушит волнение, которое я испытываю, зная, что сегодня вторник, и я могу тусоваться с двумя моими любимыми людьми.

— Ну... — Она глубоко вздыхает. — Это ужасно банально. За сюжет я ставлю три звезды. Может, три с половиной.

— Что? — Я смеюсь. — Сюжет? Ты не хотела сказки. Ты просила рассказать о моей жизни.

— И я все еще очень мало о тебе знаю. Как повлияли на тебя пороки твоей матери? Кем ты стала из-за ее выбора? Почему искусство? Почему фотография? Влюблялась ли ты когда-нибудь? Есть ли у тебя мечты? Чем ты занимаешься, когда не убираешь дома и не

встречаешься с горячим фитнес-тренером? Какая музыка говорит с твоей душой? Какая еда заставляет стонать от удовольствия? Когда в последний раз от некоего мгновения у тебя порхали бабочки в животе или мурашки бежали по спине? Ответ на эти вопросы, и я узнаю тебя.

— Мне нужно убираться в твоём доме. — Я снова нервно смеюсь, немного не в ладах с ее исследованием моих эмоций. Как ответить на вопрос: *Что делает тебя... тобой?*

— Нет. Тебе не нужно ничего убирать.

Подняв ноги на тахту и скрестив их, на несколько секунд закрываю глаза. Я никогда не тратила время на то, чтобы подумать о себе, за исключением обстоятельств, которые привели меня к настоящему моменту.

— Сол. Один из маминых ухажеров. Думаю, единственный хороший. — Приоткрыв один глаз, хмурюсь. — Он продержался недолго. Был слишком хорош для нее. Он был художником, покупал мне краски и глину, карандаши и бумагу для рисования. Сол разрешал мне снимать на его фотокамеру. Однажды субботним днем, когда мама мучилась легким похмельем, мы поехали на пляж. Большую часть времени мама оставалась в машине. Мы с Солом играли в песке. Строили замок со рвами и представляли, что я принцесса, а он рыцарь, пытающийся меня спасти. И он спас. Создавая и улавливая сущность человечества во многих его формах, Сол раскрыл мою любовь к искусству. Он показал мне красоту через творение, и стал моей первой любовью... не в странном или неуместном смысле, просто... он дал мне представление о том, как выглядит любовь. А после Сола я ее не видела. Никаких бабочек я не чувствовала, но от одного маминого голоса по спине бежали мурашки. Из-за нее я вынуждена не быть ею. О... и я люблю музыку R&B. Чем сексуальнее, тем лучше.

Сьюзи усмехается.

Я продолжаю:

— Я мечтаю о семье, что забавно, потому что не знаю, что это такое. Но я вижу, как мамы с дочками ходят за покупками или обедают по четвергам в модном кафе в час дня, и представляю, какой была бы моя жизнь. И я не часто думаю о еде, потому что мне выпадало мало шансов насладиться ею, кроме обычного поглощения калорий, питающих мое тело. Когда я не убираюсь в домах, я фотографирую или покупаю отличные дизайнерские находки в сэконд-хэндах.

— Подруга... ты говоришь на моем языке, — заявляет Сьюзи, широко улыбаясь.

Ее слова побуждают меня продолжить.

— Я люблю читать биографии, потому что весело на несколько страниц стать кем-то другим. Безумие, да?

— Ммм... — мычит Сьюзи. — Не безумие. Я точно знаю, о чем ты. Прямо сейчас я — это ты.

— О, нет. Выбери кого-нибудь получше. — Смеюсь я.

— Нет. Я хочу быть тобой. Мечтательницей с крошечной привязкой к реальности. Ценить жизнь... никогда не принимать ее как должное. И о... возможности. Ты можешь стать кем угодно. Делать что угодно. Отправиться куда угодно. Твои бабочки еще впереди. Эм! Твои. Бабочки. Будут. Порхать! Боже! Хотела бы я повернуть время вспять и снова их почувствовать. Не то чтобы я по-прежнему их не чувствую с Заком, но они уже не порхают так сильно, как в первый раз. В твоей жизни миллион первых разов. В моей — лишь единицы последних. Не трать ни минуты на то, чтобы быть кем-то, кроме как смелой.

Смелой...

Смелая ли я, живя в собственной машине?

Смелая ли я из-за того, что понятия не имею, что значит иметь здоровые, *честные* отношения с женщиной?

Думаю, она принимает смелость за скрытый страх.

— Скажи это. — Сьюзи несколько раз хлопает в ладоши.

— Сказать — что?

— Я смелая! — Сьюзи поднимает руки над головой, пальцы напряжены, улыбка до ушей.

— Я смелая, — повторяю я.

— Нет! Что это было? Попробуй еще раз, поверь в слова. А еще лучше, поверь, что ты смелая на самом деле.

— Я смелая! — добавляю немного силы своим словам.

— Еще раз. Не забудь руки.

Я хихикаю.

— Я СМЕЛАЯ! — Вскликаю с тахты и вскидываю руки к потолку.

— Вот так, девочка! Это твоя душа, подруга. Ты меня слышишь? Это твоя *душа*. Волосы, тело, эпилепсия... это твои генетические проводники в этой жизни. Используй их для удовольствия и используй во благо. Но никогда не позволяй им определять тебя.

Я плюхаюсь на тахту и, прежде чем осознаю, смахиваю несколько случайных слез.

— О, эй... — Сьюзи медленно наклоняется вперед и тянется к моей ноге.

Я качаю головой и улыбаюсь сквозь слезы.

— Прости. Я просто... думаю, мне нужен терапевт или...

— Друг?

Я киваю и всхлипываю.

— Ну, один прямо перед тобой. Хорошо? — Она дотягивается до моей руки и сжимает ее.

Я выдыхаю и улыбаюсь, глядя на ее хрупкое тело и чувствуя ее внутреннюю силу.

— Ты не позволяешь раку определять тебя?

Она качает головой.

— У меня слишком много дел. Может, не в этой жизни, но это ничего. Я возьму носителя без рака и отправлюсь в новое путешествие в следующей жизни. Я не верю, что наш путь имеет конец; мы просто движемся дальше.

Я не знаю, чему верить. Но если мыслить, как Сьюзи, значит, жизнь полна удовольствия и приключений без страха смерти, и она только что обратила меня в новую религию.

Глава 5 Эмерсон

К середине лета Сьюзи становится мне больше, чем просто подругой. Она для меня как мама, сестра и наставница. Если — когда — она умрет, мне будет больнее, чем от смерти моей биологической матери. Я по-прежнему убираюсь в ее доме по вторникам, но также зависаю с ней по вечерам, когда у Зака поздние рейсы. Можно подумать, из-за разницы в возрасте нам будет не о чем говорить, но все как раз наоборот.

Сьюзи любит наблюдать, как я редактирую фотографии. А мне нравится ее фотографировать, когда она меньше всего этого ожидает. Она закатывает глаза, а я выглядываю из-за камеры и подмигиваю ей.

Ей всегда интересно поговорить о моей матери и ее сомнительном прошлом. Полагаю, таков ее способ устроить мне сеанс терапии, который я не могу себе позволить. Мне нравятся ее наставления по садоводству и уходу за джунглями. При этом она делится впечатлениями о всех местах мира, где побывала за время своей работы бортпроводницей. И мы обе любим реалити-шоу, сплетни о знаменитостях и все, что связано с модой.

Бывают хорошие дни и плохие... дни, когда я думаю, что она чудесным образом побеждает рак, и дни, когда кажется, что конец близок. Сколько раз я была на волосок от того, чтобы признаться в своей ситуации с отсутствием жилья. Вскользь я упомянула долг по студенческому кредиту и *нескольким* медицинским счетам, но не говорила ей, что их стопка высотой в милю. Я не хочу ее жалости. Со своими проблемами я разберусь сама... в конце концов. А пока просто хочу быть ее другом.

— Спасибо, — благодарит она.

Я бросаю на нее взгляд со стремянки, протирая пыль со светильников над кухонным островком, пока она ест свой «Капитан Кранч». Вот откуда я знаю, что сегодня хороший день. «Капитан» всегда означает хороший день.

— Это моя работа. Вы мне за нее платите, никаких благодарностей не нужно. — Я подмигиваю.

— Я благодарю не за это. Я имею в виду нас. Ты — единственная из моих друзей, кто не смотрит на меня с жалостью. Ты не засыпаешь меня вопросами о новых методах лечения. Не говоришь, что я должна очищать организм соками и медитировать каждый день. Когда мы вместе, мой рак легко забывается.

Мое внимание возвращается к светильникам, потому что ее слова вызывают слезы, а это выглядело бы как жалость. Сьюзи установила высокую планку. Я очень тщательно должна следить за тем, что говорю, как на нее смотрю, и, определенно, не предлагать слишком

много питательной пищи. Если Зак завтра будет на работе, я принесу пинту ее любимого мороженого.

— Иногда я забываю, что вы наняли меня для уборки дома, тем более что Зак так благодарен. Когда я только начала работать на вас, мне казалось, он не уверен в нашей дружбе. Возможно, она его обижала? Но теперь я действительно чувствую его благодарность за то, что мы сблизились. У меня никогда не было босса, который выражал бы мне такую признательность.

Заканчиваю вытирать последний светильник и бросаю тряпку через плечо. Не вымыв рук, тянусь за коробкой с хлопьями и угощаюсь контрабандным завтраком. Мы знаем, что я не убью ее пылью и грязью.

Сьюзи улыбается, поправляя красную шапочку бини. На улице тридцать пять градусов, а она выбрала зимнюю шапку, чтобы покрыть голову, на которой волосы до сих пор почти не выросли. Но я ничего не говорю, поскольку ей все время холодно. Да и что скажешь, когда речь заходит о ее физическом состоянии.

Так уж вышло.

— Зак... — Она улыбается, и я вижу любовь. Безграничную любовь. И это немного душераздирающе, потому что я не думаю, что их история закончится «долго и счастливо». — Слушай, Эм... не убирайся вечно... если только это не то, чего ты действительно хочешь. Но у меня такое чувство, что когда-нибудь ты станешь очень известным фотографом, так что не трать все время на уборку домов. Мир большой. Путешествуй. Создавай воспоминания. Совершай ошибки. Занимайся любовью. Потрать всю зарплату на сумочку или самые непрактичные туфли. Свои деньги я сэкономила. А надо было покупать такие туфли. Будь лучше меня, Эм.

Сьюзи — все хорошее в моей жизни. Что будет, когда ее не станет? Опустеют ли снова все дыры в моей жизни, которые она заполнила? Я бросаю в рот несколько хлопьев и ухмыляюсь.

— Не представляю кого-то лучше тебя, но мне нравится ход твоих мыслей. Даже если некоторые из занятий любовью будут ошибкой.

Сьюзи пожимает плечами.

— Два зайца. Один выстрел.

Я качаю головой.

— Где ты была, когда я нуждалась в этом совете? Когда моя мама была слишком занята тем, чтобы быть таким ужасным человеком?

— Не хочу, чтобы ты думала обо мне, как о матери... из-за этого я чувствую себя старой. Как тебе старшая сестра?

Слишком поздно. Сьюзи для меня — *всё*.

— Тогда, старшая сестра. — Я обнимаю ее за узкие плечики, нежно стискивая, и целую в щеку. — Как думаешь, мы дружили в прошлой жизни? С тобой мне так легко, будто я могу рассказать тебе обо всем.

Например, о том, что живу в машине.

Но я не рассказываю, хотя чувствую, что все в моей жизни становится более управляемым, когда я делюсь с ней. У Сьюзи есть способ превратить проблемы размером с гору в бульжники... мелкие неровности на дороге.

— Да, — говорит она. — Мне кажется, мы были... кем-то. Но давай вернемся к тебе. Хорошо? Не позволяй себе двигаться по изъезженной колее. Думай о совершенных мной

ошибках, обо всем, что я хотела бы сделать по-другому. И у тебя получится лучше. Когда сомневаешься в своей цели или не видишь, в каком направлении двигаться, соберись и смени обстановку. Я сожалею о времени, которое потратила, пытаясь перекрасить один и тот же холст.

Сьюзи вздыхает.

— На сегодня ты закончила. — Она поворачивается, и я ее отпускаю. — Никакой уборки.

— Но я еще *не* закончила.

С уверенной улыбкой стараюсь стоять на своем. Я знаю, что она готовится предложить что-то, что помешает мне выполнить мою настоящую работу, что вызовет затруднение, когда Зак вручит мне зарплату с искренней благодарностью. Сколько боссов благодарят своих сотрудников каждую неделю? Один.

Только один.

Зак Хейс.

Когда он благодарит меня, создается впечатление, что эта благодарность за нечто большее, чем просто уборка пыли тряпкой и пылесосом.

— Сегодня нечего чистить, и рака не существует.

Мои глаза сужаются, и на несколько секунд я чувствую вину.

— Ну... мне определенно нравится та часть, где у тебя нет рака, но возвращение Зака в получистый дом звучит не так привлекательно.

— В задницу Зака.

Я хихикаю.

— Как бы привлекательно *это* ни звучало...

Глаза Сьюзи расширяются, губы приоткрываются в непонятном выражении.

— Шучу... это всего лишь шутка. Пожалуйста, скажи мне, что ты поняла, что я шучу.

Захлопнув рот, она прикрывает его ладошкой и фыркает от смеха.

Слава богу. Она поняла, что я шучу.

— Уверена, Заку сейчас не помешало бы хорошенько потрахаться. Это было давно.

Мои щеки заливают румянец. Мы не разговаривали о сексе — точнее, о ее сексуальной жизни, — что удивительно, потому что мы говорим обо всем на свете.

— Он все еще считает, что может мне навредить. Я слабая, но не *настолько*. И я не могу придумать лучшего способа уйти, чем умереть во время секса.

С моих губ срывается смешок, хотя эта тема кажется немного неуместной и болезненной.

С еще одним мечтательным вздохом она продолжает:

— Трудно объяснить, как потеря груди раздавила меня, не потому, что одежда больше не подходила мне по размеру. Не потому, что я беспокоилась о том, что люди заметят. Нет... это потому, что та часть меня, которая доставляла Заку столько удовольствия, исчезла... словно рак украл кусочек нашей близости. *Не* то чтобы он когда-либо смотрел на меня с чем-то, кроме абсолютной любви и желания. Но этот вид рака отличается от других, после которых остаются внутренние шрамы, но они скрыты в местах, не видимых невооруженному глазу. Нет. Мы не можем быть близки и *не* видеть — не чувствовать — этого самым физическим образом.

— Я так беспокоилась о нем. Боялась, что ему будет не хватать моей груди, и из-за этого он будет считать себя плохим человеком. Затем однажды, после душа, я посмотрела в

зеркало в нашей ванной и сказала: «Я скучаю по своей груди». Он поднял глаза, застегивая джинсы, и ответил: «Я тоже, но не так сильно, как скучал бы по тебе». И о, боже... я чуть не умерла. Совсем не ожидала, что он это признает. Но его признание — его честность со мной — и последовавшие затем слова... — Она снова качает головой, в ее глазах стоят слезы. — Я влюбилась в него сильнее, чем в первый раз.

Сьюзи несколько раз с трудом сглатывает, пытаюсь сдержать эмоции.

— Ну... — Я кривлю губы и морщусь. — Это самая большая глупость, которую я когда-либо слышала от мужчины.

Слова Зака были эпичны. И мы обе это знаем.

Сьюзи стонет и закатывает глаза.

— Да знаю я. Ну, бросьте. Кто так говорит? Постарайся быть немного оригинальнее, Зак. Это суперизбито. — Ее улыбка говорит: *спасибо, что подняла настроение*. Ее улыбка напоминает о нашей договоренности, что сегодня я не горничная, а у нее нет рака.

— Кино. Кофе с сахаром... — Я постукиваю пальцем по подбородку.

— Маникюр, педикюр?

Я медленно киваю.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

— На моей машине или на твоей?

О-оу...

— Моя машина завалена чистящими средствами. Там бардак, и мне придется убраться в ней, чтобы ты там поместилась. Может, стоит взять твою машину, или я совершенно не против оплатить Uber.

Сьюзи встает и медленно шаркает ногами в сторону спальни.

— Возьмем мою машину.

Слава богу...

После незабываемого дня с моей новой лучшей подругой я тренируюсь в спортзале, принимаю душ и встречаюсь с Брейди в его квартире для обещанного сюрприза. В последние несколько недель в наших отношениях возникла некоторая напряженность, и я виню Зака и Сьюзи в том, что они показали мне, чего не хватает в моей жизни... жизни.

Ладно, я больше виню себя. Просто мне надо честно всем признаться в своем жизненном и финансовом положении и посмотреть, кто меня поддержит. Ответ я уже знаю. Брейди со мной порвет, а Сьюзи попытается приютить, как брошенного щенка. Все, что мне действительно нужно, это душ. Может, мне удастся убирать ванные комнаты клиентов с запертой дверью и принимать душ.

Брейди — не лучший вариант для моей самооценки. Секс хорош, и нам есть о чем поговорить. Тем не менее, я не могу отделаться от ощущения, что делаю все это ради абонеента в спортзал, то есть права иметь шкафчик в раздевалке. Делает ли это меня ужасным человеком? Или просто выживающей?

— А вот и моя девочка.

Брейди заключает меня в объятия, как только открывает дверь квартиры. Целуя меня, он тискает мою задницу, и я надеюсь, он не думает, что я снова позволю ему смазать меня и впустить с заднего входа.

— Итак, что за сюрприз? — Я выскользываю из его объятий и опускаю сумочку на диван. — Ты сказал, что у тебя для меня сюрприз.

Я смотрю на него с любопытством, молясь, чтобы это не была новая поза в сексе. Мое воображение рисует его с пакетом секс-игрушек, типа анальных пробок, зажимов для сосков... и кляпа, чтобы ему не пришлось выслушивать мои вопросы о каждом его движении.

— Помнишь наше первое свидание? Чего ты хотела?

Нет. И мне не верится, что он помнит.

— Хм... — Я зажимаю нижнюю губу между пальцами. — Уверена, что на нашем первом свидании я много чего наговорила, например, что хочу путешествовать по миру и создать портфолио своих фотографий. Ты узнал о ком-то, кому требуется фотограф?

— Нет, Эм. Я имею в виду другое.

Я медленно киваю.

— Ладно...

Он улыбается, как мальчишка. Я нечасто вижу эту сторону Брейди, и это в меру мило. Я рада, что мне достается такой уровень счастья. Тем не менее, понятия не имею, какой сюрприз он для меня приготовил.

— Оставайся здесь и закрой глаза.

Когда я закрываю глаза, по венам пробегает возбуждение. Я люблю сюрпризы.

— Хорошо. Держи глаза закрытыми и вытяни руки.

Вытянув руки, вздрагиваю от головокружения. Затем моей кожи касается что-то теплое и пушистое, и мои глаза распахиваются.

— Сюрприз! — Брейди ухмыляется, словно бог подарков.

— Ты завел котенка? — Я прижимаю к груди бело-черного пятнистого котенка, утыкаясь носом в его шерстку.

— Скорее, — усмехается он, — я завел его для тебя.

— Для меня? — Я больше не испытываю симпатии к котенку, потому что боюсь того, что он означает.

— На нашем первом свидании ты сказала, что любишь кошек и когда-нибудь хотела бы взять одну из приюта.

Да, я так говорила. Теперь давайте внесем поправочку. *Я сама* хотела взять кошку из приюта. И *когда-нибудь*, а не сейчас, когда моей нынешней резиденцией является машина. Нельзя покупать человеку живое, дышащее существо, только если вы не женаты или не живете вместе. Это огромная гребаная ответственность.

— Я... не могу поверить, что ты подарил мне кошку.

— Я чувствую себя скверно из-за того, какими стали наши отношения в последнее время. Я работал без перерыва и был засранцем, не позволяя тебе оставаться на ночь.

Я смотрю на него, медленно кивая и столь же медленно поднимая брови.

— Ты позволишь мне остаться? Этот котенок — *наш*?

— Боже, нет! На самом деле у меня легкая аллергия на кошек... вообще-то, на всех домашних животных. Я просто подумал, что, если у тебя будет кошка, так ты будешь чувствовать себя менее одинокой в своем доме. В смысле... ты ведь поэтому сказала, что хочешь ее завести, верно?

— Я...

Скажи это! Я изо всех сил пытаюсь набраться смелости, чтобы сказать ему правду, пока кошка обнюхивает мой подбородок, щекоча своими усиками. *Кошка...* не уверена, это девочка или мальчик.

— Потеряла дар речи? — Брейди так гордится собой. Я понимаю, что с его стороны это огромный жест и проявление любви.

— Полностью.

Я поднимаю котенка, чтобы проверить его пол, и вижу, что это мальчик. Он подарил мне кота? Я хотела кошку, но это не самая большая моя проблема. В Атланте сейчас середина лета. Чертовски жарко. Я живу в машине. Не знаю, смогу ли научить кота, как собаку, справлять нужду на улице. Кошачий туалет в моей машине — это перебор. И какого черта мне с ним делать днем, когда я работаю? Оставлять в машине — не вариант.

— Почему ты не выглядишь такой счастливой, как я думал?

Пожимаю плечами и нервно смеюсь.

— Извини. Наверное, просто ошарашена тем, что ты вспомнил такую крохотную деталь из нашего первого свидания. Вот и все.

Брейди хмурится.

— Я ожидал пронзительного визга, объятий, поцелуев, возможно, других формы благодарности. — Он виляет бровями.

Серьезно? Неужели он действительно ожидает сексуальных услуг за котенка? Надо купить ему подарочный сертификат на новую татуировку и ожидать, что он позволит мне переехать к нему. Как бы ему такое понравилось?

— Ну, теперь у меня есть кошка. Что мне с ней делать... — я морщусь нос, — ...с ним, пока я выказываю тебе другие формы благодарности?

Брейди открывает рот, чтобы ответить, но я перебиваю его:

— Думаю, будет лучше, если я отвезу этого мальчика домой, и мы повеселимся как-нибудь в другой вечер.

Никогда. Я расстанусь с ним прямо сейчас; просто он еще этого не знает. Нах*й все это. Буду пользоваться влажными салфетками, пока не придумаю альтернативный план. Я не могу рисковать тем, что он купит мне диван или еще что-нибудь для дома, которого у меня нет. Позже, хорошенько подумав, я отправлю ему длинное сообщение с объяснением. Вроде такого:

Дорогой Брейди,

Спасибо за котенка и абонемент в спортзал. Я всегда буду помнить тебя как своего первого анального партнера. Думаю, сейчас у нас разные потребности. Желаю удачи в твоей карьере владельца спортзала. Было весело.

Эм

P.S. Я живу в машине уже почти три месяца, и у меня эпилепсия.

Это всего лишь набросок. Можно добавить еще пару строк, но для этого требуется немного поразмыслить. Я живу во лжи, жду, когда меня поймают, и больше так не могу. Что, если у меня случится приступ? Что, если Брейди придет в голову некая безрассудная идея, и он решит заявиться ко мне домой, в трейлер, где сейчас живет кто-то другой?

Все это слишком ради *обычного* душа.

— Я могу положить кота обратно в коробку, мы сделаем все по-быстрому. — Он тянется к котенку.

У меня отвисает челюсть.

— Ты держал его в коробке? Seriously? Что с тобой не так? — Не утруждаю себя

объяснением, что путь к сексуальной части души женщины не идет через слова: «мы сделаем все по-быстрому».

Закатив глаза, Брейди упирается рукой в бедро.

— В коробке дырки. Я не идиот, Эм.

— Я просто не могу. Слишком взволнована. — В моем тоне *нет никакого* волнения, поэтому уткнувшись носом в шею кота, лепечу ему: — Ты же не хочешь обратно в коробку? Нет. Не мой мальчик. Нам нужно вернуться домой и дать тебе имя.

Стрельнув в Брейди извиняющейся улыбкой, вздыхаю.

— Извини. В другой раз?

Нос Брейди дергается, и он шмыгает.

— Да, наверное, так будет лучше. Аллергия уже дает о себе знать.

И этот момент действительно подводит черту под серьезностью наших отношений и их одностороннем пути в никуда. Что, если этот кот проживет лет десять, плюс-минус? Что, если мы с Брейди продолжим встречаться, то так долго будем жить отдельно? Или если мы съедемся или поженимся, мне придется избавиться от кота, которого он мне подарил?

— Еще раз спасибо. — Делаю шаг вперед, чтобы поцеловать его, но он отступает, его глаза краснеют. Стараюсь не рассмеяться над безумной иронией всей ситуации.

— До скорого, — отвечает он с натянутой улыбкой. Неужели тоже сомневается в своем решении?

Глава 6 Эмерсин

В двух из четырех домов, где я убираюсь, хозяева отсутствуют. Угадайте, кому гарантированы два приема душа в неделю? Угадайте, кому в адскую летнюю жару нужно принимать душ чаще, чем два раза в неделю?

С тех пор, как две недели назад я отправила Брейди сообщение о расставании, дела приобрели несколько хаотичный характер, и не только в плане личной гигиены. Оказывается, Гарри Паутер — да, я назвала своего кота Гарри Паутер (*прим.: от англ. paw — лапа*) — не любит, когда его водят в туалет в ошейнике и на поводке, как собаку. Он чертовски привередлив и настаивает на лотке, вероятно, потому, что его к нему приучили в приюте.

В отсутствии каких-либо иных блестящих идей, я прятала его в подвалах (и протаскивала его лоток в дома), пока работала. А закончив, мне приходилось украдкой выбираться с ним из каждого дома. Ночами было сложнее, в зависимости от того, где я парковалась на ночевку, — обычно возле одного из крупных супермаркетов, где разрешена ночная парковка.

После нескольких бурных ночей с Гарри Паутером и парочки случаев, когда он мочился мне на одежду, я наткнулась на счастливое открытие. Садовый сарай Сьюзи и Зака стоит в тени, и там относительно прохладно. Задача решена. Около десяти вечера я тащу Гарри Паутера в сарай с его лотком, едой, водой и подстилкой. Поскольку в последнее время я помогаю Сьюзи с садоводством, я единственная, кто бывает в сарае.

До сегодняшнего дня...

Пока Сьюзи спит утром (в последнее время она сильно устает), я чищу ванную для гостей и себя. Последние два дня я выглядела, как потемневший банан. Когда-нибудь, когда я буду жить в современном пентхаусе с хорошо освещенной фотозоной для фотосессий на заказ и душевой со множеством насадок и форсунок, я оглянусь на нынешний период своей жизни и вспомню, как научилась ценить простые вещи... к примеру, мыло и проточную воду.

— Эмерсин, что ты знаешь о коте в... — Зак открывает дверь ванной, которую я не заперла, потому что Сюзанна спит, а он должен быть в рейсе.

Надо было запереться. Идиотина!

— Дерьмо! — Я прикрываю руками обнаженные части тела, выставленные на всеобщее обозрение через стеклянную дверь душевой.

— Что ты... — он разворачивается и выходит из ванной, — делаешь? Почему чистишь

душевую гольшом? — Его голос звучит выше, чем я когда-либо слышала.

Я быстро смываю шампунь с волос и выключаю воду. Схватив свое полотенце, резко заворачиваюсь в него.

— Почему ты дома? — спрашиваю я из-за полуоткрытой двери.

— Рейс отменили. Где твоя одежда? И что ты знаешь о коте, который был в сарае?

— Был? — Я высовываю голову из-за двери, вода капает с моих волос.

— *Был*, потому что выбежал, как только я открыл дверь. Что происходит, Эмерсин? — Зак стоит ко мне спиной.

— Что значит, выбежал? Куда? — Совершенно не обращая внимания на свой наряд из одного полотенца, мчусь мимо Зака к задней двери. — Гарри Паутер? ГАРРИ ПАУТЕР! Иди к мамочке!

Бегу к сараю, но там пусто. Затягиваю полотенце потуже и осматриваю грядки с овощами и цветами. Сердце бешено стучит.

Да. Меня уволят.

Да. Соседи могут увидеть меня полуголой.

Да. Мои ноги в грязи и скошенной траве.

Нет. Я не думала, что *кот мне так важен*, пока он не сбежал.

— ГАРРИ ПАУТЕР!

Я бегу в сторону дома.

— Эмерсин! — Зак следует за мной. — Остановись!

Я оборачиваюсь.

— Куда он побежал?

Опустив голову, Зак щиплет себя за переносицу, будто все еще пытается вести себя как джентльмен. Если бы он был настоящим джентльменом, каким его изображает Сюзанна, то помог бы мне найти Гарри Паутера. Вместо этого он резко выдыхает через нос и ухмыляется. Эта его чертова ухмылка. Она скрыта из-за опущенной головы, но она там. И черт возьми... в ситуации нет ничего смешного!

— Он взобрался на дерево у сарая, — говорит Зак, поглядывая на меня.

— Звони девять-один-один. — Я марширую мимо него.

— Не думаю, что это лучшее использование экстренного вызова. — Он следит за мной, пока я топаю к дереву, шурясь от солнца и высматривая Гарри. — Это не по-настоящему экстренный случай.

— Говорит парень, у которого нет кота, застрявшего на дереве.

— Кота у меня нет.

На несколько секунд поворачиваю к нему голову, чтобы стрельнуть грозным взглядом, прежде чем возобновить поиски Гарри Паутера.

— Вот он!

Хочу указать пальцем, но полотенце соскальзывает на несколько дюймов, и я едва успеваю его поймать, прежде чем оно достигнет точки невозврата.

— Слушай...

Брови Зака образуют два любопытных пика.

— Слушаю...

Я не понимаю его веселья.

— Я вымою ноги и оденусь. Потом принесу из гаража лестницу. Мне просто нужно, чтобы ты присмотрел за ним, пока я не вернусь.

Сжав губы, он медленно кивает. Он немного более внушительный в своей форме и галстук.

— И потом мы обсудим события, произошедшие за последние пятнадцать минут?

Я наполняю грудь воздухом и резко выдыхаю через нос, когда протискиваюсь мимо него к дому и водопроводному крану.

— Да-да... обсудим.

К тому времени, как я оделась, Зак уже прислонил лестницу к стволу дерева и стоит наверху, хватая Гарри Паутера за шкуру и стаскивая с ветки.

МЯУ!

— Гарри Паутер не любит, когда его таскают за шкуру.

Зак спускается на несколько ступенек, бросая Гарри Паутера в мои ожидающие объятия.

— А мне не нравится возвращаться домой и видеть в моем сарае кота. Так что у Гарри Паутера есть проблемы поважнее, чем его отвращение к бесцеремонному обращению.

Я целую Гарри в головку, и он тут же начинает мурлыкать, когда Зак спускается на землю.

— Кот *твой*? — спрашивает он, будто к этому моменту еще остаются какие-то сомнения.

Я киваю, все еще уткнувшись носом в шерстку Гарри.

— И... почему он был в моем сарае? — Зак убирает лестницу.

— Потому что...

Может, бросить все (как я бросила Брейди) и тоже отправить Заку сообщение?

Дорогие Зак и Сьюзи,

Спасибо за работу. Мне очень понравилось работать на вас и стать для вас близким другом. Я буду часто о вас вспоминать и молиться о чудесном выздоровлении.

— Эм

P.S. Я уже три месяца живу в машине. Не жалейте меня, однажды это только сделает меня сильнее. Я. Смелая!

— Потому что? — Не отрывая от меня взгляда, Зак держит в руках лестницу и ждет моего ответа.

Дело в том... что я не готова бросить Зака и Сьюзи. Я также не готова к их жалости. Это стыдно. Не знаю, почему, просто знаю, что это хреново.

— Потому что он у меня не так давно и плохо себя чувствует дома один. Поэтому я оставила его в сарае, где могу проверять его каждый час или около того.

Ложь — не что иное, как желаемая версия правды. Я думаю, что оптимисты, вроде меня, вероятно, лгут больше всех. Правда обычно менее привлекательна и далека от оптимизма.

Зак изучает меня, *мою* реакцию на собственную ложь. Мой подбородок выдвинут вперед и вверх, плечи расправлены.

— И ты чистила душ без одежды, потому что?..

— Не будь засранцем. — Это просто вылетело. Я только что назвала *своего босса засранцем*.

Зак усмехается.

— Извини... каким образом я вдруг *стал засранцем*, задав логичный вопрос?

Коли уж на то пошло, мне не нравится лгать Заку или кому-то еще. Люди, которые лгут, мошенничают и воруют, не всегда делают это потому, что они плохие. Иногда они делают это, потому что в отчаянии. И если Зак никогда по-настоящему не испытывал такого отчаяния, то ему легко судить тех из нас, кто просто пытается выжить.

Так что я лгу.

— Может, со мной приключилась личная беда. Может, я обмочила штаны или у меня начались месячные, и все стало... грязным. — *К чему, черт возьми, я веду?* — Тебе обязательно нужно уличить меня в этом? Так *нужно* знать причину?

Брови Зака приподнимаются, а рот приоткрывается, такая реакция не удивительна, я же могла выбрать в качестве объяснения, что пролила на себя кофе или какой-нибудь чистящий раствор, от которого у меня чешется кожа. Кто сразу пускает в ход тяжелую артиллерию: мокрые штаны или обильную менструацию?

Закатываю глаза, давая ему понять, что шучу.

— Душевые в моем спортзале *снова закрыли*, поэтому у меня не оставалось времени забежать домой и принять душ без опоздания. Я решила прийти вовремя... быть здесь, когда Сьюзи проснется, и не принимать душ, пока она не решит вздремнуть. И душевую я тоже *вымыла*, и не только себя. К твоему сведению, я отказываюсь от абонемента в этот спортзал, так как доступность их душевых настолько непредсказуема. Вот. Сейчас ты счастлив?

К сожалению, ложь заключается в том, что ее становится все легче и легче громоздить. Мне стоит писать художественную литературу — у меня в голове столько выдуманных версий жизни.

Надежд.

Страхов.

Мечт.

Тревожно, как легко люди могут создавать в своей голове некий мир и пустыми словами придавать ему ложную реальность. Еще более тревожно то, что я могу обращаться со своим работодателем так, будто во всем виноват он.

Когда Зак не отвечает, заставляю себя посмотреть ему в глаза. И клянусь... правда, клянусь, он видит меня насквозь. Каждую надежду, мечту, страх и ложь. В этот момент что-то меняется. Не знаю точно что, но я это явно чувствую. И что-то подсказывает мне, что в будущем мне еще предстоит поразмыслить над этим моментом.

Он мне не муж.

Не любовник.

Я даже не уверена, что он мне друг.

Он — нарушитель... ну, я пока не знаю, чего.

— Ладно.

Мои глаза сужаются.

— Ладно? Ладно — что?

— Ладно. Теперь я понимаю. Душ. Кот. У него немного странное имя, но это твой кот, а не мой.

— И все? Просто... «ладно»? Я не уволена?

— Нет, Эмерсин, — он усмехается, возвращаясь в дом. — Я *незасранец*, которым ты меня считаешь. Просто запирай дверь ванной, если когда-нибудь снова будешь убираться в костюме Евы, а я в следующий раз буду обязательно медленно открывать дверь сарая.

Это не жалость — по крайней мере, я так не думаю. Он не знает ни о моей жизненной ситуации, ни о моих огромных долгах. Это не может быть жалостью. То есть, отчасти *может* быть. Должно быть, я выглядела довольно жалко, выбежав во двор в одном полотенце на голом теле и крича: «ГАРРИ ПАУТЕР!»

Зак исчезает, возможно, прижавшись к Сьюзи в постели, так что я в рекордно короткие сроки заканчиваю уборку и ускользаю, прежде чем мне снова придется столкнуться с ним лицом к лицу.

Глава 7 Зак

В субботу к Сюзанне в гости приезжает Мишель, и я отправляюсь на столь необходимую пробежку. Заворачивая за угол парка, замечаю знакомую машину с частично опущенными окнами. Это Эмерсин. Она спит на откинутае водителъском сиденье, ее голова склонена набок, а из уголка рта стекает струйка слюны.

— Эмерсин?

Она дергается, словно с трудом пробуждается ото сна. У нее приступ?

— Эмерсин?

Она снова шевелится, но глаз не открывает.

— Эмерсин!

Она подпрыгивает.

Я вытираю пот со лба и опускаю другую руку на бедро.

— Зак? — спрашивает она, шурясь.

— Что ты здесь делаешь?

Она садится и поднимает спинку сиденья.

— Дремлю. А ты что здесь делаешь?

— Бегаю.

Она несколько раз кивает, все еще шурясь, будто от головной боли.

Я разглядываю ее машину, особенно, заднее сиденье хэтчбека, набитого хреновой кучей хлама. Там не только моющие средства.

Одежда.

Полотенца.

Коробки.

Гарри Паутер.

Упаковки кошачьего корма.

Вдоль подголовника заднего сиденья лежит черный бюстгальтер.

Обувь.

Пакеты из-под фаст-фуда разбросаны по сиденью и полу, а также пустые бутылки из-под воды.

Просто... всё.

— Что же... немного жарковато, чтобы дремать в машине. Почему ты не дома? —

Отрываю взгляд от кучи хлама и сам смотрю на нее прищуренным взглядом.

— Уснула случайно. Я не собиралась дремать. Наслаждалась теньком, ветерком, а потом — бац!

Никакого ветерка *нет*.

— Я провалилась в сон. — Она пожимает плечами.

— Это небезопасно. В машине чертовски жарко. Кстати, твоему коту тоже неудобно.

— Где Сьюзи?

— Дома с сестрой. Тебе тоже следует вернуться домой.

— Хороший план. — Она заводит машину. — Рада была повидаться. Надеюсь, у Сьюзи все в порядке?

Я снова осматриваю заднюю часть машины.

Она прочищает горло, возвращая мое внимание к ней.

— Рада видеть, что ты бегаешь. Сьюзи хочет, чтобы ты заботился о себе.

Я рассеянно киваю в ответ, не особо вникая в смысл ее слов, потому что... эта машина абсолютно отвратительна.

— Ладно, передай Сьюзи, что завтра я загляну и прополю сорняки в саду.

— Ты живешь в своей машине.

— Я была занята. Мне нужно в ней прибраться. Очевидно. — Она закатывает глаза. —

Но я не живу в своей машине.

Она фыркает, усмехается, но я не упускаю беспокойства в ее глазах.

Страха.

Распространяющегося по лицу румянца.

Я не отрываю от нее глаз, ее взгляд перемещается на лобовое стекло, на людей на парковой дорожке и детей у разбрызгивателя на газоне.

— Эмерсин, — медленно тяну я ее имя, чувствуя себя сбитым с толку. Она бездомная? Как такое может быть? У нее есть работа. Образование. Парень.

— Закари, — отзывается она, не глядя на меня.

— Где ты живешь?

— А что? Хочешь зайти в гости?

Между нами повисает пара секунд напряженной тишины.

— Если не возражаешь.

Прежде чем она успевает выразить хоть малейший протест, обхожу машину и усаживаю задницу на сиденье рядом с ней.

В машине стоит вонь, но я стараюсь не морщиться.

Грязное белье.

Кошачья моча.

Объедки.

Как долго все это мариновалось здесь? Все лето?

Эмерсин заводит машину и выезжает с парковки.

Поворот налево.

Поворот направо.

Снова направо.

Два раза налево.

Она возит меня по всему городу до тех пор, пока не остается другого выбора... затем направляет машину к моему дому. Все это время я молчу. Прекрасно понимаю, что ей некуда ехать. Этой экскурсией по Атланте она просто оттягивает неизбежное.

Она останавливает машину у моей подъездной дорожки.

— Как долго? — спрашиваю я.

Эмерсин с трудом сглатывает, ее глаза краснеют от навернувшихся слез.

— Не так уж и долго, — шепчет она так, будто едва может сдержаться.

— Как не долго?

Она смахивает слезы, как только они соскальзывают.

— С весны.

— Господи... — Я сжимаю пальцами переносицу и качаю головой. — Как? Почему? Я не понимаю.

Я злюсь. Не на нее. Ну, вроде как на нее *и на* абсурдность ситуации. Кроме того... я... я хочу знать, как, черт возьми, такое возможно.

Она отводит взгляд от окна на заросший сорняками двор, отчаянно нуждающийся в покосе. Я решил потратить час вдали от Съюзи на пробежку, а не на стрижку газона. Неужели Эмерсин думает, что с моей стороны слишком ставить под сомнение образ ее жизни, когда я явно не лучший образец для подражания?

— У тебя нет семьи? Друзей? У тебя ведь был парень, когда ты начинала у нас работать. Как так вышло, что ты жила в своей машине, а не со своим парнем?

В ответ она предпочитает молчать.

Я хмыкаю, качая головой.

— Твой парень... ты не говорила ему. Не так ли?

Снова тишина.

— Это потому, что он слишком большой мудака? Или потому, что ты слишком гордая?

Она кусает щеку изнутри, не отрывая взгляда от руля.

— Ты не можешь оплачивать аренду из заработанных на уборке домов денег?

— Нет, — бормочет она. — Я могу либо заплатить за аренду... *либо* купить лекарства от эпилепсии, *либо* оплатить студенческие ссуды и базовый тарифный план сотовой связи.

— И все же... у тебя есть кот.

— У меня не было кота! Кота мне подарил мой *парень-мудака*.

Я напрягаюсь от нарастающего гнева, барабанию пальцами по коленям.

— Потому что он не знал, что ты живешь в своей машине?

— Твой двор дерьмово выглядит. Надо бы мне его покосить за тебя.

Она *судит* меня.

— К черту двор. Моя жена умирает, а ее новая лучшая подруга живет в машине... с гребаным котом.

— Я временно живу в своей машине. Но у меня *есть* машина. И есть работа. Моя жизнь сейчас не идеальна, но я молода. Талантлива. Трудолюбива. Так что прекрасно переживу это. *Временно* жить в машине — не самое худшее, что может случиться.

Она излучает удивительную уверенность, учитывая, что распевает свою позитивную песню в вонючей, захлавленной машине после того, как лгала нам несколько месяцев.

— Ты — она.

— Кто? — спрашивает она.

— Сюзанна. Вы — вечные оптимистки, даже если знаете, что на руках у вас больше не осталось козырей. Но, мне кажется, что она оптимистка для меня больше, чем для себя. Ты же — настоящая оптимистка.

— Даже если ты меня уволишь за то, что я живу в машине, Мамфорды со мной не распрощаются. И у меня остается три других клиента, и еще несколько человек, которые хотели нанять меня, когда мой график будет свободнее. Я могу уточнить у них. Так что я бы

не сказала, что на руках у меня больше не осталось козырей.

Не знаю, улыбаться ли из-за того, что она такая сильная, — о существовании этой черты в ней я и не подразумевал, — или обидеться на то, что она так плохо думает обо мне.

— Я бы никогда не уволил тебя за то, что ты бездомная.

— Чувак... у меня есть машина.

— Я не собираюсь спорить с тобой из-за терминологии. — Я массирую виски. — Давай занесем твои вещи в дом.

Я открываю дверцу.

— Что? Нет! Зачем?

Сунув голову обратно в салон, поднимаю брови. Она серьезно?

— Чтобы устроить тебя в более безопасном месте на ночлег, пока ты не разберешься со своими делами.

— Не нужна мне ни твоя жалость, ни твое милосердие. И я определенно не хочу, чтобы ты рассказывал об этом Сьюзи.

— Держу пари, ты хочешь в душ. Бьюсь об заклад, твой кот хочет спастись от жары.

Я закрываю дверцу, затем медленно открываю ее хэтчбек.

Твою мать... как так можно жить?

Вещи высыпаются на землю. Эмерсин выскакивает из машины и торопится их собрать, в том числе, трусики, зацепившиеся за бампер.

— Просто... — Она съеживается и пытается оттолкнуть мои руки, когда я тянусь к ее вещам. — Дай я сама. Не нужно заносить внутрь все вещи только для того, чтобы принять душ и дать Гарри Паутеру отдохнуть от жары.

— Сюзанна будет настаивать, чтобы ты осталась.

Она молниеносно сдергивает лифчик с моей кроссовки.

— Вот почему мы ей не скажем.

— Я не могу скрывать такое от нее.

Эмерсин лихорадочно хватается с подъездной дорожки сандалии и тюбик помады, прежде чем снова выпрямиться.

— Слушай, Зак, у тебя есть разрешение. По крайней мере, от меня. Я понимаю, что тебе нужно каким-то образом исполнить каждое желание Сьюзи, но ни ей, ни тебе сейчас не нужна прислуга. И ты это знаешь. Сьюзи все еще здесь, с нами, так что тебе нужно сосредоточиться на ней. Вам нужно время наедине. Так что перестань вести себя так, будто выполняешь предсмертную просьбу. Последнее желание. Вынужденное обещание, данное в момент слабости. Или что мучаешься старым добрым чувством вины. Я знаю, она захочет приютить меня, как бродячую собачонку. Но я этого не хочу. Нет. — Она качает головой. — Просто — нет.

— Почему ты всегда даешь мне почувствовать, что немного не уверена во мне?

— Не уверена? — Она склоняет голову набок.

Я пожимаю плечами.

— Не хочу сказать, что думаю, что я тебе не нравлюсь, но ощущения схожи. Ты немного напрягаешься, когда я появляюсь в одной комнате с тобой и Сюзанной, будто порчу вечеринку или по какой-то причине заставляю тебя нервничать.

Ответа я не получаю. Она хмурится на меня, скрещивает руки на груди и отводит бедро в сторону.

Что *я такого* сделал?

Эмерсон

С Заком мои нервы всегда в состоянии боевой готовности.

Во-первых: я невинно увлечена им. Он сам виноват, нечего быть таким идеальным мужем.

Во-вторых: я невинно увлечена им. Он сам виноват, нечего *все* время выглядит так сексуально.

В-третьих: я невинно увлечена им. На этот раз виновата Сьюзи, нечего было рассказывать мне об их сексуальной жизни. Поскольку она умирает, ей это простительно, и теперь я вынуждена винить Зака еще и в этом.

Если не считать увлечения им, я не умею читать Зака. Я вообще не умею читать мужчин. Если бы я подвергла себя психоанализу, все свелось бы к проблемам с отцом.

Ведя себя так уверенно, как только могу (что немного, поскольку он знает мой секрет, а отвратительный запах от этого секрета доносится из задней части моей машины), делаю глубокий вдох и выдыхаю.

— Я немного заблудилась. И с тех пор, как Сьюзи подружилась со мной, я почувствовала себя чуточку найденной. Вы наняли меня убираться в вашем доме, и я боюсь, что делаю это не так хорошо, как следовало бы. Думаю, ты рад, что я иногда провожу время со Сьюзи в твое отсутствие, но когда ты здесь... я чувствую себя незваной гостьей, потому что...

Зак склоняет голову набок.

— Потому что?

Покусывая нижнюю губу, пожимаю плечами.

— Потому что между вами такая сильная близость. Как только ты оказываешься в одной комнате со Сьюзи и мной, я сразу же чувствую, что слишком у вас засиделась.

Он хмурится.

— Моя жена умирает. Это не... — Зак качает головой.

— Это *интимно*. Лично и уединенно. Не думаю, что *действительно* знаю, на что это похоже, но точно знаю, что когда тыходишь в комнату, и она смотрит на тебя... земля чуть замедляет вращение вокруг своей оси. Все эти невысказанные слова, кажется, тяжестью повисают в воздухе. Я едва могу дышать, когда нахожусь в одной комнате с вами.

Зак несколько раз моргает, прежде чем с трудом сглатывает.

— Может, это *ты* — кислород в комнате. Может, рядом с нами немного трудно дышать. Но я точно знаю, что бы вы двое ни обсуждали, это вызывает у нее улыбку, даже в те дни, когда ей больно. И это утешает меня так, как я не могу выразить. Так что не смей думать, что ты нам мешаешь.

Вот так, последняя капля гордости испаряется, и я сдаюсь, запикиваю несколько вещей в пластиковый пакет и отдаю ему. Затем забираю Гарри Паутера, его лоток и неполный мешок с наполнителем, часть которого рассыпалась по полу машины.

— Дело не в раке. — Я направляюсь к дому. — Мы редко говорим о раке. Думаю, я заставляю ее чувствовать себя нормальной. А нормальность заставляет ее улыбаться.

Я останавливаюсь и жду, пока он откроет дверь, потому что у меня заняты руки.

— Мне кажется, все ее друзья смердят горем и жалостью. Даже когда не упоминают о раке, держу пари, она может видеть его на их лицах.

Он нажимает на дверную ручку.

— А как на нее смотришь *ты*?

Крепче сжимая извивающегося Гарри Паутера, я пожимаю плечами.

— Наверное, с недоумением, что она относится ко мне как к равной. Не как к наемной помощнице. Не как к молодой глупой женщине, у которой не было такого же жизненного опыта.

Зак сохраняет безучастное выражение лица, словно ему требуется время, чтобы мой ответ проник в его мозг и обрел смысл. Сьюзи не хочет чьей-либо жалости из-за рака, как и я не хочу чьей-либо жалости из-за отсутствия жилья. Не знаю... может, она меня *поймет*. Может, мне уже давно следовало объяснить ей свои жизненные обстоятельства. Я не знаю, каково это, когда в моей жизни есть кто-то, кому можно доверять, поэтому не доверять никому — мой режим по умолчанию.

Я прочищаю горло.

— Я наполню лоток и прыгну в душ. Потом расскажу Сьюзи. *Сама* расскажу. И если она не предложит мне остаться, ты не скажешь ни слова. Хорошо?

Зак едва заметно кивает, прежде чем толкнуть дверь.

После долгого и столь необходимого душа я высушиваю волосы и надеваю сарафан. Сворачивая за угол, чтобы пройти на кухню, мое внимание привлекает куча вещей в гостевой спальне.

Эти вещи — мои. Все, что было в моей машине теперь аккуратно сложено в изножье кровати.

Зак ей сказал. Я его убью.

Он сделал это, хотя я просила его не говорить. Я иду по коридору, надеюсь, найти его раньше, чем увижу Сьюзи, но замечаю его снаружи. Открыв входную дверь и тихо закрыв ее за собой, топаю босыми ногами к подъездной дорожке, где он чистит мою машину пылесосом Shop-Vac.

— Что ты делаешь? И зачем ей сказал? Я просила тебя позволить мне самой рассказать ей! — Я нажимаю кнопку, выключая пылесос.

Зак в замешательстве оглядывается через плечо, пока не видит меня.

— Зачем ты его отключила? — Он пятится от задней части машины.

— Зачем ты ей сказал?

— Я не говорил. Она спит.

— Тогда зачем притащил все мои вещи в дом? И почему чистишь мою машину?

— Боже...

Он отбрасывает шланг в сторону и присаживается на бампер, потирая ладонями лицо.

— Потому что я знаю свою жену. И вместо того, чтобы ждать, пока она проснется и скажет мне сделать именно то, чем я занят в данный момент, я решил начать с этого, —

бормочет он, указывая на пылесос, прежде чем опустить руки по бокам. — Чего ты боишься? Чьей-то помощи? Разве ты не слышала пословицу: «Гордыня до добра не доведет»?

После нескольких секунд молчания медленно качаю головой.

— Это так... — шепчу я, — ...унизительно.

— Эй, посмотри на меня.

Я заставляю свой взгляд подняться вверх.

— Ты не виновата в том, что у тебя эпилепсия. И не виновата в том, что в этой стране дерьмовая система здравоохранения — или ее, в принципе, нет. Ясно?

Я знаю, что это не моя вина, но мои проблемы так не решить. И эти проблемы начинают ощущаться как ошибки и недостатки.

— Иди и скажи Мишель, что остаешься и дождись, пока проснется Сьюзи. Мишель в прачечной, пришивает пуговицу к брюкам Сьюзи.

Я киваю, медленно поворачиваюсь и чувствую неизбежную слабость. Сделав два шага, оглядываюсь через плечо как раз в тот момент, когда Зак тянется к кнопке пылесоса, чтобы его включить.

— Зак?

Он поднимает голову.

— Да?

— Ты хороший человек.

После нескольких секунд он слегка улыбается мне.

Так красиво.

Так неожиданно по-доброму.

И так... сломлено.

Если душа способна покинуть тело перед смертью, я уверена, что душа Зака медленно ускользает, следуя за исчезающим существованием Сьюзи в этом мире. Представить не могу, на что похожа такая любовь.

Глава 8 Эмерсон

Мишель заканчивает с шитьем и уходит как раз в тот момент, когда Зак наполняет ведро мыльной водой, чтобы вымыть мою машину. Вот и второй раунд смущения.

Я свернулась калачиком в бело-голубом кресле в углу спальни и наблюдаю за спящей Сьюзи. Она выглядит такой умиротворенной. Интересно, какие видения наполняют ее сны? Снится ли ей нынешняя жизнь? Или прошлая? Может, ей снится, как она покидает свое больное, хилое тело и воссоединится со своей прежней любовью.

— Ты весь день будешь смотреть, как я сплю?

Я ухмыляюсь, когда глаза Сьюзи распахиваются.

— Только если ты проспишь весь день.

Она переворачивается на бок, лицом ко мне.

— Почему такое грустное лицо, Эм? — Голос у нее другой. Не такой сильный. Это напоминание о том, что она умирает.

И вот я добавляю в ее жизнь то, чего ей не нужно. Слезы обжигают глаза, но я сдерживаю их, делая медленный глубокий вдох.

— Зак поймал меня в парке.

Глаза Сьюзи сужаются, отчего морщинки вокруг них углубляются еще сильнее, чем уже сделало отсутствие правильного питания.

— Поймал тебя? Ты упала?

С приглушенным мычанием я несколько раз мотаю головой.

— Он поймал меня дремлющей в машине.

Сьюзи часто моргает.

— Ладно...

Отведя взгляд в сторону и судорожно выдохнув, снова смотрю на нее.

— Из-за эпилепсии я несколько раз попадала в больницу. Без страховки. Мне... пришлось выбирать между арендной платой и лекарствами. А на вершине списка — задолженность по студенческому кредиту. Так что я временно живу в своей машине. Но прежде чем ты решишь, как на это реагировать, просто знай, что мне не впервой жить в машине. Но, по крайней мере, у меня есть машина и работа. Так что я не такая бездомная или... *отчаявшаяся*, как может показаться. На самом деле, со мной все в порядке. Это временно. Ничто не вечно. Ведь так? В смысле...

Нервозность завладевает моими мыслями, и с губ начинает срываться беспорядочный поток слов:

— Это не делает меня менее смелой. Скорее, наоборот, более смелой и стойкой. Так что... — Я кусаю губы, чтобы прекратить бессвязное бормотание.

В выражении лица Сьюзи что-то меняется. Я не могу этого расшифровать. Приподнявшись, она прислоняется спиной к мягкому изголовью и складывает костлявые морщинистые руки на коленях.

— Ладно.

Я жду большего.

Но она молчит.

Одно слово. Вот и все.

— Хорошо, — шепчу я.

— Зак предложил тебе комнату для гостей?

Я медленно киваю.

— Он... ну... думал, ты будешь настаивать на том, чтобы я осталась, но я в порядке. Мне не нужно...

С еще одной загадочной улыбкой она кивает.

— Тогда оставайся здесь столько, сколько тебе нужно.

— В том то и дело. Мне не нужно оставаться.

Она пожимает плечами, ее тело устало опирается на изголовье, улыбка слабая.

— Тогда не оставайся. Но прими решение, которое лучше для тебя и Гарри. Не позволяй своему эго говорить за тебя. Не позволяй гордыне украсть у тебя возможность иметь постель, душ, кондиционер и больше времени со своей слабеющей подругой, прежде чем она умрет. Я была слишком горда. Не будь мной. Будь лучше. Живи лучше. Прими смирение, потому что оно сделает тебя сильнее самой упрямой гордыни.

— Сьюзи...

Теперь приходят эмоции. Я не плачу о себе, но недостаточно сильна, чтобы скрыть свои чувства по поводу неизбежности ее потери. В одно мгновение полдюжины слез вырываются разом, и я так же быстро смахиваю их.

— Это судьба.

Я качаю головой. Рак — не судьба. Нет судьбы в том, чтобы умереть молодой. Это трагедия. Сьюзи не хочет слышать от меня такого, потому что видит во мне спасение до тех пор, пока для нее будет невозможно физически избежать конца. Если власть разума над материей даст ей ближе к концу еще несколько вдохов, возможно, несколько дополнительных дней или недель, то проглотить мои настоящие эмоции — задохнуться от них — и страдать от этой хронической сердечной боли того стоит.

— Судьба — смелое слово. — Всклипнув и еще раз утерев глаза, пробираюсь к кровати и подползаю к Сьюзи.

Она берет меня за руку, переплетая наши пальцы и накрывая сцепленные руки ладонью другой руки.

— Заку это легко не дастся.

Это. Она имеет в виду свою смерть.

Так или иначе, мы все умрем. Ничего особенного. Это просто жизнь. Наверное, у нас их много. Нет нужды притворяться, что на самом деле наступает конец света.

Я смеюсь про себя над своими мыслями. Сьюзи поделилась со мной своим мировоззрением. Оно пригодится мне в ближайшие недели и месяцы — возможно, до конца моих дней. Нас связывает оптимизм, и я не верю, что эта жизнь — конец нашей дружбы,

потому что она никогда не казалась ее началом. Наши души встречались раньше.

— *Это* многим не легко дается, — хихикаю я, чтобы отогнать любые эмоции, пробивающиеся на слезу.

— Возможно. Но Зак попытается раствориться во мраке небытия. Я просто чувствую это. Поэтому мне нужно, чтобы ты этого не допустила.

Еще один вымученный смешок.

— И как мне это сделать?

— Не знаю. Ты поймешь. Ты умная.

— Ты ведь уловила ту часть, где мой интеллект не смог уберечь меня от жизни в машине?

— Просто скажи мне, что останешься здесь, пока жизнь не поведет тебя в новом и захватывающем направлении. Обещай остаться, пока не найдешь нечто по-настоящему лучше.

— Это большая ответственность. Что, если я не найду ничего лучше?

— Тогда Зак никогда не будет одинок, и это тоже вполне приемлемый исход.

Я напрягаюсь.

— Перестань. — Она опускает голову мне на плечо, слегка сжимая мою руку. — Я вижу, как ты смотришь на него и как он смотрит на тебя.

— Сьюзи... — Я мотаю головой, мой голос дрожит. — Я не...

— Не отрицай. Ты смотришь на него так, как я когда-то, даже когда была с Тарой. Тогда, конечно, была не любовь, а счастье — честь дружить с таким добрым человеком. Иногда мы начинаем влюбляться в людей, прежде чем наши сердца осознают, что происходит.

Я не люблю Зака. Мое сердце слишком любит Сьюзи, мою подругу, сестру, которой у меня никогда не было. Разум Сьюзи достиг стадии неверного восприятия реальности.

— Ну... я... я могу сказать, что Зак смотрит на меня не иначе как на женщину, которая должна убираться в его доме, а не смотреть реалити-шоу с его женой.

— Сейчас он этого не понимает. И к твоему сведению, он тебя обожает. Я думаю, он видит в тебе более молодую версию меня. Из-за твоего духа. Твоей доброты.

— Сьюзи... — Не уверена, что когда-либо чувствовала себя так неловко. Это ужасный разговор.

— Тсс... — Она поднимает голову с моего плеча. — Я не утверждаю, что из этого что-то выйдет. Просто говорю, что нет ничего плохого, если что-то произойдет.

Ничего не произойдет.

Для меня Зак навсегда останется мужем Сьюзи. Подруги не влюбляются в мужей подруг. Я почти уверена, что это где-то высечено на камне.

— А сейчас... — Она отпускает мою руку и прижимает свою к груди, будто вот-вот произойдет нечто захватывающее. — Помимо того, что моя новая лучшая подруга переезжает ко мне, скажи мне что-нибудь, что... ну, не знаю... рассмешит меня.

У меня нет таких слов.

Разве что...

Мое чувство юмора несколько нездоровое, и я уверена, что это прямой результат ее дурного влияния на меня.

— Пожалуйста, не говори своему мужу, что хочешь, чтобы горничная влюбилась в него после того, как тебя похоронят на глубине шести футов.

У Сьюзи отвисает челюсть, глаза расширяются, а ладонь взмывает ко рту. Секунду спустя она фыркает от смеха, а на следующем вздохе уже открыто хохочет.

Я хихикаю.

Затем мы валимся друг на друга в приступе смеха, как две юные девицы, обсуждающие влюбленность в одного и того же мальчика в школе.

— Не скажу. — Она смеется. — Это будет нашим маленьким секретом.

— Что будет маленьким секретом?

Мы подпрыгиваем, проглатывая последние смешки и задерживая дыхание, когда в спальню входит Зак.

— Если расскажем тебе, это перестанет быть секретом, — говорит Сьюзи.

Я слезаю с кровати, не глядя Заку в глаза, потому что не могу. Пока нет. Не тогда, когда Сьюзи считает, что я смотрю на него по-особенному.

— Я... — Киваю на дверь и протискиваюсь мимо Зака. — Оставлю вас наедине. Спасибо за все. Правда.

— Нам только в радость, — говорит Сьюзи.

Не уверена, что селить у себя бездомную — это *радость*, но это мило с ее стороны — с их стороны — вести себя так великодушно.

Разложив свои вещи в гостевой спальне, пробираюсь на кухню, не ожидая застать Зака у плиты, готовящего что-то в большой кастрюле.

— Привет.

Он поворачивается и улыбается.

— Привет. Готовлю для Сьюзи спагетти. Она думает, что спагетти без соуса звучат заманчиво. Ты любишь спагетти?

— О... — Я качаю головой. — Тебе не нужно готовить для меня. Правда, здесь достаточно места. Я могла бы купить кое-что из продуктов, но ничего такого, что заняло бы много места в холодильнике. Обещаю.

— Так... это «да» или «нет» по поводу твоей любви к спагетти? Я приду в шок, если Сьюз съест больше трех вилок. Останется фунт спагетти минус три вилки и полная банка соуса. Следующие три дня я в рейсе, а значит, что все это окажется в мусорном ведре. Итак... «да» или «нет» по поводу твоей любви к спагетти?

— Кто не любит спагетти?

Зак усмехается.

— Возьми из кладовой банку с соусом.

Вот и все... это все, что мне нужно, чтобы вписаться в их жизнь.

Глава 9 Эмерсон

На протяжении следующих нескольких недель я убираюсь в домах других моих клиентов, подстригаю газон Зака и Сьюзи, делаю миллион фотографий, *подкупаю* Сьюзи, чтобы она поела, и делаю все возможное, чтобы освободить каждую возможную минуту для Зака, чтобы он мог провести их со Сьюзи.

И снова ее хорошие и плохие дни чередуются. Плохих дней больше. Хорошего я давно не видела. Это отражается на Заке.

Его тревоге.

Манере поведения.

Такое чувство, что все его существование исчезает вместе с ней.

Я не знаю, что делать. Возможно, в этом мне не удастся ему помочь.

Над домом нависло грозное облако страданий, которое ощущают все.

Когда я в среду после четырех подъезжаю к дому, немного удивляюсь, увидев машину Зака, а не Мишель. Утром он говорил мне, что вернется домой поздно, сегодня был его последний рабочий день, потому что в данный момент он не может находиться вдали от Сьюзи, не тогда, когда ее состояние так быстро ухудшается. В доме стоит тишина. Она кажется оглушающей. В воздухе чувствуется скорее холод, чем отсутствие звука, и это замедляет мои шаги.

Мяу.

Ко мне бежит Гарри Паутер. Я беру его на руки и целую в пушистую головку.

— Привет, приятель, — шепчу я. — Все в порядке?

Опустив его обратно на пол, на цыпочках иду по коридору. Сьюзи сидит на краю кровати в светло-голубой ночной рубашке, свесив бледные ноги, схватившись руками за край и склонив голову. Впервые за много дней я вижу ее в сидячем положении.

— Привет.

Ее голова медленно поднимается.

— Что случилось? — Я приближаюсь к кровати и опускаюсь перед ней на колени, накрывая ладонями ее руки, а она смотрит на меня заплаканными красными глазами.

— Я не могу есть, — говорит она хриплым голосом.

— Что ты имеешь в виду? У тебя нет аппетита?

— В желудке ничего не задерживается.

Должно быть, она весит меньше ста фунтов.

Кости выступают.

Кожа шелушится.

Губы все в трещинах.

В запавших глазах ни крохи блеска. Глаза Сьюзи — *безжизненные*.

— Так... ну, а ты пробовала смузи?

— Эм...

— Может, свежесжатый сок?

— Эм...

— Или...

— Эмерсин.

Я замолкаю и склоняю голову, глядя на ее крошечные ступни, выглядывающие из-под ветхой ночной рубашки.

— Где Зак? — шепчу я.

— Ушел. Он расстроен. Мишель хочет, чтобы он позвонил в хоспис, — шепчет она.

Я киваю.

— Что я могу сделать для тебя?

Она клонится в сторону и морщится, из ее груди вырывается болезненный стон. Я помогаю ей лечь и накрываю одеялом.

— Найди его.

Я снова киваю.

— Что ты хочешь, чтобы я ему сказала?

Закрыв глаза, она пытается смочить сухие кратеры, избороздившие ее губы.

— Ты разберешься. Ты... — ее голос начинает стихать, когда она погружается в сон. — Ты... разберешься... *с ним*.

Рядом с кроватью стоит баночка с бальзамом для губ и миска с ватными тампонами. Я наношу немного бальзама ей на губы и целую в щеку. Затем заглядываю в каждую комнату в поисках Зака. Следующий на очереди — гараж. Его велосипед здесь, машина — на подъездной дорожке. Он не ушел бы далеко. Я уже очень хорошо знаю его. Даже расстроенный, он не оставит Сьюзи надолго. Это просто — не Зак.

Выйдя во двор, закрываю за собой дверь и прислушиваюсь.

Тишина.

— Зак?

Тишина.

Пробираюсь вдоль дома.

— Я здесь.

Обернувшись, замечаю его, сидящим за углом садового сарая. Колени подтянуты к груди. Руки зарылись в волосы, крепко в них вцепившись.

Словно любое резкое движение может его отпугнуть, я осторожно подхожу к сараю. Прислонившись спиной к теплому деревянному сайдингу, сползаю вниз и усаживаюсь на задницу, подтягивая колени так же, как и Зак. Несколько минут просто существую рядом с ним.

Ожидая.

Изучая.

Терпеливо вызывая в сознании любые мудрые слова.

Ничего не приходит.

— Я до смерти боюсь... — он делает паузу и сглатывает, — ...что меня не окажется

здесь, когда она умрет.

Я медленно киваю. Слова совершенно излишни. Теперь я понимаю, почему он дома, а не на работе.

— Я до смерти боюсь... *оказаться* здесь, когда она умрет.

Мое сердце заходится от его слов, с силой сжимая его в тиски.

— Итак... эгоистичная сволочная часть меня просто не хочет быть здесь. Что, если я просто уйду первым и подожду ее там?

Ох, Зак...

Мне хочется ему сказать, что, мысли она подобным образом после смерти Тары, у него никогда не было бы с ней шанса на жизни. Но я молчу. Зак не просит ободряющей речи. Он просит, чтобы кто-нибудь выслушал все мысли, которые приходят ему в голову — грубую, честную часть его сердца, нуждающуюся в освобождении, чтобы он *мог* жить, мог находиться рядом со Сьюзи, когда та покинет этот мир. Подобно приливу и отливу, вдоху и выдоху, жизнь зависит от сосуществования того, что можно удержать и того, что нужно... отпустить. Так мы и идем по этой жизни, как малые дети, изо всех сил пытающиеся покорить «шведскую стенку», не свалившись с нее.

Иногда нам нужна твердая рука для поддержки.

Иногда нам нужно, чтобы кто-то нас выслушал.

А иногда нам нужно несколько минут посидеть за сараем, чтобы отдышаться. Взять крохотный таймаут от реальности. Несколько мгновений, чтобы примириться с нашими самыми большими страхами.

— Зак?

Глубоко выдохнув через нос, он поворачивается лицом ко мне. Я вижу это в его глазах — боль, побуждающую меня сказать что-то слишком эмоциональное, слишком ободряющее, что угодно слишком.

— Косилка плохо косит. Думаю, тебе нужно наточить лезвия.

Я жду.

И еще немного.

А потом...

Его губы растягиваются в улыбке, глаза покраснели от слез, но я знаю, что он никогда не прольет ни слезинки передо мной. Медленно кивнув, Зак шепчет:

— Спасибо. — Еще несколько кивков. — Спасибо, что сказала.

— Без проблем. — Я улыбаюсь и встаю, протягивая ему руку.

Конечно, ему не нужна моя рука, чтобы встать, но он все равно за нее берется. Я откидываюсь назад всем телом, поднимая его на ноги. Мы отряхиваем задницы и рискуем бросить взгляд друг на друга в один и тот же момент. И теперь, когда наши глаза встретились, я не могу отвести взгляд, и Зак тоже.

Не потому, что мы влюблены.

Не из-за какого-то влечения.

Нет.

Это молчаливый обмен уважением. Я думаю, что он, возможно, самый замечательный муж, который когда-либо ходил по этой земле. И если я его правильно понимаю, он думает, что я худшая горничная, которая когда-либо ступала по этой земле... но я делаю нечто гораздо большее, чем просто избавляю его дом от пыли. И за это я чувствую его невысказанную благодарность. Когда я улыбаюсь, мне кажется, что он тоже чувствует мою

благодарность.

— Зак?

Он останавливается перед задней дверью.

— Ей больно, — говорю я.

С трудом сглотнув, он медленно кивает и исчезает в доме.

Глава 10 Эмерсон

Предупреждения — замечательная вещь. К примеру, неровности на дорогах за пределами города предупреждают водителей замедлить ход. Облака темнеют перед началом бури. А медсестры из хосписа выезжают на дом, чтобы максимально облегчить страдания больных... и предупредить семью о том, чего ожидать.

Зак все же позвонил в хоспис, из-за чего создалось ощущение, что это лишь вопрос времени, пока не произойдет неизбежное. А еще время стало казаться вечностью. Прошла неделя. Неделя моментов, которые представлялись концом. Неделя моментов, когда казалось, что Сьюзи идет на поправку. Ей становилось лучше, а не хуже. Сколько раз семья может прощаться в последний раз? Неопределенность держит всех в напряжении.

Она на морфии, и, судя по всему, он помогает, но также лишает ее последних шансов на связные моменты. Тяжело смотреть, как Зак борется со своим желанием уберечь ее от боли и с отчаянной потребностью единения со своей женой, а не с ее одурманенной версией.

Бодрствующая, но страдающая от боли?

Или...

Сонная и дезориентированная?

Не уверена, что Зак когда-нибудь позвонил бы в хоспис без нажима со стороны. Отрицание затуманивает здравый рассудок почти так же сильно, как виски.

По большей части я держусь особняком, прячась в своей спальне с Гарри Паутером. Как бы я ни была близка со Сьюзи, я — не ее семья. Так что я оставалась в стороне, когда родные и друзья приходили и уходили, каждый раз, на всякий случай, прощаясь со Сьюзи. Я трижды меняла коробку с бумажными салфетками в ванной коридора, и сама за последние три дня израсходовала целую коробку.

Когда я просматриваю свои фотографии, в мою дверь стучат.

— Войдите.

— Можешь помочь мне найти кое-что в гараже? — спрашивает Зак, несколько обеспокоенно. Не в панике, но определенно в тревоге.

— Конечно. — Я откладываю камеру в сторону и следую за ним в гараж.

Коробки, которые раньше были аккуратно сложены вдоль стены в третьем отсеке, теперь раскиданы повсюду, разорваны и завалены вещами, наполовину вывалившимися из них.

— Что мы ищем? — Протолкнув комок в горле и смахнув слезы, открываю коробку, которую он еще не распотрошил. Воздух наполнен напряжением и волнами беспокойства,

исходящими от Зака.

— Не уверен. Коробку, где хранятся ее детские вещи. Что-то голубое. Это все, что она сказала, — нервозность в его голосе могла бы пронзить гору насквозь, слова вырываются резко, дыхание затруднено.

Мое сердце стремительно падает в желудок, тошнота — обжигающая и разъедающая — мгновенно подкатывает к горлу.

— Не эта? — спрашиваю я, заглядывая в коробку со старыми фотоальбомами, плюшевым мишкой и куклами.

— Да, она.

Я отхожу в сторону, пока Зак выуживает содержимое.

Мой стакан, который всегда полон хотя бы наполовину, в данный момент кажется немного опустевшим. Я понимаю, что дело не только в Сьюзи. Но и в Брейди. В Гарри Паутере. В куче долгов, породивших гору лжи. В отчуждении моей матери. В нехватке друзей. В том, что моя единственная настоящая подруга умирает. В месяцах ночевок в машине, когда я опасалась за свою безопасность. В вопросе определения моей жизни и моего будущего.

В мужчине передо мной. Он такой усталый. И пусть ему тридцать три, но сейчас он выглядит минимум на пятьдесят. Проблески седины в волосах и однодневной щетине. Не сходящие морщины беспокойства на лбу. Мешки под глазами. Но красноречивее всего говорит его взгляд.

Потерянный.

Зак выглядит безвозвратно потерянным.

Так что, да... я начинаю плакать тихими слезами, которые смахиваю так же быстро, как они капают из моих горящих глаз.

— Как думаешь, что из этого она хочет?

Он достает что-то, что привлекло его внимание, вытаскивая висюльку с перьями и бусами.

— Что это? — спрашиваю я.

Он держит вещицу между нами, и его лицо украшает грустная улыбка.

— Ловец снов. Мама Сюзанны отдала его ей перед своей смертью, чтобы тот защитил ее от злых духов и дурных снов. Сюзанне было десять. Ее мама сказала, что он поможет Сюзанне помнить свою жизнь... а не смерть. — Наши взгляды встречаются. — Спасибо, Эмерсин.

Не моргая, устремляю глаза к потолку и закусываю губу, чтобы *снова не расплакаться*.

— Ммм-хм.

— Она не спит, если хочешь с ней увидеться.

Увидеться с ней? Он имеет в виду *попрощаться*.

Ненавижу прощания. Я в них плоха. Я — мастер находить любые способы сделать неправильное правильным и исправить недостатки. Я — художник, творец. Создатель. Редактор. Я нахожу плюсы в любой ситуации.

У рака нет плюсов.

Смерть нельзя исправить.

Я не могу загрузить Сьюзи в фотошоп и стереть рак.

В ее смерти нет ничего *хорошего*. Так зачем мне вообще прощаться?

Мои боль и гнев перечисляют нелепые причины того, что я хочу и не хочу делать, пока

Зак ждет моего ответа.

— Хорошо, — шепчу я.

Я переняла глупое сердце Зака. Сьюзи невозможно не любить и не хотеть, чтобы она жила вечно. Поэтому я не позволяю себе верить, что буду прощаться в последний раз.

Зак открывает дверь и ведет меня в их спальню, но в нескольких футах от двери я останавливаюсь и прижимаю руку к груди. Это кажется слишком окончательным, а я к такому не готова.

Я не могу.

Я не могу этого сделать.

Горло сдавливает, а стеснение в груди разрастается до разрывающей боли. Я не могу дышать или перестать дрожать.

Зак поворачивается ко мне.

Я не сдвигаюсь ни на дюйм. Не дышу. Не моргаю. Держусь на тончайшем волоске. Если сдвинусь на один... единственный... дюйм... то не просто заплачу. Я разрыдаюсь так же, как и в тот день, когда ушла из дома, — это, своего рода, тоже смерть.

Вместо того чтобы преодолеть последние два шага к дверям спальни, Зак отступает, пока я не оказываюсь в его объятиях, ладонь на моем затылке прижимает мое лицо к его груди, заглушая рыдания, и он как можно быстрее уводит меня в гостевую спальню — мою спальню — на противоположной стороне дома и закрывает за собой дверь.

И...

Я рыдаю из-за всех глупых причин, слившихся в один громадный срыв, который Зак не заслуживает видеть, не говоря уже о том, чтобы чувствовать себя обремененным необходимостью утешать *меня*.

Меня! Он утешает меня, когда его жена умирает. Официально заявляю: в данный момент я себя ненавижу.

Даю себе десять секунд в его объятиях, и ни секунды больше, прежде чем отстраниться и вытереть лицо.

— Прости. О, боже... мне так жаль.

— Почему ты извиняешься? — Его брови сведены вместе.

Я прикрываю ладонью рот, борясь с эмоциями и задыхаясь от комка, застрявшего в горле.

— Не нужно быть сильной ради нее, — говорит он.

Сильной? Он сумасшедший? Мне не просто не хватает сил. Я — землетрясение эмоций — трясусь и рушусь изнутри.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы уйти с хорошими воспоминаниями.

Я всхлипываю, качая головой.

— Я ненавижу тебя, Закари Хейс. Ты убиваешь меня своей добротой. И... — я всхлипываю. — Она никуда не уйдет. Ясно?

Он несколько раз моргает, скрывая эмоции. Затем кивает, потому что так поступают взрослые, когда дети находятся на грани срыва. И прямо сейчас я чувствую себя ребенком, не контролирующим свои эмоции.

Я хочу, чтобы Сьюзи жила, иначе могу закатить истерику.

— Я должен отдать ей это. — Повернувшись, Зак направляется обратно к Сьюзи.

Запустив руки в волосы, я закрываю глаза и качаю головой. Сьюзи никогда бы не убежала. Она надела бы штанишки большой девочки и не оставила бы недосказанности,

потому что так поступают смелые люди. Наша дружба измеряется месяцами, а кажется, что годами. Настоящая дружба зарождается в одно мгновение и длится всю жизнь. Хреново, что одна весна и лето стали для нашей дружбы целой жизнью.

— Ты можешь это сделать, — шепчу я. Затем снова вытираю лицо и делаю остановку в ванной, чтобы высморкаться, хмурясь при виде опухших глаз. Помолвившись о двух-трех минутах эмоциональной стабильности, пробираюсь к спальне и выглядываю из-за угла как раз в тот момент, когда Зак садится на край кровати рядом со Сьюзи.

Он оглядывается через плечо и грустно мне улыбается, затем снова встает, уступая мне место рядом с ней.

— Смотри, кто пришел? И она нашла твоего ловца снов. — Зак кладет ловца снов на плоскую поверхность кровати прямо над Сьюзи.

Она медленно запрокидывает голову, чтобы его увидеть.

— Это для тебя, глупенький, — говорит она слабым, страдальческим голосом. — Положи его на свою сторону.

Кинжал в сердце...

Безусловно, ловец для него. Так его сны будут только о ее жизни, а не о ее смерти.

Ее слова явно застают Зака врасплох, потому что он тяжело сглатывает и прочищает горло, когда я приближаюсь к кровати.

— Вот, — говорит он, набирая дозу морфия из бутылочки, стоящей у нее на тумбочке, и впрыскивая ей в рот — а это значит, что у нее осталось совсем немного времени, прежде чем снова впасть в дезориентацию и сонное состояние. Он перебирается на другую сторону кровати, чтобы передвинуть ловца снов, а Сьюзи похлопывает по краю матраса. Я сажусь.

— Спасибо, — шепчет она. Она говорит с максимальной ясностью, которую я могла слышать от нее за последнюю неделю. Опять же, она дает нам надежду. Ложную надежду.

Я киваю, позволяя надежде вернуться в сердце, в то время как моя челюсть остается сжатой, чтобы не расплакаться.

Если Зак выглядит на пятьдесят, то Сьюзи сейчас выглядит на восемьдесят. Для человека, чьи органы отключаются один за другим, лесть не уместна. Голодание и обезвоживание никого не красит. Тем не менее, под тонкой, морщинистой кожей, которая сегодня ужасно серая и покрыта пятнами, я, как и Зак, вижу красивую женщину.

— Ответ — да, — говорит она хриплым голосом.

Я сужаю глаза.

— Ответ на что?

Она нащупывает мою руку, и я подаю ее ей. Притянув наши руки к своей груди, она кладет их туда, и слабая улыбка растягивает ее пересохшие губы.

— Ты знаешь. Мы говорили об этом. К-когда этот вопрос однажды придет тебе в голову... — она крепко зажмуривается, — ...ты будешь знать, что ответ — да.

Единственное, что может быть хуже преследующего меня призрака, — это жить с ответом на неизвестный вопрос. Мы много о чем говорили. А в данный момент я не могу думать. Что-то мне подсказывает, что в будущем в моей занятой мыслями голове возникнет миллион вопросов. Судя по словам Сьюзи, ответ на все — да?

— Хорошо. — Я киваю. Вот что вы делаете для человека на смертном одре. Соглашаетесь абсолютно на все без вопросов.

Позаботиться о десятке кошек.

Не набивать тату.

Следовать за своей мечтой.

Да. Да. Да. Конечно. Что угодно, лишь бы дать понять умирающему человеку, что исполнишь его желание.

Она не умирает!

Сердце и разум борются с таким количеством эмоций.

— И присматривай за Заком.

Я перевожу взгляд на Зака, который слишком долго укладывает ловца снов на спинке кровати. От напряжения мышцы его челюсти пульсируют. Настала его очередь бороться со всеми эмоциями, которые вызывает прощание навсегда. В свои двадцать три я могу только представить, что он чувствует, но то, что я представляю, — уже невообразимо.

Что он думает о ее просьбе присмотреть за ним? Уверена, в его голове возникает мысль: *«Только этого мне и не хватало, чтобы за мной присматривала горничная».*

Чтобы успокоить всех участников, просто киваю в ответ, а затем наклоняюсь и обнимаю Сьюзи. Это все? Это последний раз, когда я вижу ее живой? Как я узнаю, что она умерла? Зак придет и скажет мне? Или я услышу, как он плачет? Или когда «скорая» приедет за телом? Может, достаточно отправить мне сообщение, чтобы я знала, когда можно будет выйти из своей комнаты. Сейчас, перед Сьюзи, я не могу спрашивать его о таком.

«Йоу. Не пришлешь мне смс, когда она умрет?»

Горе и страх делают с человеком странные вещи. Не могу поверить, что такие дерьмовые мысли крутятся у меня в голове. *«Йоу»* даже нет в моем лексиконе.

Я должна быть благодарна за то, что разваливаюсь на части только внутри. Внешне мне удается сохранять подобие эмоционально устойчивого человека.

Время пришло. «Прощай» — не то слово, которое я хочу сказать. Его я сказала матери, понимая, что, возможно, никогда больше ее не увижу. Но Сьюзи я так сказать не могу. И это прозвучит глупо, если я увижусь с ней утром.

— Хорошо, — шепчет Сьюзи. — Ты говоришь «х-хорошо», когда н-не знаешь, что еще сказать. Это... это принятие.

Я сжимаю ее руку, не желая мириться с ее неминуемой смертью.

Она отвечает слабым пожатием.

— Тебе не обязательно... должно это... н-нравиться. Я принимаю свою судьбу... н-но она мне не нравится.

Зак откашливается, садясь на противоположной стороне кровати спиной к нам. Тоже скрывая свои эмоции?

Я медленно встаю и так же медленно отпускаю ее руку. Мои глаза снова наполняются слезами, поэтому я понимаю, что мне пора уходить.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторяет она.

Отвернувшись, я моргаю, высвобождая новый поток безмолвных слез, и выхожу из спальни, задерживая дыхание, пока в груди не начинает гореть.

Помимо боли и несправедливости всего происходящего, я нахожу, за что держаться — мне очень повезло, что Сьюзи была в моей жизни, пусть и недолго. Я никогда ее не забуду, и мне всегда будет не хватать нашей дружбы.

Глава 11
Зак

— Нам н-нужно сказать все... что не успели с-сказать, — шепчет Сьюзи через несколько минут после ухода Эмерсин.

Я сжимаю край кровати так, что руки немеют, голова кажется слишком тяжелой, чтобы ее поднять.

— У нас есть время.

Мое отрицание — ребячество, но ребенком я *чувствую себя из-за* этой калечащей беспомощности. Где мамыны объятия, когда они так мне нужны? Можно, я спрячусь под кроватью, пока этот кошмар не закончится?

В течение последних нескольких дней, во время коротких осознанных моментов между дозами морфина, Сюзанна просила меня сказать все, что нужно было сказать. Если я этого не скажу — она не умрет. Таков мой новый уровень рассуждений, потому что до сих пор он работал. Я не говорю. И она живет.

Ей больно...

— Зак...

— Не говори этого. — Мой голос срывается, как и сердце, как и моя душа.

— Просто... об-обними меня.

Злость внутри нарастает до тех пор, пока я не могу перевести дух, пока в ушах не звенит, пока я едва вижу сквозь слезы, размывающие видение на ускользающую от меня жизнь.

Я. Так. Охеренно. Зол.

И я не знаю, кто или что несет за это вину. Сюзанна лучше меня во много раз. Утром того дня, когда умерла Тара, я уверен, она сказала все правильные слова, сделала все правильные вещи. Сюзанна никогда не оставляет ничего недосказанным, потому что знает, что каждая секунда имеет значение. Потеряв частичку своего сердца, она научилась сохранять при этом достоинство и поступать правильно. Но не я.

Я не хочу обнимать ее до тех пор, пока она не перестанет дышать.

Не хочу давать ей разрешение умереть.

Не хочу говорить ей, что со мной все будет хорошо.

Нет.

Я хочу до кровавых кулаков исколотить стену.

Хочу кричать и показать всему проклятому миру средний палец — самый большой «идите на х*й» из когда-либо виденных.

Хочу целовать ее, пока она вновь не станет самой собой, пока мы не превратимся в

единое целое, и я смогу бороться за нее.

Дышать за нее.

Побеждать за нее.

Жить за нее.

— З-злись.

Ее слова заставляют мою голову подняться, я слегка ее поворачиваю, словно спрашивая: правильно ли я расслышал.

— Злись, Зак, — это шепот, едва даже вздох, но я слышу ее. Понимаю ее.

Крошечные мускулы на лице подергиваются, когда я сжимаю челюсти и борюсь с жжением в глазах.

Злись, Зак.

Схватив с тумбочки лампу, швыряю ее через всю комнату.

— БЛ***ДЬ!

Она разбивается. Моя грудь вздымается от затрудненного дыхания. Сердце беснуется. Затем я бью по стене полдюжины раз, крича:

— ЭТО. ПИ*ДЕЦ. КАК. НЕСПРАВЕДЛИВО!

Стена проломлена и обагрена кровью.

Сюзанна моргает, по ее щеке скатывается одинокая слеза, губы дрожат.

Мое лицо сморщивается, рыдания душат. Я указываю на дверь и качаю головой.

— Это не *хорошо*. Для нее может это и «хорошо». — Я тычу пальцем в сторону, куда удалилась Эмерсин. — Но для меня это не хорошо. Никогда не будет хорошо. Так что не проси меня говорить «хорошо». Не проси прощаться. Не проси м-меня...

Я морщусь от боли в груди, хватаясь за голову.

— Я т-тоже тебя л-люблю, — говорит она, закрывая глаза и дрожа от эмоций. — И я-я... б-боюсь.

Я замираю. В шоке от ее признания. Глубоко ошарашенный.

Она даже не понимает, как сильно мне нужно было это услышать. Ее сила заставила меня чувствовать себя таким слабым. А ее принятие — неблагодарным.

Моя жена умирает, и это ужасно. Мне *нужно*, чтобы это было ужасно. Меня *устраивает* только это. Только так я могу принять правду.

Это невообразимо.

Это жестоко.

Это неправильно.

Это мучительно.

Это трагично.

Ее смерть — бессмысленна.

Для меня это никогда не будет «хорошо». В конце того туннеля может и не быть света. И я не представляю, что наступит день, когда мое сердце не будет разрываться на части, день, когда оно не будет истекать кровью, день, когда я приму это.

На следующем вдохе оказываюсь рядом со Сьюзи, притягиваю ее к себе и целую в голову.

В свете единственной лампы проскальзываю в постель рядом с ней и обнимаю так крепко, что боюсь сломать ее хрупкое тело. Я знаю, что мне не удержать ее от цепких лап смерти, но это не мешает моим попыткам.

Я вдыхаю цветочный аромат лосьона, который наносил на ее кожу эти несколько

недель, и слабый запах ванили от бальзама для губ.

Спустя пару часов она ерзает в моих объятиях, еле слышно постанывая. Я чувствую ее боль. И безмерно ее ненавижу.

— Нужно больше болеутоляющего? — шепчу я, целуя ее в лоб.

Она не открывает глаза, просто что-то бормочет.

— Что, детка? — Я приподнимаюсь на локте и поправляю подушку под ее головой. — Лучше?

— Кролик... не уходи. — Еще один болезненный стон.

Я сужаю глаза от ее бормотания.

— Тебе снится сон? Ты проснулась? — Я снова и снова целую ее в лоб, не зная, что для нее сделать — не зная, что делать со страхом, сжимающим мою грудь.

Она замирает, и я вместе с ней.

Нет. Нет. Нет...

Затем ее губы приоткрываются, и она делает вдох — резкий, но неглубокий, будто сдерживала его.

Я тоже выдыхаю, чувствуя облегчение.

— Не пугай меня так. — Я целую уголок ее рта, задерживаясь на несколько секунд.

Она опять стонет. Так продолжается слишком долго. Шаг вперед — два назад. Танец со смертью. Невероятно ужасный танец.

Она страдает...

Это не любовь. Я привязал ее к себе слишком крепко, и это *медленно ее убивает*. Это не... любовь.

Итак, я произношу эти слова. Те, что, по моему мнению, должен сказать человек, если он действительно кого-то любит.

— Все хорошо, детка. — Я с трудом сглатываю, когда слезы наполняют мои горящие глаза. — Можешь уйти, — шепчу я ей на ухо. — Ты... можешь... уйти...

Еще один стон. Я ненавижу это. **НЕНАВИЖУ. ЭТО!**

Если Бог так сильно хочет ее забрать, то почему просто не сделает этого?

Обнимаю Сюзанну еще час, прислушиваясь к ее неглубокому дыханию, она одной ногой в этой жизни, другой — в следующей. Она чуть булькает. Чертов предсмертный хрип.

Я сажусь и смотрю на бутылочку сублингвального морфия на ее ночном столике. Прошло несколько часов. Ей нужна новая доза. Не хочу, чтобы она страдала. Больше никакой боли.

Больше.

Никакой.

Боли.

Я наполняю шприц.

Дрожащей рукой подношу шприц к ее рту, кончик исчезает между губ, и я медленно давлю на поршень.

Отвожу руку со шприцом на тумбочку, но останавливаюсь. Сюзанна научила меня терпению, но еще и милосердию. Вновь наполняя шприц, новые слезы затуманивают мое зрение.

Я люблю ее. Люблю настолько сильно. Я — ее скала. Эти слова крутятся у меня в голове, пока я вливаю ей больше морфия... и больше... проявляя к ней милосердие.

Я лежу рядом с женой в последний раз, и этот момент исчезает с замедляющимся

биением ее сердца, пока... оно не останавливается.

Один.

Два.

Три.

Четыре.

А после — тишина.

— Детка? — прижимаю ладонь к ее щеке.

Она не двигается.

Безмолвная паника ползет по позвоночнику, сворачиваясь петлей вокруг шеи.

Прикладываю ухо к ее груди.

И жду.

Жду биения.

Жду вдоха.

Пять.

Шесть.

Семь.

Восемь.

Я жду.

Я сделал это. Я сделал это для нее. Я *был* ее скалой, даже после смерти.

— Я люблю тебя, — шепчу я. — Вот *насколько* сильно я люблю тебя.

И скала раскалывается.

Глава 12
Зака

Светит солнце, но я его не чувствую. Пока я сижу в джунглях, укрывшись одеялом Сюзанны, члены наших семей толпятся в доме, шепчутся и всхлипывают. Уверен, что им тоже больно, но я ничего не чувствую, кроме боли своей вывернутой наизнанку груди. Спустя час после того, как у меня забрали ее тело, я послал сообщение всем в групповой чат. Еще одно сообщение я только что отправил всем моим контактам. Бьюсь об заклад, там есть люди, вроде моего парикмахера и администраторов нескольких наших любимых ресторанов, которые не знают, как реагировать на текст: «она умерла».

Делать мне нечего. Сюзанна все сама спланировала перед смертью, включая музыку, которая будет играть на ее похоронах. Она попросила сестру прочитать ее любимое стихотворение Э. Э. Каммингса, а ее подруга Эйприл споет что-нибудь слишком вдохновляющее для смерти. У меня только одна работа — быть скорбящим мужем.

Сделано.

Если бы я мог зарабатывать, оплакивая Сюзанну, то стал бы очень богатым человеком. Для парня с множеством талантов (по крайней мере, так всегда говорили моя семья и друзья), я думаю, горевать — моя новая профессия. Я горжусь тем, что я в ней лучший, как бы ни намеревался ее выполнять. Осторожно, мир, я собираюсь стать гребаным профессионалом в этом деле.

Не нужно есть.

Не нужно принимать душ.

Не нужно говорить.

Не нужно двигаться.

Если я перестану дышать... пусть будет так.

На данный момент я как бы ненавижу свою жизнь, да и любую жизнь в принципе. Сюзанну бы разочаровало отсутствие у меня силы и стойкости. Нах*й. Стойкость я оставляю для своей следующей жизни. А тем временем некая мертвая цыпочка по имени Тара воссоединяется с моей женой. Она, наверное, уже забыла обо мне.

Ирония? Никто даже не тратит время, чтобы обратить на меня внимание. Не просит что-то сделать. Не задает никаких вопросов о планах на будущее. Просто обходят меня стороной. Десять баксов на то, что это тоже упомянуто в посмертных инструкциях Сюзанны.

Оставьте Зака в покое. Он — жалкая киска, которая попытается свернуться в клубок и умереть. Дайте ему несколько дней, затем затолкайте в душ и оденьте в тот серый костюм, который так ему идет. Черное он носит на работе, и я не хочу, чтобы он выглядел

скорбящим. Это не похороны. Это праздник жизни.

Ладно, вот вам новость... если хотите, чтобы люди праздновали вашу жизнь, вы должны жить. Вы должна *быть* живым. Умерев, вы получаете похороны, плач над гробом и органную музыку.

Проходит день. Люди приходят и уходят. Тарелки с нетронутой едой на подносе рядом со мной каждые несколько часов заменяются свежей порцией. Затем я погружаюсь в тишину, и свет гаснет. Снаружи темно. Я понятия не имею, сколько сейчас времени, поэтому закрываю глаза и иду спать. Может, Сьюзи вернется утром. Может, Тара слишком растолстела в загробной жизни или стала натуралкой, или подцепила какую-нибудь горячую мертвую цыпочку, и Сьюзи решит вернуться и бороться немного усерднее, чтобы выжить. Да, я делаю ставку на это.

С этим мне было бы *хорошо*.

На третий день — день похорон — мой отец и брат, как и ожидалось, стаскивают меня с кресла и заталкивают в душ.

— Бл*дь! — Моя спина выгибается, когда сверху обрушивается ледяной водопад, от которого перехватывает дыхание.

— Хорошо... — усмехается отец. — Ты чувствуешь. Думаю, это означает, что мой старший сын все еще жив. А то я уже начал сомневаться.

Я стучу зубами.

— Намыливайся. — Аарон сует мне в руку кусок мыла, прежде чем выдавить мне на голову хренову тонну шампуня.

Я стою и дрожу, позволяя куску мыла с *глухим стуком* выпасть из руки к моим ногам.

— Я не собираюсь ползать между твоими ногами, чтобы поднять мыло. Так что нагнись, подними его и вымой свою грязную задницу. — Аарон отвешивает мне несколько сильных пощечин.

Мой взгляд скользит к нему.

Он хмурится и вздыхает.

— В данный момент у меня нет для тебя добрых слов, потому что я тоже ее любил. Мы все любили. Но она хотела, чтобы сегодня ты там был. И моя работа — доставить тебя туда в более-менее презентабельном виде. Так что, если не хочешь, чтобы я позвал маму, чтобы она вымыла твой голый, взрослый зад, приступай к делу.

Несколько секунд я смотрю на мыло на полу душевой, пока вода нагревается. Потом наклоняюсь и поднимаю помятый кусок. Мое тело медленно переходит в режим автопилота. Я просто хочу, чтобы этот день закончился, но, кажется, все приостанавливается в ожидании, когда же я исполню свою роль. Ведь скорбящие мужья ходят на похороны своих жен. Полагаю, такова моя роль. Поэтому я принимаю душ.

Бреюсь.

Одеваюсь.

Сажусь в машину, ожидающую меня у входа.

Сажусь в первом ряду и смотрю на ее гроб.

Звучат прощальные речи. Песнопения. Чтение стихов.

В какой-то момент я слышу смех, но не уверен, что было сказано, чтобы вызвать такую реакцию. Возможно, это одна из миллиона историй о Сюзанне. У нее был способ доставить радость и смех всем, с кем она общалась. Сейчас мне не помешало бы немного радости, но

она всю ее забрала с собой.

После последней молитвы мы следуем за гробом. Мне не нужно принимать ничьи соболезнования, поэтому Сюзанна и не просила, чтобы меня навещали визитеры. Она знала, что мне это не понравится. Ее мысли всегда, в первую очередь, обо мне.

Похороны заканчиваются в мгновение ока. Мама отпускает мою руку и что-то шепчет на ухо. Думаю, это: «Не торопись», но, честно говоря, я все еще онемевший и плохо соображаю.

Несколько минут спустя рукав моего пиджака слегка дергают, и я поворачиваюсь.

— Привет. — Эмерсин одной рукой промокает глаза бумажным платочком, а другой протягивает букет тюльпанов цвета фуксии.

Я смотрю на них несколько секунд.

— Она сказала тебе принести их?

Эмерсин качает головой.

— Нет. — Выдыхая нервный смешок, она пожимает плечами. — Думаю, она предполагала, что их принесешь ты. Но... я уверена, что твои мысли были заняты другим. Поэтому по дороге я купила букет... на всякий случай.

Взяв букет, встречаюсь с ее красными глазами. Пряди светлых волос бьют по лицу, когда ветер усиливается. Сегодня ожидается гроза. Не уверен, откуда я это знаю. Кажется, слышал, как отец говорил по дороге на кладбище. Удивительно, что я это запомнил.

— Спасибо, — бормочу я.

— Пожалуйста. — Она отводит взгляд и переплетает пальцы перед собой. — Что ж, дам тебе немного уединения. Если тебе что-нибудь понадобится, ты знаешь, где меня найти... пока. Скоро я съеду. Это первый пункт в моем списке.

Нервно, она так быстро шевелит губами, что я не могу уловить ни всех ее слов, ни их значения. Боже, надеюсь, она не говорит мне ничего важного. Сегодня я не гожусь ни для чего важного.

Когда Эмерсин завершает свою речь, которая, как мне кажется, заканчивается словами об уборке дома и стрижке газона, я киваю.

Несколько секунд она осматривает меня с болью в глазах, а затем разворачивается и на цыпочках идет по траве к каменной дорожке. В последний раз я слышал Сюзанну, смеявшуюся до хрюканья, когда они с Эмерсин лежали на нашей кровати и смотрели по телевизору «Девичник в Вегасе». Их дружба была такая неожиданная.

— Вот и все, любовь моя. — Я касаюсь блестящей деревянной крышки, укладывая тюльпаны рядом с большим букетом цветов посередине. — Я достаточно взял себя в руки, чтобы быть здесь.

На глаза наворачиваются слезы, и я пытаюсь протолкнуть комок горя, застрявший в горле. После того, как я держался на протяжении всей похоронной службы, реальность самого последнего прощания бьет в грудь так сильно, что я не могу перевести дух.

Мои ноги так долго остаются прикованы к земле, что я не чувствую пальцев. Моргая снова и снова, я жду, что проснусь от этого кошмара. Жду, когда Бог скажет: «Ой, это не тот человек. Сюзанна слишком молода и хороша, чтобы забирать ее так рано. Виноват. Иди домой, она будет ждать тебя в саду. Собрать овощи для ужина».

Вдалеке звучит раскат грома.

Я не двигаюсь.

Ветер поднимается.

Я не двигаюсь.

Косой дождь хлещет меня по лицу, несмотря на тент над моей головой.

Я не двигаюсь.

Я знаю, что кто-то, — скорее всего моя семья, — откуда-то наблюдает за мной. Они дают мне пространство и время. Они знают, что мы не можем перенести этот момент на другое время или день, поэтому, если идет дождь... пусть идет. Я не растаю. Я высохну. Я буду жить.

Буду жить без нее.

Глава 13 Эмерсон

Мне никогда не забыть звука, разбивающейся о стену, лампы или *тук-тук-тук* кулака Зака, проделывающего в ней дыру.

Мне никогда не забыть его пустой взгляд и безжизненный голос в день похорон.

Но больше, чем любой другой момент в моей жизни... мне никогда не забыть того, что он сделал.

Я не должна была быть там, но после вихря хаоса, криков, грохота и урагана гнева мне нужно было знать, в порядке ли он. Стоя в тени коридора рядом с их спальней, откуда практически ничего не было видно, я наблюдала. Плача безмолвными слезами, зажав ладонью рот, чтобы не издать ни единого звука, я наблюдала за прощанием Зака — его лицо искажалось в агонии, каждый раз, когда Сьюзи стонала, вонзая нож мне в сердце.

Время исчезло. Прошли ли минуты? Часы? Я понятия не имела. Горе парализовало меня. Конечности онемели от боли, пока единственное, что я чувствовала, это глухой стук сердца.

Зак медленно сел.

Мне удалось резко моргнуть и сделать крошечный шаг назад.

Трясущимися руками он наполнил шприц морфином. Ожидаемое, привычное действие... превратилось в нечто совершенно иное. Потребовалось время, чтобы понять, чему я стала свидетелем. Мой разум кричал: «*Что ты делаешь?*»

На этот вопрос ответило сердце. Оно знало. Оно понимало.

Я должна была уйти. Сбежать в свою комнату, прежде чем Зак меня заметит. Я не должна была быть там. Как бы ни называлось то, что он сделал, быть свидетелем этому было не мне. Затаив дыхание, скрывая шок и подавляя рыдания, я на цыпочках босиком вернулась в свою комнату. Я оставила Заку последнее прощание и ее последний вздох, потому что они принадлежали ему... и только ему.

— У тебя есть мой номер. Позвони, если он перестанет есть или вставать с постели, по крайней мере, до полудня. Хорошо? — напутствует его брат Аарон, открывая входную дверь, чтобы последовать за родителями к машинам, припаркованным на подъездной дорожке.

Я с секунду трясую головой, возвращаясь мыслями к настоящему.

— Э... да.

Сегодня семья Зака официально оставляет его одного. Не уверена, высматривали ли они признаки суицидального поведения всю последнюю неделю после похорон, но кто-то, кроме меня, постоянно был здесь. День и ночь.

Что до меня, то я не выходила из своей комнаты с ночи смерти Сьюзи. Мне кажется, родственники забыли о моем существовании, за исключением тех случаев, когда я выскальзывала из своей комнаты, чтобы прибраться на кухне или в холодильнике и морозилке, чтобы вместить всю еду.

— Эмерсин?

Мой взгляд устремляется к Аарону, и я выдавливаю из себя улыбку.

— Да. Конечно. Без проблем, — говорю я с сомнительной уверенностью, делая вид, что поняла.

После минутной паузы Аарон кивает.

— Спасибо. До скорого.

Дверь за ним закрывается, и впервые за неделю в доме воцаряется тишина. Я пробираюсь в его спальню — их спальню — проверить, как он. Зак — в джинсах, без рубашки — свернулся клубочком на своей половине кровати в обнимку с подушкой. Думаю, это подушка Сьюзи. Он обнимает ее.

До семи еще несколько минут. Не уверена, что он обедал, но спрашивать не буду. Сегодня вечером я не скажу ему ни слова. Я разберусь с ним завтра. Отступив на несколько шагов, поворачиваюсь и иду в оранжерею. Подняв с кресла одеяло Сьюзи, отношу его в спальню и накрываю им Зака, прежде чем закрыть дверь, чтобы Гарри Паутер его не побеспокоил.

В этом доме я должна быть той, кто будет заботиться о себе, чтобы Зак мог быть тем, кто сломлен и потерян. Это значит, что я буду есть, работать, принимать душ и быть всем, чем он пока не может быть.

На следующее утро я поливаю ее сад и растения в ее джунглях.

Ее... все это по-прежнему ее? Могут ли вещи принадлежать человеку после его смерти? Задается ли Зак вопросом, остается ли *она все еще* его? Или она нашла Тару? Эта мысль должна причинять боль.

В 12:01 я осторожно стучу в дверь его спальни.

Ответа нет.

Я открываю ее. Зак в той же позе, что и прошлым вечером.

— Зак?

Тишина.

Я не знаю, что делать. Кажется, Аарон доверяет мне. Почему? Это загадка. Сьюзи тоже доверяла мне, будто думала, что после ее смерти я, как по волшебству, буду интуитивно чувствовать Зака.

Я не чувствую.

Часть меня хочет собрать чемоданы, забрать Гарри и уйти. И ни разу не оглянуться назад. Заботит ли Зака, буду ли я сейчас убираться в доме? Возможно, нет.

Хочет ли он видеть меня здесь? Возможно, нет.

Нужна ли я ему? Не знаю. Я пытаюсь поставить себя на его место и представить, чего бы я хотела или в чем нуждалась. Но когда я это делаю, то представляю, как он хочет, чтобы все оставили его в покое и позволили ему решать, что будет дальше. Хочет ли он жить дальше или последовать за ней в следующую жизнь, оставив настоящую.

Размышляя об этом, сажусь в мягкое кресло в нескольких футах от кровати. Сквозь жалюзи пробивается ровно столько света, что я могу разглядеть лицо Зака. Подтянув колени к груди, я жду.

Примерно через час он открывает глаза. Так медленно и нерешительно, что на ум приходит дверь, которая со скрипом открывается против воли натянутых петель.

— Привет, — шепчу я.

После нескольких морганий он хрипло отвечает:

— Привет.

— Я должна поднять тебя с постели и накормить. Но я не против, если ты не поешь до ужина. Я просто... — Я сглатываю. — Я просто не могу позволить тебе...

Умереть?

Могу ли я сказать это? Нет.

— Я не могу позволить тебе отгородиться. Извини.

Болезненно скованными движениями он побуждает свое тело сесть. Его босые ноги свисают с края кровати.

— Мне надо отлить.

— Конечно. — Я встаю. — Оставлю тебя наедине.

Он наклоняется вперед, упираясь руками в колени, прежде чем встать.

— Было бы прекрасно. — В его голосе не слышно признаков жизни, но он поднялся с кровати. Это уже что-то. На данный момент я приму эту маленькую победу.

Закрыв за собой дверь спальни, направляюсь на кухню, где достаю из холодильника тарелку салата с макаронами, быстро нюхая его.

Столько еды...

Когда я выкладываю немного в тарелку, в нескольких футах позади меня появляется Зак.

— О, привет. Э-м... у меня тут салат из макарон. Ты будешь?

В его правой руке скомканная футболка. Посмотрев на меня несколько секунд пустым взглядом, он кивает и возится с футболкой, просовывая руки и голову в отверстия. Затем садится за стол. Когда я накладываю салат ему в тарелку, он смотрит на пустой стул рядом с собой, где всегда сидела Сьюзи.

Куда она больше никогда не сядет.

Мы едим молча. Зак уходит спать до следующего дня. В течение нескольких дней мы повторяем все ту же процедуру, только на следующий день это не салат из макарон. Это блюдо из курицы и риса.

Запеканка.

Лазанья.

Еда у нас не заканчивается.

Аарон и его мама пишат мне каждый день, справляясь о Заке. Я подтасовываю отчет, сообщая, что у него все хорошо. Он ест. Встает с постели. Вот только я не упоминаю, что с постели он встает лишь на час, а ест один раз в день.

С каждым днем Зак воздерживается от постели немного дольше. Он принимает душ. Его посещает семья. И я возвращаюсь к своему привычному режиму. Но мы не разговариваем. Зак ни с кем много не разговаривает. Он усовершенствовал крошечную фальшивую улыбку и легкий кивок, заставляющий всех думать, что он их слышит. И я уверена, он нас слышит, но знаю, что не слушает.

Зак с Сюзанной, — на пограничье этой жизни и следующей, — выясняет, где ему место, где он может обрести счастье. Я вижу это. Глаза не лгут. Они не могут, не то что фальшивая улыбка, не то что кивок или бормотание «Ммм-хм» время от времени. Это тоска по ней? Она съедает его сильнее всего? Или мысль о том, что он сделал? Меня сильнее всего съедает

последнее.

Глава 14
Зак

— О... — Эмерсин, вздрогнув, отворачивается от тостера. — Ты на работу?

Она смотрит на меня в униформе. Лицо побрито. Волосы уложены.

Я играю роль.

— Ага. — Я обхожу ее и тянусь к кофейнику, со сваренным ею кофе.

Эмерсин делала все.

Готовила.

Убирала.

Косила.

Стирала.

— Это хорошо. Полагаю. — Она прочищает горло и садится за стол.

Я прислоняюсь к стойке и, потягивая кофе, пожимаю плечами.

— Это работа.

— Это... — она прикусывает нижнюю губу, вероятно, взвешивая свои слова, — ... логичный выбор. Так как у тебя есть работа.

— Конечно.

Несколько секунд смотрю мимо нее в окно.

— Скорбящий муж отправлен в отставку. Концы обрублены. Неважно, насколько несправедливой я считаю жизнь, я не могу изменить свою реальность. Есть только я и время. Оно движется вперед без меня. А я... застрял посередине, задыхаясь. Такое чувство, что меня протащили целые мили. — Я закрываю глаза. — Все болит, но я еще жив. Все болит, но ее все равно нет.

Взгляд Эмерсин по-прежнему прикован к ее тосту, как к безопасной гавани.

— Я хожу в магазин за продуктами... потому что устал от того, что семья и друзья оставляют еду у моего порога. И...

Она рискует взглянуть на меня, прежде чем я продолжаю:

— ...на днях, где-то между бакалеей и секцией с замороженными продуктами, я осознал, что положил в свою тележку десять предметов, не думая о ней. — На короткую секунду закрываю глаза. — И я почувствовал себя ужасно. Я почувствовал себя родителем, по рассеянности потерявшим ребенка. Как я позволил себе отвлечься на такие пустяки, как томатный соус и арахисовое масло?

— Я не останусь с тобой, — выпаливает она так быстро, что мне требуется секунда, чтобы вникнуть в смысл ее слов.

Эмерсин морщит носик, когда подносит тост ко рту, откусывая от него крохотный кусочек. Ее глаза широко распахнуты.

Я не упустил из виду, как она пристально следила за мной, как напрягалась в моем присутствии. Она чего-то избегает?

— Ты помогала мне, — пытаюсь я облегчить ее осязаемое беспокойство. — Одним своим присутствием и отличным от моей семьи поведением... и тем, что смотрела на меня не так, как моя семья... мне это помогало. Спасибо.

Эмерсин несколько раз моргает, не зная, что сказать, прежде чем выдавить из себя отрывистое:

— Пожалуйста. — Она прочищает горло. — В смысле... мне это было лишь в удовольствие. Ну, удовольствие — не то слово... я просто хочу сказать, что это я должна благодарить тебя за то, что ты позволял мне оставаться здесь с тех пор, как Сьюзи...

Она склоняет голову и щиплет переносицу.

— Она умерла, — заканчиваю я и делаю глоток кофе. Кто знал, что два слова могут снова вывернуть меня наизнанку?

— Во сколько у тебя рейс? — Эмерсин удаётся вновь поднять на меня взгляд.

— В одиннадцать.

Она кивает.

— Куда летишь?

— Орландо. Даллас. Затем обратно в Атланту.

— Будешь дома к ужину? Э-м... — Она качает головой. — Прозвучало так...

— Нет, — говорю я.

— И я тоже. Собираюсь встретиться с... кое с кем. — Она отводит взгляд к окну.

— Свидание? Хорошо. — Я выливаю остатки кофе в раковину и ставлю кружку в посудомоечную машину.

— Свидание, — повторяет она за мной, будто разгадывая, что это такое.

— Наслаждайся свиданием. — Я направляюсь к двери в гараж.

— Безопасного полета.

— Спасибо.

Дверь за мной закрывается, и я останавливаюсь, делая глубокий вдох.

— Я иду, детка, — шепчу я, прежде чем мои ноги неохотно ступают к

машине. — Я... иду.

Весь следующий месяц я летаю всевозможными рейсами. В полете я чувствую себя ближе к Сюзанне. А дома я не чувствую ничего, кроме зияющей пустоты, потому что ее больше нет во всех местах, где я привык ее видеть.

В джунглях.

В нашей кровати.

В саду.

У гребаного туалетного столика в ванной, который теперь пуст.

Присутствие Эмерсин в доме кажется странным. Не так, как было при Сюзанне. Не так как с соседями по комнате, с которыми мне приходилось жить раньше. Видимся мы не

часто. Оба много работаем. Находясь дома, я бегаю и навещаю родителей. Эмерсин проводит свободное время за фотосъемками или обработкой фотографий у себя в комнате. Время от времени она забивается в угол дивана, словно не хочет занимать его целиком, и работает за ноутбуком. Сюзанне нравилось смотреть, как она корректирует изображения в Photoshop. Она говорила, что это успокаивающее воплощение удовлетворения.

Иногда мы пересекаемся на кухне. Если я остаюсь дома, то готовлю нам ужин, но Эмерсин быстро его проглатывает и тут же убегает в свою спальню с Гарри Паутером. Сегодня мне хочется, чтобы она осталась.

— Хочешь, откроем бутылку вина? — спрашиваю я, когда она встает, чтобы отнести свою тарелку в посудомоечную машину.

Она замирает с широко раскрытыми глазами, словно ей нужно убедиться, что я обращаюсь именно к ней.

— Что ты имеешь в виду?

Усмехнувшись, пожимаю плечами.

— Я имею в виду, не хочешь ли ты выпить вина? Со мной? Сегодня вечером? Но если у тебя свидание или что-то еще, то все нормально. Просто решил спросить.

— Л-ладно.

Она часто смотрела на меня как олень в свете фар. Думаю, она ходит вокруг меня на цыпочках, боясь, что я всего лишь сломленный человек, приютивший бродяжку.

Я убираю свою тарелку и беру бутылку вина и два бокала. Эмерсин снова плюхается за стол.

— Можем посидеть в гостиной.

— Л-ладно.

Ее опаска снова вызывает у меня смех. Приятно улыбаться, не прилагая особых усилий. С каждым днем я начинаю яснее замечать все то, что Сюзанна видела в Эмерсин. Она добрая и вежливая. И ее большие голубые глаза загораются при виде меня... так же, как когда-то при взгляде на Сюзанну. Возможно, это ее молодость. Я ловлю себя на мысли, что мне приятно смотреть на нее, когда она забивается в угол дивана (как сейчас), просматривает свои фотографии и социальные сети, иногда поглядывая на меня с крошечной ухмылкой. Сюзанна была права. Это успокаивает. Она успокаивает.

К тому времени, когда я наливаю два бокала и заглядываю в гостиную, Гарри Паутер уже лежит у ее ног в такой же скрюченной позе, что и хозяйка, не занимая больше одного из трех сидений дивана.

— Спасибо. — Она нервно улыбается мне, когда я передаю ей бокал и сажусь на противоположный конец дивана.

— Итак... — Возникает неловкость. Это не было таким неловким, когда Сюзанна была жива. — Как твоя работа?

Она пожимает плечами.

— Хорошо. — Отпив вина, она натянуто мне улыбается. — Как твоя работа?

— Хорошо. — Внутренне корю себя за повтор ее ответа. Я взрослый мужчина, который должен знать, как вести разговор, не ограничиваясь односложными ответами. — Она стала хорошим отвлечением. Я люблю летать. Всегда любил. И уже давно не работал так долго, как в последнее время.

— Побывал в каком-нибудь веселом месте?

— Два дня назад в Шанхае.

— Твой первый раз?

— Нет. — Я ухмыляюсь. — Ты путешествовала за границу?

— Конечно. В Мексику на весенние каникулы на втором курсе колледжа. — Ее мягкий смех наполняет комнату, будто вино уже оказало расслабляющее воздействие.

Этот звук. Это не Сюзанна, я знаю. Прекрасно понимаю, что Эмерсин не Сюзанна, но моя жена была очарована этой молодой женщиной. И... мне кажется, я тоже хочу что-то *почувствовать*.

Сможет ли она заставить меня улыбнуться?

Или рассмешить?

Или помочь сбежать от моей реальности, хотя бы ненадолго?

— В Мексике хорошо. — Я подношу бокал с вином к губам, чтобы скрыть ухмылку, ухмылку, которая, как я заставил себя поверить, не может быть настоящей. Когда Сюзанна умерла, я знал, что ничто из приятного никогда не станет реальным. И хотя не могу отделаться от мысли, что позже пожалею об этом, — что не смогу избавиться от вины за то, что украл для себя глоточек счастья, — на секунду или две я впускаю его. Позволяю улыбке осветить свое лицо, мгновенно чувствуя, как эндорфины немного притупляют боль.

Кривая ухмылка Эмерсин говорит о том, что в ее истории о поездке в Мексику есть нечто большее. Из-за нее я тоскую по тем годам, когда мне было чуть за двадцать, и я беззаботно летал по всему земному шару.

До Сюзанны.

До рака.

До смерти.

— Я мечтаю когда-нибудь отправиться в путешествие по миру со своей камерой. — Ее глаза светятся, как и все лицо. Это приятно. Тепло и ярко.

И снова я вижу немного больше той Эмерсин, которая привлекла Сюзанну.

Сделав еще глоток вина, она потирает губы и мычит.

— Забавно... многие считают, что, тратя столько времени на фотосъемку, упускаешь из виду более широкую картину — как будто смотришь на жизнь лишь через крошечную линзу. — Она пожимает плечами и взбалтывает вино. — Я думаю, это правда лишь наполовину. Но есть и другая правда. Жизнь движется так стремительно, что мы часто упускаем бесценные моменты, которые несут в себе массу эмоций. Крошечные мгновения, которые длятся не дольше вдоха, вроде солнца за несколько секунд до того, как оно исчезнет за облаками. Эти микромоменты заслуживают того, чтобы их запомнили и смаковали. Вот почему я люблю фотографировать все подряд. Я чувствую, что улавливаю гораздо больше, чем упускаю.

Гарри Паутер идет ко мне по дивану и растягивается у меня на коленях.

Глаза Эмерсин расширяются, челюсть отвисает.

— Гарри Паутер? Это что такое? Ты, предатель?

Я глажу его по спинке и улыбаюсь, будто выиграл какой-то конкурс.

— Если хочешь знать, мы много тусуемся, когда я здесь, а ты на работе. Только мы, парни.

Выражение ее лица смягчается, и она переводит взгляд с кота на меня.

— У меня нелепая степень в области изящных искусств, которой я, возможно, никогда не воспользуюсь. Нелепая сумма долга по студенческому кредиту. И это заставляет меня чувствовать себя...

— Нелепо?

Она ухмыляется и кивает.

— Ага.

— Тогда зачем получала эту степень?

Она пожимает плечами.

— Самооценка. Мама вечно жаловалась, что не может найти хорошо оплачиваемую работу, потому что у нее нет высшего образования. И я не была уверена во многом в своей жизни, но в одном никогда не сомневалась, — в решимости не быть похожей на нее. И так, вот она я... без денег и без дома. Мой план полетел ко всем чертям. Верно?

— Дерьмо случается.

Она фыркает и быстро отпивает вина, чтобы скрыть веселье. Спустя несколько секунд ее улыбка сникает, и она смотрит на свой бокал.

— Зак, помнишь, ты рассказал мне о своем походе в магазин после смерти Сьюзи? Что ты не думал о ней какое-то время и почувствовал себя ужасно? Ты задал вопрос: как позволил себе отвлечься на такую ерунду, как томатный соус и арахисовое масло? А я тебе не ответила. Я не знала, как ответить на такой вопрос.

Я медленно киваю.

— Ты все еще чувствуешь ту вину? — спрашивает она.

— Я... я не знаю.

Это правда. Я до сих пор не знаю, как ориентироваться в будущем, не цепляясь за прошлое и не забывая каждую мелочь, которая заставила меня полюбить ее. В ванной у меня есть целая банка этих напоминаний.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я здесь. И я пробыла здесь дольше, чем планировала остаться. Я не только в долгу перед тобой за твою щедрость... я в долгу перед Сьюзи за то, что она была моей подругой. И я знаю, она хотела бы, чтобы я удостоверилась, что с тобой все в порядке. Понимаешь? Убедилась, что ее смерть не подорвала тебя. То есть, я вижу, как ты ходишь на работу и готовишь еду. Просто надеюсь, что подумав об арахисовом масле и томатном соусе без мысли о ней, ты не будешь чувствовать себя ужасно.

Я выпускаю намек на смешок, несмотря на боль, все еще живущую в моей груди.

— Так вот она — лакмусовая бумажка моего психического здоровья? Мысли об арахисовом масле и томатном соусе без нее?

— Ну... — она пожимает одним плечом, — ... да, полагаю, что так.

— Это сложно. Чувство вины все еще не ушло, просто чуть потускнело. Я не знаю, что нормально. Что нормально и здраво? Сколько раз в день можно о ней думать? Можно ли смотреть ее фотографии? Не пора ли перебрать ее гардероб? И что оставить? А что отдать? Она... везде и нигде. Думает ли она обо мне? Видит ли меня? Слышит ли мои мысли? Чувствуете ли мою боль? Или она движется дальше? Воссоединилась со своей Тарой?

— Каково такое чувствовать?

Прищурившись, смотрю на нее.

— Чувствовать — что?

Она собирает кошачью шерсть с подушки дивана.

— Каково это — думать, что она тебя видит? Что она может слышать твои мысли или чувствовать твою боль? Это то, чего ты хочешь? Так ты чувствуешь себя менее одиноким? Это немного облегчает боль? Потому что мне это ненавистно. — Она морщит носик. — Не

обижайся. Я просто хочу сказать... мне бы не хотелось, чтобы все мои мысли, действия или чувства тщательно изучал тот, кого больше нет рядом, чтобы разделить их со мной. Я уверена, что в хорошие моменты ты, естественно, захочешь, чтобы она была здесь и увидела и пережила их вместе с тобой. Но что произойдет, когда ты оступишься? Мы все оступаемся. Все совершаем ошибки, и у нас есть мысли, о которых мы не хотим, чтобы кто-нибудь знал.

— Это... — Я готов ответить мгновенно, но в ту секунду, когда открываю рот, истина, скрывающаяся за ее словами, доходит до меня, и я подвергаю сомнению все. — Я не знаю. Ее голос до сих пор в моей голове.

— Что она говорит?

— Сделай это.

— Что? — Она хихикает и заправляет светлый локон за уши.

— Не знаю.

Но я знаю. Знаю.

Она ждет, что я изменю чью-то жизнь. словно, она не обретет настоящего упокоения, пока я этого не сделаю. Может, я не хочу, чтобы она замолкала. Готов ли я перестать слышать ее голос? Прошло всего два месяца.

Всего? Уже?

Я понятия не имею, какое место в этом уравнении занимает время. Слишком ли медленно я двигаюсь дальше? Слишком быстро? *Ужасно* ли с моей стороны думать об арахисовом масле и томатном соусе, а не о ней?

— Тебе следует позвонить Мишель и попросить ее помочь разобрать гардероб Сюзанны. Возможно, ей понадобится что-то из одежды. И ее семья, и твоя семья, вероятно, обрадовались бы, увидев, как ты делаешь этот шаг.

— Я не могу этого сделать.

— Ой, прости. Слишком рано? Я понимаю.

Я качаю головой.

— Если я попрошу Мишель, она все время будет плакать.

Эмерсин допивает остатки вина и со вздохом встает.

— Ну, тебе явно нужно *что-то сделать*. Если не хочешь, чтобы ее голос преследовал тебя всю оставшуюся жизнь, предлагаю разобраться с этим.

Мои губы кривятся, когда я думаю о ее словах.

— Спасибо за ужин и вино. Это было...

— Ты сделаешь это? — спрашиваю я.

Она постукивает пустым бокалом по подбородку.

— Что сделаю?

— Сложишь все ее вещи в коробки.

— Тебе следует отобрать их.

Я качаю головой.

— Я оставлю ее одеяло и ловца снов. Этого достаточно.

— Уверен?

— В твоих глазах я выгляжу жалким придурком?

Она смеется и, спотыкаясь, отступает на несколько шагов.

— Ты серьезно беспокоишься о том, что будешь выглядеть в моих глазах жалким придурком?

Я хмурюсь.

— Что же, вижу, ты уклонилась от ответа на вопрос.

Эмерсин наклоняется и прижимает пальцы к внутренней стороне моего запястья.

— Что ты делаешь?

— Проверяю пульс. Хорошие новости. Он у тебя есть, значит, ты самый сильный человек, которого я знаю, потому что ты потерял жену и продолжаешь жить. Это супергеройская сила, Зак. Ты можешь стать моим новым кумиром, — она ухмыляется и неторопливо идет на кухню. — Не удивляйся, если я немного влюблюсь в своего соседа-покомнатне-супергероя.

Это забавно. Мило. И... чертовски запутанно.

Глава 15
Зак

Через два дня очередной рейс завершен, и я отправляюсь домой на трехдневные выходные. По дороге покупаю тюльпаны цвета фуксии и несу их на могилу Сюзанны. Я скучаю по ней, но не по ее страданиям, и на этом я сосредотачиваюсь во время своего визита. Сегодня я благословляю ее быть с Тарой. Хочу, чтобы она была любима — всегда.

После слов «Увидимся позже, любовь моя» заезжаю за продуктами и отправляюсь домой к своей соседке по комнате и Гарри Паутеру.

— Привет? — зову я, скидывая ботинки и закрывая входную дверь. Справа от меня три ряда коробок с этикетками.

Свитера.

Обувь.

Платья.

Я не могу сдержать улыбку. Эмерсин разобрала для меня гардероб Сюзанны. На несколько секунд меня одолевает чувство вины. Может, я должен был заставить себя сделать это. Может, мне следовало пригласить помочь Мишель и вытерпеть ее слезы. Честно говоря, я не хотел, чтобы она заставила меня снова плакать. Это пройденный этап. Я научился чувствовать боль, не позволяя ей раздавить меня, но уверен, Мишель снова вытащит это из меня.

— Эмерсин?

Гарри Паутер с мяуканьем хромает из-за угла, оставляя на деревянном полу красные отпечатки лапок.

Кровь. Столько крови.

— Эмерсин!

Я проглатываю свой следующий вдох и сквозь страх устремляюсь на тошнотворной волне паники за угол кухни. Кровавые отпечатки лап ведут меня к противоположной стороне островка.

— Господи... — На долю секунды я замираю, не зная, что делать. — Эмерсин...

Опустившись рядом с ее окровавленным телом, тянусь за телефоном.

— Девять-один-один. Что у вас случилось?

— Мне нужна «скорая помощь» для молодой женщины. Она упала на открытые полки посудомоечной машины, и повсюду осколки стекла и кровь. У нее эпилепсия. Полагаю, у нее мог случиться приступ.

Эмерсин пытается пошевелить рукой, но в предплечье застрял толстый осколок стекла.

Она вся в крови — руки, лицо, шея.

— 3-Зак... — Эмерсин начинает плакать, ее дыхание прерывистое, будто несчастье произошло только что.

— Все будет хорошо. Постарайся не двигаться.

Подтвердив свой адрес, пытаюсь ответить на ряд вопросов оператора. Как бы я ни хотел ей помочь, я боюсь ее двигать, особенно со стеклом, торчащим так близко к сонной артерии. Знакомая беспомощность, которую я чувствовал с Сюзанной, возвращается, словно стофунтовой гирей, сдавливая мою грудь.

Я ни на что не способен, кроме как держать Гарри Паутера подальше, пока не придут медики.

— Это ваша жена?

Оторвав взгляд от толпы мужчин и женщин вокруг Эмерсин, я сосредотачиваюсь на женщине, задавшей мне этот вопрос.

— Нет, — шепчу я. — Моя жена умерла.

Ей не обязательно это знать. Не знаю, почему я это сказал.

Этот вопрос задают снова и снова.

Другие медики.

И когда мы добираемся до больницы, мне задают тот же самый вопрос несколько медсестер.

— У нее есть семья, с которой мы можем связаться?

Я качаю головой, пытаюсь разглядеть за второй допрашивающей меня медсестрой Эмерсин, которую везут к двум большим металлическим дверям. Холод сквозняка сменяет ее присутствие на несколько секунд, прежде чем двери закрываются.

Я чертовски ненавижу холод, горький запах антисептика, удушающую безжизненность больниц.

— У нее нет родственников или экстренных контактов? — снова спрашивают меня.

Еще одно медленное покачивание головой. Мой мозг едва работает в окутывающем его густом тумане.

— Она живет со мной. Она... друг. Полагаю, я ее экстренный контакт.

Когда медперсонал понимает, что от меня совершенно нет толку, я сажусь в приемном покое.

Четыре часа спустя мне разрешают увидеться с ней, потому что она меня позвала. Голос Сюзанны все еще шепчет мне на ухо, приказывая *сделать это*.

Сделать что? Я злюсь, потому что знаю, что она хочет, чтобы я сделал что-то грандиозное в своей жизни, но я, вроде как, озабочен тем, что ее бывшую лучшую подругу чуть не прикончила наша посуда. Для Эмерсин я сделаю все, что смогу.

— Эй... — разносится по палате голос Эмерсин, прежде чем я успеваю приблизиться к ней хоть на дюйм. Бинты на ней выглядят как неумелая попытка замотать ее в мумию — лоскутное одеяло, скрывающее трагедию.

— Привет.

— Посуду я заменю. Медсестра рассказала, что я упала на твою посудомойку, когда у меня случился приступ. Сейчас... все как в тумане. Приступ я не помню, но помню кое-что из произошедшего после.

Я волочу свои налитые свинцом ноги к ее кровати.

— Посуда меня не волнует.

— А как Гарри Паутер?

— Я вызвал брата. Он присматривает за ним.

Она медленно сглатывает, и ее усталые глаза затуманивают невыплаканные слезы.

— С ним все будет в порядке. — Я осторожно накрываю ладонью ее перебинтованную руку, будто могу сломать ее, если надавлю слишком сильно.

— Это не... — Она всхлипывает.

— Это не — что?

— Ничего. — Она судорожно дышит, пытаюсь прогнать эмоции.

Прежде чем успеваю что-то сказать, в палату входит медсестра, слишком веселая, как по мне, учитывая ситуацию. У Сюзанны всегда были слишком веселые медсестры.

— Привет, Эмерсин. Я возьму кровь, а потом отправим вас на МРТ.

— Нет, — выпаливает Эмерсин так быстро, что улыбка Веселой Медсестры сразу же исчезает. — Просто... это дорого. И мне она не нужна. Вы же знаете, что у меня эпилепсия. Что еще вы ожидаете найти?

Медсестра смотрит на меня, и Эмерсин тоже следует за ее взглядом.

— О, я могу выйти на несколько минут, — предлагаю я.

Медсестра снова переводит внимание на Эмерсин, ожидая, когда та скажет последнее слово относительно того, стоит мне остаться или уйти.

— Я пойду. — Я улыбаюсь своей искусственной улыбкой и киваю в сторону выхода. — Возьму что-нибудь выпить. Я ненадолго.

Эмерсин не смотрит на меня, и я не жду, пока она что-нибудь скажет.

Взяв в кафетерии спортивный напиток, возвращаюсь к палате Эмерсин, замедляясь, когда приближаюсь к столу, где Веселая Медсестра разговаривает с другой своей коллегой.

— У нее нет страховки. Она не была у врача шесть месяцев и хочет выписаться сегодня.

Другая медсестра хмурится.

— Гнилая система.

— Да, но ей нужно скорректировать лекарства.

— Но если она не может себе этого позволить...

— Попрошу проверить, имеет ли она право на какую-либо помощь.

Они смотрят в мою сторону, когда я прохожу мимо стола. Я опускаю голову, будто не подслушивал. Затем останавливаюсь, потому что... Сюзанна сегодня никак не замолчит.

Сделай это.

Глава 16 Эмерсон

Как там эта поговорка: захотел от козла молока? На данный момент это я. Я и не представляла себе, что моя жизнь пойдет под откос. Да и кто такое представляет? Сознательно я старалась делать что-то лучше, чем моя мать. Быть лучше. Принимать лучшие решения. И даже сейчас я не уверена, что же я сделала не так. Жизнь с целью не перевесит чистую удачу или ее отсутствие.

— Слышал, сегодня вечером тебя выписывают, — говорит Зак, неторопливо заходя в палату со сдержанной улыбкой и красным спортивным напитком в руке.

— Я в порядке. И думаю, их это тоже устраивает, учитывая отсутствие у меня страховки, оплачивающей завышенные сборы и ненужные анализы. И позволь сказать... как рецидивист эпилептических припадков, я знаю, насколько преступны больничные цены. Семьдесят пять долларов за теплое одеяло. Без шуток. Со страховкой или без, люди должны быть расстроены и возмущены таким положением дел.

Зак переваривает мои слова, слегка сузив глаза и сжав губы.

— Ты меня беспокоишь.

— Потому что я похожа на сторонника теории заговора?

— Нет, — он усмехается. — Я разговаривал с медсестрой. Она сказала, что тебе нельзя садиться за руль в течение шести месяцев после припадка. Ты думала об этом?

Мой взгляд устремляется к окну.

— Мне просто нужно другое лекарство, или дозировка, или еще что-то.

— Тогда позволь врачу решить, что тебе нужно.

— Деньги. — Я смеюсь над его дорогостоящей идеей. Медики полдня провели, удаляя стекло из моего тела. Могу только представить, каков будет счет.

— Я заплачу, — говорит он.

— Нет. Это не твоя проблема. Речь не о долге в пятьдесят долларов. Есть причина, по которой людям нужна страховка, потому что без нее нельзя позволить себе болеть. Но... глупая я. Повезло же мне быть *банутым эпилептиком.

Зак качает головой, быстро подавляя веселье.

— Извини. Я не смеюсь над твоей ситуацией. Просто... — он прижимает ладонь к губам, — ...я никогда не слышал, чтобы ты так ругалась.

— Черт, *Закари*... как же я рада, что смогла развлечь тебя сегодня.

— Слушай... — Он откашливается. — Так больше продолжаться не может. Нам нужно придумать что-нибудь для тебя.

— Нам? С твоей стороны мило приютить меня в своем доме, как бродяжку, но мое здоровье и финансовые проблемы — не твое бремя.

— Я понимаю. Тем не менее... *мы* можем обсудить вопрос, не чувствуя бремени... я его точно не чувствую.

— Лжец. — Я сужаю глаза, и он закатывает глаза.

Позже... мы убираемся отсюда к чертовой матери.

Желание Зака обсудить мою ситуацию, кажется, угасает еще до того, как мы возвращаемся домой. Он тихий, рассеянный, а не властный парень из больницы. Реальность всплыла на поверхность? Ему надоело заботиться о женщинах, нуждающихся в постоянном уходе?

Я отказываюсь быть его обузой. Лучше вернусь в свою машину, но не позволю этому случиться. Сюзи хотела, чтобы я убедилась, что он живет дальше. Едва ли я помогаю ему в этом.

— Гарри Паутер. — Я морщусь при виде его высунувшейся из-за угла головы в специальном защитном конусе, на две его лапки наложены повязки, что делает нас близнецами.

Сразу за ним появляется Аарон, единственный невысокого роста светловолосый мужчина среди темноволосого и кареглазого семейства Хейсов.

— Ветеринар сказал менять повязки ежедневно. Мазь на кухонном столе. И он должен носить конус до тех пор, пока отказывается оставить бинты в покое. — Аарон засовывает руки в задние карманы.

— Спасибо. Сколько я тебе должна? — спрашиваю я.

— Нисколько. Я заплачу, — отпускает Зак свои первые три слова после выхода из больницы. Он подводит меня к дивану и помогает усадить на него мою задницу.

— Аарон, сколько я тебе должна? — повторяю я.

Округлившиеся глаза Аарона бегают туда-сюда, сигнализируя о его незаинтересованности в том, чтобы ввязываться в нашу небольшую финансовую перепалку с Заком.

— Ну, поправляйся.

— Предатель, — ворчу я.

Аарон усмехается и хлопает Зака по плечу.

— Ты хороший человек. Дай знать, если тебе понадобится что-нибудь еще.

Хороший человек. Да, Зак хороший человек. Возможно, это преуменьшение.

— Ты тоже. Спасибо. — Зак слабо улыбается брату, когда тот проходит мимо него.

Шаги Аарона стихают за закрывшейся входной дверью, оставляя нас в тишине. Я пытаюсь встать.

— Что ты делаешь? — Зак шагает ко мне, поддерживая за руку.

— Иду в спальню.

— О. — Он помогает мне подняться. — Хорошая идея. Тебе следует отдыхать.

— Ага, — отвечаю я с протяжным вздохом.

Уютно устроившись в постели с Гарри Голова-в-Конусе Паутером, закрываю глаза — все, что угодно, лишь бы защитить свою нечистую совесть от токсичного стресса, отражающегося на лице Зака.

Боль. Явная тревога.

Все из-за меня. И я чувствую себя ужасно.

Заслышав его приближающиеся шаги, я произношу то, что должна сказать. Мне невозможно удержать это внутри.

— Я уезжаю.

Тишина.

Больше тишины.

Моргнув, открываю глаза, не уверенная, что он меня услышал.

Он стоит в дверях спиной ко мне, не двигаясь, голова опущена.

— Почему?

— Зак, посмотри на меня. Я — ходячая катастрофа. И хотя у меня самые лучшие намерения выкарабкаться из этой ямы, такое не случится в одночасье. И теперь я втягиваю тебя в свои проблемы. Я этого не хотела и не хочу. Я вообще не должна была оставаться здесь.

Он медленно поворачивается.

— Куда ты пойдешь?

— Не беспокойся об этом.

— Это твой код: «нихера не знаю».

Вау!

Я не единственная, кто сегодня матерится. Почему он злится? Он должен испытывать облегчение.

— Это код: «ты потерял жену, и я — не твоя проблема». Это код: «я уже имела с этим дело и что-нибудь придумаю». Это код: «ты сорвался с крючка». Улыбнись. Боже! Пожалуйста, улыбнись, потому что мне невыносимо выражение твоего лица с момента, как мы вышли из больницы. Обреченность и уныние. Паника. Сейчас они так осязаемы.

Зак качает головой из стороны в сторону.

— Это не то, что ты думаешь.

— Бред сивой кобылы! Ты приютил меня, потому что знал, что Сьюзи не оставит тебе другого выбора. И это выражение... вот сейчас... — я киваю в его сторону... — это выражение говорит само за себя. Оно говорит, что ты находишься в затруднительном положении и не можешь понять, как убрать ходячую катастрофу из своего дома... из своей жизни... чтобы действительно начать жить дальше и выяснить, что тебя ждет в будущем.

Зак упирается руками в дверной косяк, его красивое лицо искажается. Он не мой. Я не должна испытывать к нему никакого влечения. Я должна присматривать за ним. Bravo. Я потрясающе ужасно справилась со своей задачей. Сьюзи подружилась не с тем человеком. Я понятия не имею, что делаю.

Я сломлена — физически и эмоционально.

— К твоему сведению, на моем лице выражение беспокойства. Я пытаюсь понять, как предложить то — спросить тебя — без того, чтобы ты не взбесилась и не слетела с катушек в одном из своих припадков эгоизма о том, что тебе ничего и никто не нужен.

— Я не слетаю с катушек. — Слетаю. Я слишком упряма, но *из-за* этого самого упрямства никогда не признаюсь в этом ни ему, ни кому-либо еще. — Просто спроси, что хочешь, или предложи, или... что там еще.

— Перед этим я должен кое-что сказать.

С помощью менее травмированной руки я чуть приподнимаюсь, чтобы опереться на

изголовье кровати.

— Слушаю.

— Хорошо. Но, пожалуйста, не перебивай меня, потому что то, что я сейчас скажу, поначалу прозвучит немного жестко.

Я с трудом сглатываю и готовлюсь к его жестким словам.

— Не знаю, — начинает он, — найду ли я когда-нибудь любовь снова, и я не против того, чтобы Сюзанна осталась последней женщиной, которую я люблю. Так что то, что я собираюсь сказать, — не имеет отношения к любви. Речь о благодарности и попытке отплатить тебе за все, что ты сделала для Сюзанны... и для меня.

Мои глаза сужаются.

— Зак... ты платил мне...

— Я не говорю об уборке дома. — Он качает головой с полдюжины раз. — Она нуждалась в друге, настоящем друге. Друге, которым я не мог быть, потому что был слишком занят, душа ее своей любовью. Ты дала ей такую любовь, в которой она нуждалась. Бескорыстную.

Он немного горбится, устремляя взгляд в пол.

— И ты была... ты *тоже* мой друг. Ты была... — он снова поднимает взгляд, — ...всем, о чем мы даже не догадывались, что нам нужно.

Это нелепо. Я живу в его доме, а он благодарит *меня*?

— Перед смертью Сюзанна попросила меня кое о чем. Она хотела, чтобы я изменил чью-то жизнь. И я слышал в голове ее голос, говорящий мне сделать это. Так что, вот. Я хочу сделать это для тебя и хочу сделать это для нее. Я *знаю*, это сделало бы ее счастливой. И даже после смерти ее счастье имеет для меня значение. Я думаю, покой — это то, что мы обретаем после смерти. Счастье — это то, как мы познаем любовь при жизни. Она обрела покой. Мне же нужно искать счастье.

Я понятия не имею, к чему он ведет. Но, думаю, было бы идеально умереть прямо сейчас, после слов Зака. Покинуть этот дом будет нелегко, потому что он испытывает такого рода счастье, к которому я не стремилась. Но которое только что нашло меня.

— Я могу кое-что сделать для тебя. Я *хочу* это сделать для тебя. И я знаю, когда-нибудь тебе за все воздастся, и от этого я буду еще более счастлив.

— О чем ты?

Он делает глубокий вдох и выдыхает, отпуска дверной косяк.

— Я хочу жениться на тебе.

Скрежет иглы по пластинке. Визг тормозов. Стук упавшего на пол микрофона.

Он не оставляет слова долго витать в воздухе необъяснимыми, но эти секунды мне кажутся вечностью, потому что мысли в моей голове проносятся со скоростью света. И к тому времени, как он продолжает, миллион мыслей и эмоций уже рисуют в сознании картину:

— Временно. Никто не должен знать. Так будет до тех пор, пока ты не найдешь работу со страховкой или кого-то еще, за кого захочешь выйти по любви. У меня очень хорошая медицинская страховка, которая будет и твоей. И ты хочешь путешествовать. Что ж... я могу достать тебе невероятно дешевые билеты. Ты сможешь посетить каждое чудо света и фотографировать, сколько душе угодно.

После как минимум сотни безответных вдохов я шепчу:

— Фиктивный брак.

— Законный брак, — поправляет он меня.

— Сьюз...

— Она умерла, — обрывает он. — Но она хотела бы этого для тебя.

Я слишком потрясена, чтобы успокоить его ожидаемым припадком эгоизма. Говорила ли Сьюзи ему то, что и мне? Рассказала ли о взглядах, которые, по ее мнению, мы бросали друг на друга, хотя я не помню ни одного взгляда ни от одного из нас? Но предыдущие слова Зака говорили сами за себя: «то, что я собираюсь сказать, — не имеет отношения к любви».

— Тебе не нужно отвечать сейчас. Просто подумай об этом.

Отвечать? Я едва могу дышать и даже моргать, но умудряюсь кивнуть.

— Хорошо. Засыпай. Я проведу тебя перед сном. К тому времени ты можешь проголодаться.

Зак закрывает за собой дверь.

Раньше я завидовала Сьюзи, даже, несмотря на неизлечимый рак. Она вышла замуж за самого внимательного мужчину в мире. Любящего и щедрого во всем. И когда я ночевала в машине на парковке «Уолмарта», то мечтала о том, каково это быть замужем за Закари Хейсом или его клоном. В моих мечтах этот клон возвращался с работы домой с букетом цветов, ослаблял галстук и улыбался мне, как обычно Зак приветствовал Сьюзи.

Это были просто мечты — невинные, нереальные мечты. Я в жизни не могла себе представить, что стану *его* женой, а теперь это предложение передо мной. Но он не придет домой с цветами в руках и не посмотрит на меня, как на самое яркое созвездие на его небосклоне. Он вернется домой и будет относиться ко мне как к своей соседке по комнате. Будет интересоваться, как продвигаются мои поиски работы со страховкой. И не встретила ли я хорошего мужчину, за которого можно выйти замуж, чтобы он мог отпустить меня и чувствовать себя довольным своими добрыми делами.

А я? Я же каждый день буду проводить в мыслях, что вышла замуж за мужчину своей мечты, хотя моя жизнь будет походить на самый страшный кошмар.

Глава 17 Эмерсон

Я не хвастаюсь, но в течение следующих нескольких дней я с успехом игнорирую десятитонного слона в комнате, держащего в хоботе невидимое кольцо с бриллиантом. Невидимое, конечно, потому что слон невидим и предложение не настоящее, но брак был бы... *законным*.

В следующем месяце мне исполнится двадцать четыре. Свадьба была в моем десятилетнем плане. Дети — в пятнадцатилетнем. Фиктивные браки в моей жизни стоят на том же месте, что и анальный секс. Но надо отдать Заку должное — он довольно хорошо все смазал. Удостоверился, что я понимаю, что ни о какой любви речи идти не будет. Никто об этом не узнает. И брак продлится только до тех пор, пока я не найду работу с медицинской страховкой *или* другого мужа. Настоящего... надеюсь, еще и со страховкой.

— Я завтра работаю. Хочешь, узнаю, смогут ли моя мама или Аарон остаться с тобой? — спрашивает Зак, присаживаясь передо мной на корточки и меняя мне повязки на руках, шее и лице.

Швы снимут через несколько дней. Следующие на очереди — лапки Гарри Паутера. Бедняге надоел дурацкий конус.

— Да. Думаю, тебе следует найти няньку *для горничной*.

Он останавливается и смотрит на меня.

— Это сарказм?

— Когда ты понял, что хочешь стать пилотом? И, нет, нянька мне не нужна. — Шуточки и отвлечения на всевозможные темы стали нашим официальным языком.

Зак удерживает мой взгляд, и по моей шее змеится тепло, оседая на щеках. Эти карие глаза... кажется, в них всегда таится некий секрет. Даже если сознательно я по нему не сохну, трудно не испытывать чувств, помимо дружбы, к тому, кто сделал тебе предложение.

— Я попрошу кого-нибудь провести тебя. И я понял, что хочу стать пилотом, когда мой дедушка купил мне радиоуправляемый самолет. Мне было десять. Когда ты поняла, что хочешь быть фотографом?

Я смеюсь над простотой его вопроса.

— Я влюбилась в фотографию, когда с ней меня познакомил единственный приличный парень, с которым встречалась моя мать. Иногда я задаюсь вопросом: не являются ли все фотографии, что я делаю, всего лишь кусочками головоломки, которые, соединившись, приведут меня к моей судьбе. Кстати... я нашла возможную временную работу у свадебного фотографа. Теперь думаю над этим. Льгот нет. Но такой опыт может привести к чему-то

большому. И занята я буду только по выходным, так что мои клиенты по-прежнему останутся при мне.

— Работа с другим фотографом звучит как хорошая возможность. — Сосредоточившись на своих руках, он накладывает на мое запястье последнюю новую повязку. — Кстати, о свадьбах...

Я высвобождаю руку из его хватки, отчего его взгляд поднимается вверх и встречается со мной.

— Свадьба? Нет. Скорее похоже на брак из жалости.

— Называй, как хочешь. Это не меняет того факта, что он тебе очень поможет. — Зак чешет затылок, взъерошивая слегка отросшие волосы.

Моему сердцу трудно принять эту идею, возможно, потому, что оно не должно иметь здесь права голоса. Мой разум должен забыть о мечтах о грандиозной свадьбе с цветами всех оттенков розового. Трёхъярусном торте с разными вкусами. Живой музыке. Толпе родных и друзей. Конечно, родня будет не моей... да и большинство друзей, если уж на то пошло.

Зак предлагает юридический контракт с минимум условий: медицинская страховка и значительный бонус в виде дешевых авиабилетов. Брак. Не свадьбу.

Когда, кроме хмурого взгляда, я больше ничего не вношу в наш разговор, Зак встает и собирает аптечку. Прежде чем он преодолеет три фута в направлении ванной, в моей голове вспыхивают новые вопросы — будто я на полном серьезе обдумываю его предложение без кольца и без любви.

— Значит... я бы осталась жить здесь?

Он поворачивается.

— Только если сама этого захочешь. Я бы предпочел, чтобы ты не жила в своей машине.

— И я бы ходила на свидания? То есть... будучи замужем за тобой, я бы встречалась с другими мужчинами?

Он награждает меня озадаченной улыбкой. Эта улыбка мне не нравится, и под «не нравится» я имею в виду, что люблю ее, но для меня нехорошо любить что-либо в Заке, поскольку любовь не является частью предложения.

— Да, Эмерсин, ты можешь встречаться. Все будет так, будто мы не женаты, за исключением случаев, когда тебе понадобится страховка.

— А при необходимости полететь куда-нибудь, я получу дешевые билеты.

Озадаченная улыбка расплывается еще шире. Плевать, что я могу быть предметом жалости или шутки, однако не против быть источником его веселья.

— Если у тебя будет гибкий график, да, ты получишь дешевые билеты.

— А ты?

— Что — я?

Не спрашивай. Не спрашивай!

Игнорируя здравый совет своего здравого рассудка, я все равно задаю вопрос:

— Тоже будешь ходить на свидания. Да?

Веселье исчезает с его красивого лица.

— Недавно я потерял жену. У меня нет желания ходить на свидания. У меня есть медицинская страховка. У меня есть средства для путешествий, если я того пожелаю. Это не для меня, Эмерсин. Это для тебя.

Ой.

Вирус «молодость и глупость» снова наносит удар. Когда я начну усерднее смотреть на

вещи его глазами? Конечно, у него нет желания ходить на свидания. Конечно, это все для меня. Конечно, мое упрямое несогласие действует на оставшиеся у него нервы. Я вижу в своем будущем бесконечные возможности, а он не может перестать смотреть в прошлое, словно в последний раз видит солнце.

Зак снова поворачивается, чтобы вернуть аптечку в ванную. Я разглядываю свои руки и чувствую скованность в шее от заживающих порезов. Такова моя жизнь на данный момент. Без сомнения, я продолжу творить великие дела, но прямо сейчас... я выживаю.

Бросив свою гордость на пол и раздавив ее ногой, я выхожу из кухни.

— Да. Я выйду за тебя замуж, — выпаливаю я, когда он появляется из ванной.

Зак смотрит на меня так, будто я закончила свое заявление запятой, а не точкой. Он ждет *но*.

Никаких *но*.

Я выйду за него замуж.

Вытащу себя из долговой ямы.

Найду работу.

Может быть, даже нового мужа, который будет меня любить.

Сжав губы, чтобы он понял, что продолжения не будет, я сцепляю пальцы перед собой.

— Хорошо. На следующей неделе мы подадим заявление на получение разрешения на брак и сможем пожениться в тот же день.

Боже мой. Боже мой. БОЖЕ МОЙ!

Мой учащенный пульс отдается в ушах оглушительным свистом. Надеюсь, он

закончил говорить, потому что сейчас я плохо слышу.

Это происходит. На следующей неделе я выхожу замуж.

Зак дает мне пятнадцать минут, потому что в четыре у него прием у стоматолога, так что нам уже пора выходить.

Пятнадцать минут на подготовку к свадьбе? К браку? К бракосочетанию? Без понятия, как это назвать, и совершенно не без понятия, что мне надеть. Я сменила уже пять нарядов.

— Эмерсин, пошли!

— Дерьмо... — бормочу я, корчась от вызывающей зуд ткани.

Менее чем за десять секунд я переодеваюсь из колючего платья в юбку до колен и розовый свитер с рукавами три четверти. Нечестно просить кого-то вроде меня — человека с такой страстью к одежде — просто надеть что-нибудь на собственную свадьбу.

— Эмерсин...

— Иду!

Мы на пороге нашей первой ссоры, а мы еще даже не женаты. Я запихиваю кое-что из косметики и расческу в сумочку и с балетками в руке бегу к черному ходу.

Брови Зака дотягиваются до линии роста волос.

— Что? — Я осматриваю свой наряд.

— Ничего.

Я окидываю взглядом его джинсы и футболку с кармашком на груди. Одежда простая, но не полинявшая и не мятая, возможно, от J.Crew.

— Считаешь, я слишком принарядилась? Я постоянно ношу юбки. Не смотри на это так, словно я считаю сегодняшний день особенным. Я просто надела первую попавшуюся вещь,

которую не нужно было гладить.

Он не настоящий муж. Я не клянусь быть честной. Хотя не думаю, что в свадебных клятвах есть что-то про честность. А ложь иногда необходима.

Намек на улыбку касается его губ.

— Ты хорошо выглядишь.

После короткой паузы, чтобы оценить его искренность, я бормочу:

— Спасибо.

— Пожалуйста. Пойдем.

По дороге в здание суда я игнорирую его косые взгляды, пока наношу немного макияжа. Опять же, я крашусь и в те дни, когда не выхожу замуж. Ничего особенного.

Это охренеть как особенно!

Чего я не игнорирую, так это то, что Зак подпевает звучащей по радио песне Imagine Dragons «Next to Me». Сюзанна не лгала; у него отличный голос. Я мурлычу мелодию, потому что не знаю всех слов. Краем глаза замечаю его улыбку, но петь он не перестает. Слова поэтичны и странно пронзительны для моей жизни. Находиться рядом с человеком, несмотря на хаос его жизни, верить в него, даже когда он в самом худшем состоянии, любить его беззаветно. Зак меня не любит, но сейчас он, несомненно, святой в моей жизни.

Для разрешения на брак требуются удостоверения личности, а в случае Зака — свидетельство о смерти супруги. Не знаю, чувствует ли Зак мою вину и раскаяние, когда ему приходится показывать документ, доказывающий, что его предыдущая жена умерла, но мое тело превращается в камень, а дыхание замирает. Даже сердцебиение замедляется, чтобы быть как можно незаметнее.

С разрешением на руках мы сразу же направляемся в кабинет судьи, имея в запасе несколько минут до назначенного времени встречи.

— Он огласит традиционные клятвы. Обмен кольцами не обязателен, поэтому их у нас нет.

Я киваю полдюжины раз и, по крайней мере, столько же раз с трудом сглатываю. Мои нервы на пределе, когда я упираюсь взглядом в его палец без кольца на левой руке. Утром оно было на месте.

— Все в порядке? — выводит меня Зак из стремительно мчащихся мыслей.

— Хм... поцелуй. Он попросит нас поцеловаться?

Зак пожимает плечами, будто не уверен, и это не важно. Но это *важно*.

— Думаю, это просто разрешение, — говорит он. — Не требование. Вроде, *можете* поцеловать невесту. Это не значит, что мы должны целоваться.

— Хорошо. Но не будет ли выглядеть подозрительно, если мы не поцелуемся? — Мой голос не перестает дрожать.

— Если тебя это беспокоит, то мы просто поцелуемся.

Мы просто поцелуемся? Серьезно? Он в порядке с тем, чтобы меня поцеловать. В порядке с тем, чтобы меня не поцеловать. Я же в полном беспорядке и какая угодно, только *не в порядке*.

— Хорошо, — пишу я единственное слово.

— Хорошо — поцелуй? Или ничего, если мы этого не сделаем?

Прежде чем я успеваю ответить, дверь открывается, и нас приглашают в кабинет судьи.

Я сейчас блевану.

Не блюй!

Судья — *не он, а она* — приветствует нас с теплой улыбкой. Полагаю, хмурый взгляд она приберегает на те дни, когда приговаривает людей к тюремному заключению — например, тех, кто мухлюет со страховкой посредством фиктивного брака. Зак остается хладнокровным. Это его дар. Перевозить по небу сотни пассажиров и безопасно доставлять их к месту назначения — это у него получается лучше всего. По сравнению с этим фиктивный брак должен показаться ерундой.

Я с успехом выдавливаю из себя нервную улыбку и периодически киваю. После небольшого обмена любезностями, который берет на себя Зак, мы переходим к делу. Никакого кофе или наставлений в последнюю минуту. Не-а. Она оглашает клятвы до того, как я понимаю, что это происходит.

Это. Происходит!

— Берешь ли ты, Закари, Эмерсин в законные жены, чтобы любить и почитать ее с этого дня и впредь...

Я слышу слова *оставаться верным, любить, почитать, лелеять до конца ваших дней*. Мои легкие жаждут кислорода, но я не могу насытиться им.

Дыши... дыши... дыши...

Затем, словно читая мои мысли, Зак говорит: «Да», и наклоняется к моему уху, чтобы прошептать: «Дыши, Эмерсин».

Его слова и теплое дыхание оставляют следы на моей коже.

— А ты, Эмерсин... — тараторит судья, будто у нее сегодня еще куча дел. Может, у нее тоже назначен прием у стоматолога.

Может, мне тоже стоило запланировать что-нибудь на сегодня, например, маникюр или визит к психиатру. Мне бы не помешала терапия.

Повисает самая длинная пауза после того, как судья завершает задавать мне вопрос.

— ...до конца ваших дней?

В такие моменты я испытываю благодарность за опыт общения с Брейди. Я согласилась на анальный секс в обмен на душ. Является ли мошенничество слишком большим риском ради медицинской страховки и дешевых авиабилетов? Думаю, нет.

— Да, — отвечаю я.

— Объявляю вас мужем и женой.

Я так занята гордостью собой за то, что примирилась с ситуацией и ответила до того, как все стало выглядеть слишком подозрительным, что совершенно забываю последнее, хотя и необязательное, действие.

— Можете поцеловать невесту.

Вот дерьмо...

Мы так и не приняли решения по этому поводу. Зак спросил. Я начала отвечать. Потом нас позвала судья. А теперь... мы должны решить. Я бросаю быстрый взгляд на судью. Она выглядит вполне довольной и счастливой за нас. Даже будучи мошенниками, мы, должно быть, выглядим очаровательной парой. Отказ от поцелуя станет опасным знаком. Я чувствую это.

Сделав крошечный шаг вперед, смотрю на Зака, сжимаю и разжимаю покрытые блеском губы, и сглатываю, чтобы сдержать страх. Он читает мое молчаливое согласие и наклоняет голову, пока его губы почти не касаются моих. Наступает секундное колебание, даже если судья его не видит. Я думаю, а может, *надеюсь*, что эту секунду он использует на получение разрешения от Съюзи или, возможно, чтобы просто напомнить себе, что это всего лишь игра,

способ для чего-то большего. Гуманитарная акция, если хотите.

Поцелуй короткий и нежный, но достаточно продолжительный, чтобы прокрутить все в своей голове, и не забыть, что мы делаем. Моя ладонь ложится ему на грудь, чтобы удержать равновесие, но он заканчивает поцелуй и хватает мою руку, прижимая ее к себе и нежно, платонически сжимая.

В переводе: мы — друзья. *Я забочусь о тебе как о друге. Вот твоя медицинская страховка, но тебе не нужно знать очертания моей груди.*

Мы получаем свидетельство о браке и уходим, прежде чем кто-нибудь успеет пристать к нам с расспросами.

— До приема у меня есть время подвезти тебя домой, — говорит Зак, доставая из кармана свое обручальное кольцо и снова надевая его на палец.

Я игнорирую крохотное напоминание о том, что он не мой, и вместо этого сосредотачиваюсь на том, что он проводит наш медовый месяц со стоматологом-гигиенистом. Я немного завидую тому, что она целых сорок пять минут так близко пробудет один на один со ртом моего мужа. Господи... надеюсь, Сьюзи может читать только его мысли, а не мои. Как мне сказать моей лучшей подруге (или, скорее, признаться, поскольку она узнала об этом раньше меня), что я безумно влюблена в ее мужа? О... и он больше не ее муж. Он мой.

Я схожу с ума! Я не безумно влюблена в Зака. Я увлечена образом Зака. Идеальным мужчиной. А голос Сьюзи не покидает мой разум, выдвигая нелепые обвинения в том, что мы с Заком на каком-то подсознательном уровне обмениваемся взглядами, которые подразумевают нечто большее, чем дружбу. Она была больна... и, следовательно, бредила. Ведь так?

— Хорошо. Или я возьму такси. — Я пожимаю плечами.

— Нет. Я отвезу.

Он открывает мне дверцу. Я старательно не думаю о том, *какой мой муж джентльмен*, но ничего не могу поделать. Каким бы неправильным это ни казалось, — будто я украла что-то бесценное у своей лучшей подруги, — в то же время, быть замужем за Заком немного удивительно. А теперь стоит повторить — мне бы не помешала терапия.

Глава 18 Эмерсон

Женитьба ничуть не изменила Зака, не то чтобы я этого ожидала. Уверена, единственный способ, которым он может все исправить в своей голове, так быстро после смерти Сьюзи, — это думать о браке, как о пожертвовании на благотворительность.

Я — благотворительность.

— Привет, — здоровается он, возвращаясь домой после четырех ночей отсутствия.

Я поднимаю взгляд от экрана ноутбука, стоящего на подлокотнике дивана, а Гарри Паутер, тем временем, нежится у меня на коленях.

— Привет. — Мне трудно контролировать свою улыбку.

— Ужинала?

— Ага. Пиццей. В холодильнике остатки.

— Звучит превосходно. — Он перебирает стопку почты на полке. — Посмотри-ка.

Зак разрывает конверт и достает карточку, показывая ее мне.

Я шурюсь.

— На что я смотрю?

— На свою карту медицинского страхования. Давай запишем тебя к врачу. Получишь свои лекарства. И снова встанешь на путь к нормальной жизни.

— Машина. Я снова сяду за руль. Моя зарплата за первый час уборки каждый день идет прямым ходом в карман водителя Uber.

— Шесть месяцев — это шесть месяцев... ну, теперь пять. Врач не может это ускорить, но будем надеяться, что наблюдение за тобой предотвратит рецидив. Разве тебя это не устраивает?

Он подмигивает мне с ухмылкой на лице, затем поворачивается и неторопливо направляется в спальню, чтобы переодеться.

Через несколько минут Зак берет остатки пиццы и пиво и возвращается в гостиную.

— С днем рождения. — Он вручает мне подарок, завернутый в белую бумагу и перевязанный розовой лентой.

Я пытаюсь прикусить губу, чтобы не ухмыляться, как дура. Слишком поздно.

— Как ты узнал, что у меня день рождения?

— Удостоверение личности в суде.

Он садится на противоположный конец дивана. Лишь одна его близость делает мой день намного лучше. И одна только мысль об этом усиливает мою вину во сто крат.

Я аккуратно разворачиваю подарок и снимаю крышку.

— Для всех твоих путешествий, — говорит он, и его губы расходятся в гордой улыбке.

Это сумка для ручной клади с большим количеством отделений для множества деталей камеры, чем у меня имеется — пока.

— Идеально. Мне нравится. Но ты не должен был. Ты и так слишком много сделал.

Прежде чем понимаю, что делаю, наклоняюсь через диван и обнимаю его, он разводит руки в сторону — в одной тарелка с пиццей, в другой — пиво.

— Уф... не за что.

Вернувшись на свое место, включаю ноутбук и наклоняю экран.

— Раньше я показывала их Сьюзи, а она закатывала глаза и говорила мне удалить их.

Зак садится прямо, чуть наклоняется вперед, и, прищурившись, рассматривает коллаж из полдюжины случайных снимков Сьюзи.

Она в кресле, с мечтательным выражением смотрит в окно.

Она в саду, сидит на садовой тележке, нюхает пучок базилика, а концы ее платка развеваются на ветру.

Она заплетает мне косу, — Сьюзи назвала меня одержимой, когда я подняла камеру над головой, чтобы снять это.

— Вон та. — Зак указывает на одно фото с ней... и с ним. — Можешь увеличить?

Я забыла, что это фото в коллаже, пока не повернула экран, чтобы показать ему. Быстрым двойным щелчком увеличиваю снимок, и он занимает весь экран. На фото Зак несет ее в спальню, свет приглушен, так что их фигуры — это почти силуэт. Я сделала фото за два дня до того, как Зак позвонил в хоспис.

— Прости, — шепчу я. — Оглядываясь назад, кажется, что я не должна была вас снимать. Будто вторглась в ваш личный момент, чего я не имела права делать.

Зак чуть мотает головой.

— Все в порядке.

— То, как ты ее любил... это заставило меня поверить в любовь.

Он откидывается на спинку дивана, и я закрываю ноутбук.

За следующие несколько минут он доедает пиццу, а затем встает.

— Как ты относишься к мороженому?

— Э... — Я смеюсь. — По-моему, звучит холодно.

— Но необходимо? Ведь у тебя день рождения. — Он смотрит на меня так, будто не я только что сунула ему в лицо болезненные воспоминания.

Мой смех превращается в нервный смешок.

— Конечно...

— Тогда, пойдём. — Он уносит посуду на кухню.

За мороженым?

Я не говорю больше ни слова. Внезапная смена темы Заком и его желание отпраздновать мой день рождения возбудили мое любопытство.

Через пятнадцать минут мы вылезаем из его машины и подходим к кафе-мороженому. Оно открылось за несколько недель до смерти Сьюзи.

— Я собирался привести ее сюда, но...

Я киваю. Нет необходимости уточнять.

Он заказывает мятно-шоколадное, а я соленую карамель. С вафельными рожками в руках мы идем по тротуару, усеянному магазинами, большинство из которых закрыты на ночь.

— Симпатичная сумочка, — говорю я даме, когда та проходит мимо нас с крошечной собачкой.

Ее лицо светится, а шаги немного замедляются. Это черная сумочка. Вполне обычная. Ничего особенного.

— Спасибо, — благодарит она.

— И вовсе она не симпатичная, — бормочет Зак, когда женщина минует нас.

— Не важно. — Я пожимаю плечами. — Все дело в уверенности.

— Уверенности?

— Сьюзи всегда делала комплименты моей одежде, причёске, сумочкам и даже моей улыбке. И я не думаю, что все они были достойны признания. Но после любого ее комплимента, мой шаг становился более уверенным. Так легко дать это кому-то. Так почему, черт возьми, мы не делаем этого чаще? Потребовалось всего две секунды и практически никаких усилий, чтобы сделать комплимент сумочке этой дамы, но ее походка будет более уверенной... ну, возможно, до конца ночи.

Зак облизывает мороженое, и мы продолжаем прогулку. Интересно, как он относится к тому, что я говорю о Сьюзи или показываю ему ее фотографии? Не перехожу ли я грань? Не мешаю ли ему двигаться дальше?

— Классные ботинки, — говорит он проходящему мимо парню.

Я поджимаю губы, чтобы сдержать ухмылку.

Парень в потертой, обычной обуви смотрит на упомянутые ботинки, прежде чем одарить Зака полуухмылкой.

— Спасибо, чувак.

Когда парень оказывается вне пределов слышимости, я толкаю Зака под руку.

— Да у тебя талант.

Он ухмыляется и смотрит вперед.

— Ты действительно так жаждал мороженого? Или чувствовал, что мой день рождения не может закончиться пиццей и отличным подарком? Или у этой спонтанной прогулки имеется другая причина? Если у тебя сомнения по поводу... того, что ты сделал для меня... — Я не могу сказать «брак». Это по-прежнему слишком странно.

Закари Хейс — мой муж. Не-а. Это всегда будет казаться не реальным, вероятно, потому, что *чувства* не должны быть частью сделки.

Он находит скамейку у автобусной остановки и садится как раз в тот момент, когда последние лучи дневного света прощаются с нами. Я сажусь на другой конец, лицом к Заку.

— За несколько дней до своей смерти Сюзанна попросила меня об одолжении, — говорит он, не отрывая взгляда от улицы, пока я сосредотачиваюсь на том, чтобы тающее мороженое не убежало.

— О каком?

— Тебе это не понравится, даже если и должно бы. Но ты упрямая, так что будешь с этим бороться.

Я склоняю голову набок и прищуриваюсь.

— Я не упрямая.

Из его груди вырывается смех, и он облизывает мороженое.

— Ты даже не можешь сказать этого без упрямства в голосе.

Я прочищаю горло и хмурюсь, не обращая внимания на то, каким *голосом*, по его мнению, я говорила.

— Так что же мне не понравится?

— Помощь. Тебе не нравится помощь, а о ней Сюзанна и просила.

— Это была ее идея, чтобы ты женился на мне? — В моем голосе слышатся шок и тревога... на случай, если он этого не уловил.

— Нет. Ну не напрямую. Она попросила меня использовать часть ее страховки жизни, чтобы оплатить твои счета.

— Счета? Какие счета?

Он смотрит на меня, проводя языком по верхней губе.

— Все.

— Все? — повторяю я, как попугай — моя слабая попытка понять, выиграть время для мозга, чтобы тот осознал, о чем Зак толкует.

— Студенческие займы. Медицинские счета. Не знаю, есть ли у тебя долги по кредитной карте, но...

— Нет, — бормочу я. — Ты не используешь ее деньги из страховки жизни для оплаты моих счетов.

— Она обожала тебя. И нет таких денег, чтобы оценить то, насколько ты улучшила ее жизнь за это лето. Так что позволь мне сделать это, потому что она этого хотела... потому что это то, что хочу сделать я.

Нелепость какая-то. Я не сделала ничего особенного. Это Сьюзи сделала для меня больше, чем я для нее. Это я должна платить *ему* за то, что он меня нанял.

— Я, правда, считаю, что твоего разрешения жить с тобой и... другого твоего поступка... достаточно.

Он снова усмехается.

— Другого поступка? Имеешь в виду брак?

Держа рожок мороженого у рта, слегка киваю в ответ.

Он вздыхает.

— Она очень хотела этого для тебя, — бормочет он.

— Зак, это... это около ста тысяч долларов. Это слишком много.

— Не много.

— Ну, а для меня много! — Я тут же сожалею о своем тоне. Я огрызнулась на него? За чрезмерное благодушие?

Его брови поднимаются на лоб при взгляде на меня.

Я сникаю, отводя взгляд на мерцающую неоновую вывеску «Закр~~ы~~то» в витрине магазина пряжи.

— Годами... я наблюдала, как моя мать разменивала себя на еду, наркотики и алкоголь. Она не была уличной проституткой, но существовала бартерная система. Некоторые мужчины задерживались у нас на несколько дней... может быть, недель. Большинство оставалось меньше чем на сутки, но она всегда получала что-то взамен. Даже мужчины, оставлявшие синяки на ее теле, что-нибудь ей давали. Один парень разбил ей губу, а перед тем, как выйти из квартиры, протянул мне стодолларовую купюру. Он сказал: «Иди, купи своей матери лед для лица, а себе прихвати ужин, милая».

Зак молчит, позволяя мне потеряться между прошлым и светящимся в витрине знаком.

— Если копнуть глубже, помимо всех отвратительных вещей, которые она сказала и сделала, мне надо отдать ей должное за то, что она научила меня нескольким приемам выживания.

— Например, принять от людей помощь, когда они ее предлагают?

Я качаю головой. Он и понятия не имеет, что мне встречалось очень мало людей, готовых предложить такую помощь, как он. Вообще-то, никто никогда не предлагал мне такую помощь, как он.

— Например, предложить моему бывшему парню все, что он захочет, в обмен на душ в его квартире.

— Все, что он захочет? — бормочет Зак, прежде чем откашляться.

Ответив медленным кивком, делаю продолжительный выдох.

— Игры разума. Я убедила себя, что это небольшая плата за то, что мне нужно. Он ведь был моим парнем. И я не ханжа. Так что, я впустила его сзади, приняла душ и смогла прибыть на работу с опозданием всего на пятнадцать минут. — Рискнув бросить на него быстрый взгляд, пожимаю плечами.

Глаза Зака сузились.

— Как ты впустила его сзади?

Я сжимаю губы и делаю круглые глаза.

— Э-э... медленно.

Проходит несколько секунд, прежде чем до него доходит.

— Ох... Господи... имеешь в виду, *буквально* впустила его...

Мой взгляд падает на колени.

— Даже в тот момент я не думала, что похожа на свою мать. Нет. Я впервые нашла хорошего парня. Потом я убедила себя, что он будет любить меня так, как ни один мужчина не любил мою маму. Но... — я болезненно смеюсь, — ...проблема была в том, что я не видела настоящей любви. Знаешь, как трудно найти то, чего ты никогда не видел?

— Ты никогда не испытывала любви? Никогда?

Скривив губы, чуть мотаю головой.

— Нет. Ну... неправда. Уже нет. Я испытала доброту. И стала *свидетелем* любви. — Мое внимание вновь возвращается к его лицу. — Вашей со Сьюзи. На самом деле, до того, как я встретила вас, я думала, что знаю, что такое любовь. Нет. Даже и близко нет.

— Она любила тебя, — шепчет он.

Слезы обжигают глаза, поэтому я несколько раз моргаю и отвожу взгляд.

— Я знаю, — выдавливаю я сквозь ком в горле. — Я тоже любила ее.

— Тогда позволь мне дать тебе это.

— Что дать?

— Финансовую независимость. Она любила тебя. Ты любила ее. *Я* хочу сделать это для нее и для тебя. Это не проблема.

— Сумма слишком большая. Тебе нужно откладывать деньги на пенсию. Или купить то, что ты всегда хотел. Или...

— Или сделать это для тебя. Технически, все мое — твое. А все твое — мое. Я не хочу числиться в должниках. Так что, давай избавимся от долгов.

Замешательство на моем лице только усиливает его ухмылку. Он пожимает одним плечом.

— В Джорджии имущество делят пятьдесят на пятьдесят. Ты можешь развестись со мной и забрать половину моего состояния.

— 3-Зак... я бы... никогда... *никогда* так с тобой не поступила.

Так же, как *никогда* не задумывалась о брачном контракте до того, как мы поженились.

Была ли я наивна? Или он? Проявил ли он абсолютную безответственность? Что его семья скажет о его безрассудстве?

— Я знаю, — говорит он так буднично, что у меня голова идет кругом.

Неся свой скомканный бумажный конус к урне у двери магазина пряжи, я кусаю край нижней губы и поворачиваюсь как раз в тот момент, когда он тянется вокруг меня, чтобы бросить свой конус в мусорку.

— Я соглашусь только при условии, что ты позволишь мне вернуть тебе деньги.

— Эмер...

— Нет. — Я качаю головой. — Это не подлежит обсуждению. Я уже и так самый большой благотворительный случай, который когда-либо существовал на белом свете. Я не могу принять почти шестизначную сумму, отдав взамен лишь благодарность и улыбку.

— Отлично. Ты мне отплатишь. — Его руки скользят в передние карманы брюк, пока он раскачивается взад-вперед на пятках.

Не ожидая такого быстрого согласия, я изо всех сил пытаюсь подобрать следующие слова. Наконец, я их нахожу.

— Я могла бы съехать, — шепчу я. — Со страховкой и без долгов я могла бы позволить себе собственное жилье.

На мгновение, даже не на целую секунду, что-то мелькает на его лице — тень сомнения, возможно, дискомфорта. Он тут же избавляется от этого.

— Полагаю, ты права.

— Или я могла бы собрать сумку и отправиться в путешествие. Посмотреть, смогу ли заработать немного денег на своих фотографиях. Или завести блог о путешествиях. Собрать много подписчиков в социальных сетях.

— Или так. — Он пожимает плечами, прежде чем пройти мимо меня, направляясь в сторону своей машины.

— Наверное, подожду до нового года и посмотрю, сколько денег мне удастся сэкономить, а затем приму решение о своих планах. Если...

— Если — что? — За широкими шагами Зака трудно угнаться.

— Если я останусь. Можно?

— Почему бы и нет? — Он открывает машину.

— Потому что я хорошо зарабатываю уборкой домов, и если у меня не будет долгов, то мне незачем оставаться с тобой.

— Если только ты не хочешь накопить на путешествия.

Я медленно киваю, проскальзывая на пассажирское сиденье.

— Полагаю, что хочу.

— Тогда оставайся.

Остаться.

Остаться и привязаться к нему сильнее.

Остаться и рискнуть влюбиться в своего мужа.

Остаться и осознать, что, возможно, это уже происходит.

Остаться и разбить себе сердце.

Прежде чем он выезжает с парковки, я чувствую на себе его взгляд.

— Кто у тебя есть?

Ковыряя ногти, пожимаю плечами.

— Что ты имеешь в виду? — Я знаю, о чем он спрашивает. Но ответ на его вопрос

потребуется от меня озвучить мою реальность.

— Кроме меня, кто у тебя есть? Семья? У тебя есть семья, к которой можно обратиться? Кто-нибудь готов предложить тебе кровать или хотя бы диван и одеяло?

Он выезжает с парковки, и мы направляемся к дому.

— Не-а. — Я позволяю этому слову звучать эхом между нами несколько секунд, но Зак не двигается. — У меня нет семьи. Ни братьев, ни сестер. Отца я не знала. Никогда с ним не встречалась. У мамы были проблемы с алкоголем, а потом с наркотиками, а потом с кучей плохих мужчин. Вот почему я ушла. Она не нуждалась в моей помощи, а я больше не хотела иметь ничего общего с этой жизнью. Она сказала, что я могу принять ее такой, какая она есть, или уе*ывать нах*й. Ее слова.

Я не поворачиваюсь к нему, но все же замечаю, как он слегка вздрагивает. Даже после всех этих лет мне трудно дышать, когда я думаю о своей матери, женщине, которая должна была любить меня больше всего на свете, а вместо этого... просто отпустила. И от этого тоже немного стыдно. Я прочищаю горло.

— Поэтому, как только я получила школьный аттестат, уехала из Афин на маминой машине, потому что... нах*й ее. Она была должна мне. Затем я взяла миллион кредитов, чтобы пойти в колледж. Сменила с полдюжины соседей по комнате. И спала в машине по мере необходимости.

— Значит, у тебя есть опыт проживания в машине? — Он бросает на меня быстрый косой взгляд.

— Вроде того. Тогда это длилось всего несколько недель, когда я меняла квартиры или соседей по комнате. Не месяцы.

— Мне жаль слышать, что тебе пришлось так тяжело.

Я качаю головой.

— Не так уж тяжело. В школе у меня были друзья. Я не унывала. У мамы было много ужасных недостатков, но она никогда не оскорбляла меня — физически — как и ее дерьмовые бойфренды, которые считали нормальным избивать ее. У меня есть диплом колледжа, пусть даже это самый бесполезный диплом в мире. Я следовала своей страсти. Я всегда была мечтателем. Ставила страсть выше практичности.

— А теперь ты убираешься в домах.

Его прямолинейность вырывает из моей груди крошечный смешок.

— Да. Да, убираюсь. Не знаю. — Я пожимаю плечами. — Я видела, что все идет не так как надо, но я еще слишком молода, чтобы сдаваться. Я продолжу искать свое место в этом мире.

Зак качает головой.

— Ты похожа на игрушку на батарейках: опрокинутая на бок, продолжаешь работать, даже если никуда не двигаешься. Сюзанна была такой. — Когда он смотрит на меня, его улыбка подрагивает. — Прости. Уверен, ты устала от того, что я сравниваю тебя с ней, но я из лучших побуждений.

— Нет. Я... я не против того, чтобы меня сравнивали с ней. Это комплимент. Просто сейчас это странно.

— Потому что мы женаты?

Я киваю, поджимая губы, когда мы въезжаем в гараж.

— То есть, мы женаты не в традиционном смысле этого слова. Я не сплю с ее мужем. — *Господи...* почему в фильтре между моим мозгом и ртом такие большие отверстия?

Зак прочищает горло, и я клянусь, его щеки немного краснеют, даже несмотря на то, что часть его лица скрывает темная щетина.

— Ну... технически я теперь *твой* муж. Значит, ты не спишь со *своим* мужем. И просто для того, чтобы пройти мимо этой действительно неудобной невысказанной... *вещи* между нами, важно помнить, что она умерла. Мы живы. Когда Тара умерла, Сюзанна жила. Она продолжила свою жизнь. Я тоже живу своей жизнью. Просто делаю это по-другому. Вместо того чтобы снова найти любовь, я делаю одолжение другу.

Мы вылезаем из машины.

Я чувствую, как щеки наполняет жар, когда с нервным смешком вхожу в дом.

— И еще какое одолжение, — замечаю я сквозь нервный смех. — Я э-э... пойду спать. Спасибо за сумку для фотоаппарата и мороженое. Это был отличный день рождения.

Рискую напоследок бросить взгляд на Зака.

Он улыбается, просто смотрит на меня еще несколько секунд, после чего отвечает легким кивком.

— Спокойной ночи, Эмерсин.

Глава 19 Эмерсон

Я берусь за работу свадебного фотографа, играю роль второй камеры на нескольких местных свадьбах и помолвках. Это неполный рабочий день, временная должность, пока штатный ассистент восстанавливается после операции.

В течение следующих нескольких недель я чувствую себя непривычно несчастной. Возможно, дело в недавно прошедшем дне рождения, и двадцать четыре года — более гормональный возраст, чем я думала, но я в этом сомневаюсь. Как бы безумно это ни звучало, я немного растеряна. После того, как я столько времени чувствовала себя рабой эпилепсии, долгов по медицинским счетам и студенческому кредиту — о, а потом и брака, — я не знаю, как справиться с этой новообретенной свободой. Врач скорректировал мое лекарство против судорог. Физически я чувствую себя лучше. Каждый день делаю упражнения. Экономлю много денег. И получаю зарплату за фотографии, не бросая при этом уборку. Тогда, почему я так безумно напугана?

— Я позволил тебе пропустить День благодарения, но в Рождество ты не будешь сидеть дома одна, — объявляет Зак, упаковывая подарки на полу в гостиной. И это за неделю до Рождества.

Я вытираю пыль со столика и лампы.

— Позволил мне пропустить День благодарения? В тот день ты работал.

— Но моя семья приглашала тебя на обед.

У него замечательная семья. Они ни разу не спросили его о проявленном ко мне милосердии. Полагаю, они понимают, что Сьюзи хотела бы этого. Конечно, они не в курсе всего масштаба его щедрости. Они знают только, что он разрешил мне остаться здесь.

— Я не готова ходить к ним на праздники в отсутствие тебя. Я бы закончила тем, что перебрала гоголь-моголя и проболталась, что мы женаты. Или тебя это устраивает? — Я смотрю на него из-за настольной лампы.

— Хороший довод.

Я ухмыляюсь, чувствуя себя победителем в своих рассуждениях.

— Но на Рождество я там буду.

— Да, но это праздник раздачи подарков. Это просто странно. По мне, так Рождество более личный праздник. И это будет твое первое Рождество без Сьюзи. Такое ощущение, что это немного... — я морщусь нос, — неприкосновенно? И... что ты делаешь?

Я вздрагиваю при виде того, как он упаковывает подарки, если это можно назвать упаковкой.

— Ты о чем?

— Ты когда-нибудь заворачивал подарки? — Я бросаю тряпку через плечо и опускаюсь на колени на пол рядом с ним. — Нужно отрезать часть лишней бумаги, чтобы край ровно прилегал к стенке коробки. Ты заворачиваешь куб, а это выглядит как комок. И даже не рассказывай мне о своих талантах завязывать бантики. Думала, у тебя склонность к перфекционизму.

Я смеюсь.

Зак поднимает руки вверх, сдаваясь.

— Ради бога, Мисс Королева Степени В Области Искусств, не стесняйтесь заворачивать, пока я...

— Закончишь вытирать пыль.

Он громко смеется, вставая.

— Нет. Пока я читаю книгу. Смотрю телевизор. Бездельничаю. Играю на гитаре. Возможности безграничны.

Играет на гитаре. Он часто делал это по ночам. Ему нравится наблюдать, как я редактирую фотографии, а я люблю слушать, как он играет на гитаре в своей спальне. Иногда он еще и поет. Эти ночи — мои любимые. Когда я съеду, буду скучать по его пальцам, перебирающим струны, улаживающие мой слух любимой колыбельной.

— Возможности безграничны... Мне нравится, как это звучит, Закари. Я думаю, у тебя все будет хорошо в этой жизни.

— В этой жизни? — доносится из кухни его смех.

Я слышу шуршание фольги. Он добрался до рождественского печенья, которое я испекла.

— Да. В этой жизни. За другую жизнь я говорить не возьмусь. В другой жизни ты мог бы быть горячей штучкой.

Он высовывает голову из-за угла. Конечно же, уплетая одно из печенек в форме ёлки, которые я украшала целый день.

— Парни могут быть горячими штучками?

— Ты можешь быть штучкой и... — Я кусаю губы и склоняю голову, чтобы скрыть свой румянец, и лезвием ножниц завиваю ленту в спиральку.

— Но не *горячей* штучкой?

Я слегка качаю головой, по крайней мере, полдюжины раз.

— Я этого не говорила. То есть... да. Некоторые парни могут быть *горячей* штучкой.

— Но не я?

Потее, я пожимаю плечами. Боже... он заставляет меня слишком сильно потеть.

— Я понимаю. Ты относишься ко мне как к старшему брату. И не можешь думать, что твой старший брат горячий.

Старший брат? Нет. Я не считаю его старшим братом. Это было бы очень неуместно.

Мы женаты.

Я все время думаю о нем.

В смысле... ВСЕ время.

— Нет. Я не могу думать, что мой старший брат горячий. Вот Аарон может быть горячим.

Но ты не мой старший брат. Ты мой муж. И очень аппетитный.

Зак замирает, медленно пережевывая то, что уже у него во рту.

— Тебе нравится Аарон?

Я принимаюсь за упаковку (исправление) другого подарка.

— Конечно. Он милый. Забавный. Ему чуть за двадцать. Одинокий. Что тут может не нравиться?

— Он мой брат, — бормочет Зак, слизывая с губ крошки.

С ухмылкой смотрю на него через плечо.

— Я в курсе. И я не говорила, что собираюсь завести с ним интрижку или что-то в этом роде. Просто делюсь наблюдением, раз уж ты спросил.

— Я спросил, потому что ты назвала его имя.

Зак немного... ну, не знаю. Обеспокоен, что ли? Не уверена в причине его беспокойства. Аарон не урод. Он не калибра Зака (на мой взгляд), но очень привлекательный.

Спровоцированная мною боль или что-то еще, что он скрывает внутри, пробуждает в моей груди необычайную печаль. По закону я его жена, но не источник его счастья, несмотря на то, что немного приложила к нему руку. Может, я не источник, а ангел, присматривающий за ним, чтобы гарантировать, что с ним все в порядке. Как я и обещала Сьюзи.

— К другим новостям...

Я снова сосредотачиваюсь на упаковке.

— Вскоре моя временная работа подойдет к концу. Ассистент фотографа выходит с больничного через две недели. И я нашла другую работу, решения по которой сейчас жду. Фотограф/тревел-блогер. Я подписана на нее в социальных сетях, и она ищет другого фотографа для своих путешествий в следующем году. Под ее постом *столько* комментариев. Но... — улыбаюсь я. — Она написала мне, и ей нравятся фотографии на моей странице. На следующий день после Рождества я собираюсь встретиться с ней в Нью-Йорке. Она живет там, но дома бывает редко. Зак, мне кажется, она действительно заинтересована в том, чтобы выбрать меня!

— Значит... ты бы путешествовала с ней и фотографировала? — уточняет Зак.

— Да.

Он раздумывает, чуть скривив губы на бок.

— И она будет тебе платить?

— Да. Ну, у меня пока нет всех подробностей, но я буду получать процент от ее публикаций на страницах в социальных сетях.

Зак несколько раз кивает.

— Инфлюэнсер?

— Да, но не думаю, что это основная часть ее дохода, во всяком случае, пока. У нее еще есть собственный бизнес по фотосъемке, и она будет платить мне процент от этих работ, если я буду помогать ей со съемкой.

— Хм. Интересно. Значит, ты будешь путешествовать.

Я ухмыляюсь.

— Да. Думаю, большую часть следующего года проведу в путешествиях. Это стало бы невероятной возможностью создать свое портфолио и собрать аудиторию в социальных сетях.

— Звучит... — он изучает меня, поджимая губы на несколько секунд, — ...идеально. Ты заслуживаешь всего самого лучшего, что может предложить жизнь. Сюзанна так думала, и я

тоже. — Он пожимает одним плечом. — Вот почему я женился на тебе.

Я опускаю взгляд, сосредотачиваясь на переупаковке его подарков. Я знаю истинную причину его женитьбы на мне, даже если мое сердце живет глупыми мечтами. Возможно, еще слишком рано говорить ему, что Сьюзи хотела, чтобы я его полюбила. И я думаю, она хотела, чтобы он тоже полюбил меня. Могу ли я влюбиться в своего мужа и следовать своим мечтам? Или это взаимоисключающие вещи?

— Это было бы... отличной возможностью. Но работа пока не моя. Тем не менее, я настроена очень оптимистично. И я бы перестала путаться у тебя под ногами. Это хорошо. Верно?

— Когда твоя первая поездка? — Он засовывает руки в карманы.

— Повторю, работа пока не моя. Но в январе она собирается на Гавайи. — Я не могу скрыть ухмылку.

Искренняя улыбка касается его губ так же, как и каждого сантиметра моей кожи.

— Я так понимаю, ты никогда там не была.

— На Гавайях? — Я смеюсь. — Нет. Никогда. А ты?

Прежде чем он успевает ответить, я закатываю глаза.

— Да. Конечно же, был. Скорее всего, в мире очень мало мест, где ты не побывал.

Он кивает.

Медленная улыбка скользит по моему лицу, и это так приятно. Мне не требуется его одобрения, чтобы путешествовать и исследовать следующую главу моей жизни, но все же я хочу этого. Хочу, чтобы он радовался за меня. Хочу знать, что с ним все будет в порядке.

— Я проведу с тобой Рождество.

Он хмыкает, но это не мешает чему-то, напоминающему удовлетворение, расплыться по его лицу.

— Кроме того... — Я показываю ему идеально завернутый подарок. — Мне необходимо быть там, чтобы присвоить себе эти шедевры.

— Думаешь, их больше впечатлит упаковка, чем подарки?

— Да. Я слышала твой разговор с мамой в прошлом месяце. Вы обменялись списками подарков. Пусть ты не знаешь, что именно получишь, но это точно что-то из того списка. Так что реакция на сюрприз будет в лучшем случае вялая. Но упаковка... — я шевелю бровями, — идеальна.

— Ох, Эм... — он ухмыляется, прежде чем повернуться и исчезнуть в коридоре. — Я не такой предсказуемый.

Эм...

Он никогда не называл меня Эм. Все зовут меня Эм, кроме него. До сегодняшнего момента. Как ему удалось превратить нечто повседневное и обыденное в *необычное*? Как две буквы и звук, столь похожий на тихое гудение, заставляют эту бьющуюся штуку в моей груди подпрыгивать и трепетать?

Бабочки...

Я могла бы быть... возможно... на пороге нового приключения, которое начнется на Гавайях — рискнуть и погрузиться в жизнь, о которой всегда мечтала. Но... я хочу эту работу еще и из-за отчаянной необходимости сбежать от этих чувств. Чувств, которые я испытываю к *своему мужу*.

Глава 20
Зак

Рождество

— Я нервничаю, — говорит Эмерсин, когда мы подъезжаем к круговой дорожке, ведущей к дому моих родителей, расположенного по соседству со старинными домами с просторными участками.

— Не надо.

— Они живут в особняке.

Я усмехаюсь, глуша двигатель своего седана «Мерседес».

— Это не особняк, но он принадлежит нашей семье уже три поколения.

В режиме ленивца Эмерсин открывает дверцу и выходит. Ее челюсть волочится по земле, когда она таращится на белый двухэтажный дом с шестью увитыми гирляндами колоннами, обрамляющими вход. В нескольких футах от окрашенной в черный цвет двери висит огромный светильник, украшенный пышным сосновым венком с ветками остролиста.

Для меня все это — просто *дом*. О чем должна думать она после того, как жила в своей машине? Я очень рад, что она здесь. Сюзанна тоже. Но сейчас я считаю, что радуюсь сильнее Сюзанны.

Эмерсин больше не друг Сюзанны; она мой друг. И моя жена. Не объект благотворительности. Она некто больше. Этому определению *большего* еще требуется время, чтобы осесть в моей голове.

— Поможешь мне отнести подарки? Или ты слишком занята, прудя в штанишки и стуча зубами от страха? — дразню я Эмерсин.

Она бросает на меня свой лучший суровый взгляд, прежде чем нагрузить руки подарками.

— Дыши, Эмерсин. Ты же их знаешь, а они знают тебя.

— Как горничную. Горничные не присутствуют на семейных рождественских праздниках своих клиентов. — Она следует за мной до входной двери.

— Ты моя соседка по комнате. Мы друзья. Вот, кем они тебя считают. Обещаю, сегодня тебе не придется мыть посуду или заниматься физическим трудом.

— Я все равно буду помогать. Это просто проявление хороших манер.

Балансируя грудой подарков на приподнятом колене, бросаю на нее быстрый взгляд, прежде чем открыть дверь.

— Твоя роль — быть моей гостьей. Никаких тебе тарелок этим вечером.

— С Рождеством! — Родители встречают нас в фойе вместе с моим братом.

Они не знают, что мы женаты, но мысленно Эмерсин сходит с ума. Я вижу это по ее лицу.

— С Рождеством. Большое спасибо за приглашение, — благодарит она дрожащим и робким голоском.

Аарон и отец принимают у нас подарки.

— У вас такой красивый дом. — Эмерсин снимает легкое пальцецо.

Я беру его у нее еще до того, как она успевает его снять полностью.

— Спасибо, — шепчет она, оглядываясь на меня.

Я подмигиваю, надеясь этим успокоить ее мысли. Подмигивание, которое говорит: «просто расслабься». Но ее широко распахнутые глаза дают понять, что мое подмигивание никак не помогает ей расслабиться.

Она краснеет.

Вероятно, подмигивание стало неправильным шагом.

— Мы очень рады, что ты присоединилась к нам, — говорит мама, обнимая Эмерсин.

Эмерсин впивается пальцами в мамину спину и держится изо всех сил... будто ей жизненно необходимо это объятие.

— Ты в порядке? — спрашивает мама, отстраняясь от Эмерсин и держа ее на расстоянии вытянутой руки.

Эмерсин кивает и быстро вытирает уголки глаз.

— Ага. Извините, Сесилия. В праздники я становлюсь немного сентиментальной. Только и всего. Кстати, мне нравятся ваши серьги.

Мама дотрагивается до сережек и усмехается.

— Спасибо, — благодарит она почти с легким удивлением. — Проходи, милая. Давай нальем тебе выпить.

Мама берет Эмерсин за руку и ведет по паркетному полу в просторную гостиную, обставленную старинными диванами и стульями, деревянными столами с причудливой резьбой на ножках, фарфоровыми лампами с цветочным рисунком, коврами с бахромой и... огромной рождественской елкой. Судя по размеру выпученных глаз Эмерсин, я бы сказал, что это самая большая ель из когда-либо ею виденных.

Мама обожает украшать ее сотнями елочных игрушек и гирлянд, утяжеляющих пышные ветки. Аарон любит поддразнивать ее, говоря, что гостиная напоминает шикарный универмаг на Рождество.

Пока я беру выпивку, слышу, как Эмерсин хвалит уродливый рождественский свитер моего отца и ничем не примечательные полосатые носки Аарона. Она каждому придает немного уверенности в их шаге.

— Держи. — Я протягиваю ей стеклянную кружку. — Это знаменитый горячий сливочный ром, приготовленный мамой на медленном огне.

Эмерсин несколько секунд смотрит на меня, вероятно, потому, что после нашего прибытия я не перестаю ухмыляться, причиной чему — она. Взяв у меня кружку, она подносит ее к губам, вдыхая аромат специй.

— М-м-м...

Мы садимся на диван рядом, а не в противоположных концах, как дома. Она мертвой хваткой вцепляется в свою кружку, снова и снова царапая зубами нижнюю губу. Почти съев весь нанесенный блеск.

— Зак сказал нам, что в следующем месяце ты собираешься на Гавайи по новой работе.

Поздравляю. — Папа садится рядом с мамой на диван напротив, а Аарон плюхается в кресло с высокой спинкой рядом с нами.

— Зак. — Эмерсин с прищуром смотрит на меня. — Работа пока не моя.

Я ухмыляюсь и пожимаю плечами.

— Будет.

Она качает головой, снова переводя внимание на моих родителей.

— *Если я получу работу, то да...* в следующем месяце я поеду на Гавайи. Но спасибо, Уильям. Надеюсь, поздравление уместно.

Я рад за нее. Сюзанна тоже. А еще мне немного грустно. Эмерсин была отвлечением.

Отвлечением от горя.

Отвлечением от безмолвной пустоты в доме.

Отвлечением от парализующего осознания того, что моя жизнь в каком-то смысле начинается сначала.

— За Эмерсин и ее отличную новую работу. — Папа поднимает стеклянную кружку в тосте и делает глоток.

— За Эмерсин. — Все остальные поднимают свои кружки.

— Спасибо. Надеюсь, — бормочет она, слегка дрожащей рукой поднимая кружку.

Родители переводят разговор на Аарона, расспрашивая его о недавней смене работы с парамедика на тренера лошадей.

— У Аарона неоконченное медицинское образование и два года обучения в области архитектуры... и СДВГ (*прим.: синдромом дефицита внимания и гиперактивности*). — Сесилия игриво смотрит на Аарона. — То, как он иногда изъясняется... не удивлюсь, если скоро он займется созданием нового поколения людей.

Все смеются, даже Аарон, который пожимает плечами, будто она не ошибается.

После того, как все вопросы, адресованные Аарону, исчерпаны, мама предлагает переместиться в столовую на ужин, на время оставив меня в стороне от расспросов. Возможно, они по-прежнему думают, что вне работы я только и делаю, как оплакиваю потерю Сюзанны, а кому хочется поднимать подобную тему?

Сегодня вечером... сидя за красиво украшенным столом, наслаждаясь вкусным ужином, потягивая домашние напитки, смеясь и беседуя на более легкие темы, например, кто лучше знает историю Джорджии... я вновь жажду ощущения нормальности и покоя. Мне хочется провести целый день без чувства вины из-за Сюзанны.

Спас ли я ее от еще большей боли?

Оборвал ли ее жизнь раньше срока?

Нужно ли мне поговорить с кем-то, чтобы получить разрешение по-настоящему отпустить ее?

Тот поступок когда-нибудь перестанет съедать меня заживо?

Когда наши животы полны пирогами с тыквой и орехами пекан, мы возвращаемся в гостиную, чтобы открыть подарки.

— Все в порядке? — шепчу я на ухо Эмерсин, наклонившись к ней.

Она откашливается и несколько раз кивает.

— Просто слишком много... доброты.

— Но ведь это хорошо, верно?

Она снова кивает.

Доброта. У нее не так много было ее, что само по себе трагедия, потому что теперь она

не знает, что с ней делать. Доброту принять труднее всего, потому что для того, чтобы ее почувствовать, требуется настоящая уязвимость. Эмерсин боится быть уязвимой, по-настоящему *чувствовать*.

— Боже мой... кому-то помогли упаковать подарки. Я хотела упомянуть об этом еще когда вы вошли. — Мама берет один из подарков, завернутый Эмерсин, и передает его папе.

— Я обижен. — Пытаюсь изобразить возмущение, но не могу оставаться серьезным. На самом деле, я лыбуюсь, как дурак, во все тридцать два зуба, и, кажется, эта ухмылка идет в комплекте с Эмерсин.

Бросив на нее быстрый взгляд признательности за то, как она великолепно упаковала подарки, я накрываю ладонью ее колени и нежно — игриво — сжимаю.

Она напрягается под моей хваткой, и ее лицо становится красным, под цвет ее свитера с открытыми плечами. Я снова перегнул палку? Она моя жена, но мне нельзя касаться ее ноги?

Мысли в моем гребаном мозге, изувеченном хаосом эмоций, вырываются из-под контроля. Я не знаю, что делать со своими чувствами — с теми, что я переживаю из-за Сюзанны, с теми, что побуждали меня проявлять великодушие к Эмерсин, с теми, что существуют с единственной целью — подорвать мой рассудок.

Я не люблю Эмерсин, но слова «*нравится*», *на мой взгляд*, недостаточно. Я делаю это ради Сюзанны и явно ради Эмерсин, но еще и ради себя. Сюзанна была права; *делать* что-то бескорыстно, чтобы улучшить чью-то жизнь, — *действительно* приятно. Но вот в чем суть: я не хочу улучшить *чью-то* жизнь; я хочу улучшить жизнь Эмерсин, потому что это делает мою жизнь лучше. И осознание этого чертовски пугает.

— Вы только посмотрите на это. — Папа разворачивает подарок от меня и достает его. Это зонтик с деревянной резной ручкой в виде головы животного.

— Это «Джеймс Смит и сыновья», — говорит мама. — Держу пари, *кто-то* побывал в Лондоне.

Я ухмыляюсь и слегка киваю в ответ.

Моя семья продолжает распаковывать подарки. Следующий — мамин. Я привез ей из магазина в Ноттинг-Хилле расписную льняную скатерть и фарфоровый кувшин уникальной розовой глазури. Аарону достается две бутылки джина Jensen's из Бермондси и, не теряя времени, он откручивает крышку на одной бутылке, несмотря на то, что мама наигранно закатывает глаза.

Я упивался моментом открытия подарков, впитывая каждый взгляд, который Эмерсин бросала на меня. Она полагала, что подарки для моей семьи будут предсказуемыми — вещи из их списка, — но я удивил ее.

Она считала предсказуемым *меня*, хотя я совсем не такой.

Последний подарок вечера для меня. Когда я его открываю, в комнате воцаряется благоговейная тишина. Я не люблю тишину или людей, уставившихся на меня. И мне определенно не нравится предательская слеза, которую мама вытирает со щеки, когда я достаю из коробки черную книгу. Мое сердце взмывает от груди к горлу, когда я открываю первую страницу, единственную, на которой, судя по всему, что-то написано. Пока я читаю, Эмерсин наклоняется ко мне, чтобы тоже прочитать.

Зак,

Строй планы, любовь моя. Жизнь слишком коротка.

— Это маленькая черная книга, — говорит Аарон.

Сесилия кивает.

— Она хотела, чтобы мы подождали с ее подарком до Рождества. — Мама снова вытирает еще одну слезу и улыбается, а я на долю секунды поднимаю глаза, прежде чем пролистать пустые страницы ежедневника.

Мышцы моей челюсти работают на сверхскорости в попытке контролировать эмоции. В этой комнате нет ни единой души, которая не видела бы, как я плачу из-за Сюзанны. Теперь мне лучше, не великолепно, но я полностью функционирую. Потихоньку живу дальше. Должен ли я строить реальные планы?

Аарон вскакивает и исчезает на несколько секунд, прежде чем вернуться с ручкой. Он вырывает у меня ежедневник, перелистывает на первую среду января и пишет: *19:00 — пью с любимым братом.*

Это вызывает у меня крошечную улыбку.

Затем ежедневник и ручку берет мама и вписывает на февральское воскресенье *«бранч с мамой»*. Папа назначает на пятницу в марте *«гольф с папой»*. И когда он встает, чтобы вернуть мне ежедневник, Эмерсин перехватывает его и ручку и переворачивает на страницу января.

«Отвезти Эм в аэропорт».

После того, как она возвращает мне ежедневник, я смотрю на ее слова в назначенный день.

— Спасибо, — шепчу я.

Не уверен, кого я благодарю.

Семью?

Эмерсин?

Сюзанну?

Каким-то чудом это Рождество не превратилось в нечто ужасное. Отсутствие Сюзанны чувствуется, но оно не лишило всех рождественского духа. Пока мы собираемся и прощаемся, я минутку наблюдаю, как Эмерсин общается с моей семьей. Они обожают ее.

Я обожаю ее.

Когда она начнет жить своей жизнью, когда последует за своими мечтами, мне будет горько-сладко.

Глава 21 Эмерсон

Лия Рю меня нанимает. Мы сходимся, как давно потерянные друзья. Как сестры. Как мы со Сьюзи.

— Я получила работу! — кричу я, звоня Заку из номера гостиницы на Манхэттене после встречи с Лией.

— Великолепная новость. Когда я, наконец, избавлюсь от тебя?

Я хихикаю.

— Скоро. Восьмого января. Я внесла запись в твой ежедневник на десятое просто как предположение. Но я не очень рассчитываю, что ты возьмешь ради меня отгул. Бог мой... мне надо уведомить всех моих клиентов. Это. Правда. Происходит!

— Перестань. Я *хочу* отвезти тебя в аэропорт.

— Чем занимаешься? — Я плюхаюсь обратно на кровать и смотрю в потолок.

— Только что покормил Гарри.

— Господи... ГАРРИ!

Я резко сажусь.

— Гарри Паутер. Дерьмо. Я даже не подумала о нем. Я не могу взять его с собой. Лия сказала, что за прошлый год она провела в своей квартире на Манхэттене меньше десяти дней. Я... мне нужно подыскать для него новый дом.

Кот, которого я даже не хотела, лишает меня дыхания. Глупый Брейди.

— Зачем? У него уже есть дом.

— Нет. Он не твой кот. Я не свалю эту ответственность на тебя. И ты тоже много отсутствуешь.

— Если бы сейчас ты могла видеть его у меня на коленях, то не назвала бы его не моим котом.

— Зак... — Я смаргиваю слезы.

— Все в порядке. Если у меня будет длительный рейс, я попрошу соседа покормить его.

— Не знаю...

— Что? Ты отдашь его незнакомцам? Что будет, когда твоя поездка завершится? Разве тебе не захочется увидеть своего кота?

— Почему ты так добр ко мне?

Он усмехается.

— Хороший вопрос.

Я ухмыляюсь и закатываю глаза.

— Мы увидимся утром? Я приеду домой рано.

— Не-а. У меня ночной рейс.

— Что ж, безопасного полета.

— Тебе тоже, Эм.

Я отключаюсь и вздрагиваю от противоречивых эмоций, разрывающих мое сердце. Я получила работу. Для меня это огромная возможность как в профессиональном, так и в личном плане. Не могу дождаться, чтобы отправиться путешествовать по миру с Лией. Но...

я буду скучать по мужу.

Очень сильно.

Не успеваем мы моргнуть, как наступает день икс.

Одно крохотное моргание, и начало нового года проходит в полетах Зака и моем выходе из зоны комфортного дивана Зака с Гарри Паутером рядом.

В упаковке скудного багажа.

В нескольких совместных ужинах под хорошее вино.

В большом количестве смеха. И нескольких слезоточивых моментах, когда в разговоре речь заходит о Сьюзи. Плачу я. Зак намного сильнее.

И вот... *ранее* утро и мне пора уезжать на Гавайи.

Я напоминаю Заку, что могу вызвать такси или «убер», но он уже взял отгул. По дороге в аэропорт Зак делает контрольный пробег по необходимым пунктам в моих путешествиях, например, помню ли я свои лекарства и много ли у меня денег?

Когда мы подходим к терминалу, он ставит мой чемодан на тротуар и, закрыв багажник, поворачивается ко мне.

Мои нервы на пределе. Из-за волнения и страха перед тем, что меня ждет, из-за перелета на Гавайи, но в основном из-за прощания, которое всего в нескольких секундах. Половинка рогалика, съеденная мной перед выходом из дома, теперь лежит в желудке кирпичом, усугубляя нервную тошноту.

— Ты не представляешь, когда вернешься? — спрашивает Зак в сотый раз.

Я качаю головой и пожимаю плечами.

— Лия позволяет жизни вести себя. Мы можем вернуться через две недели или через два месяца... или через больший срок.

Десять дней. В прошлом году она провела дома десять дней из трехсот шестидесяти пяти. Это триста пятьдесят пять дней без Зака, *если* он еще окажется дома, когда я вернусь.

Дом. Его дом — это и мой дом? У меня действительно есть дом или только кот и мужчина, предоставивший мне медицинскую страховку и крышу над головой?

— Мой номер ведь забит у тебя в качестве экстренного контакта?

Я снова киваю в ответ, нервно поджимая губы. Со мной, вероятно, случится чертов припадок еще до того, как Зак успеет отъехать от бордюра.

Вот оно. Сейчас я разрыдаюсь, ничего не могу с собой поделать, чтобы остановить слезы.

Господи... началось.

— Эй... нет. Что такое? — Зак берет мое лицо в обе ладони и стирает слезы большими пальцами, как маленькими дворниками. Моя нижняя губа дрожит, и я отчаянно борюсь, чтобы не разрыдаться.

— Это от счастья. — Я снова пытаюсь проглотить образовавшийся в горле валун. — Это слезы счастья.

Я делаю все возможное, чтобы успокоить Зака, но тревога из его глаз не исчезает.

Его красивые карие глаза.

Его красивая улыбка.

Его острая линия подбородка, покрытая колючей щетиной идеальной длины — Зак самый красивый мужчина внутри и снаружи. И я буду безумно скучать по нему.

— Я... я беспокоюсь, что буду чувствовать себя неуверенно, работая с Лией. И... еще из-за тебя.

— Из-за меня? — Зак сужает глаза.

— Я знаю, что ты в порядке. Правда, знаю. Но что, если нет? Что, если у тебя начнется депрессия? С людьми такое случается. Даже через месяцы или годы после потери супруга. Мне просто нужно знать, что, если это произойдет, ты позвонишь мне, и мы поговорим. Или обратишься к семье.

Зак усмехается, все еще вытирая мои щеки большими пальцами.

— Пожалуйста, не беспокойся обо мне. Я в порядке. Все будет хорошо. Я буду держаться. Если ни ради кого-то, то ради Гарри Паутера.

— Я знаю. Прости. — Я отстраняюсь. — Это глупо. И я глупо себя веду. Может, это из-за перелета. Он очень долгий.

— Эм?

Я смотрю на него.

— Вчера вечером ты оставила молоко на столе, но я его убрал.

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что он делает. То же самое я сделала для него возле садового сарая. Резко сменила тему для поднятия настроения. Чтобы заставить улыбнуться. Что я и делаю. Я улыбаюсь. Ничего не могу с собой поделать.

— Извини, — говорю я с легким смешком. — Такого больше не повторится.

Никакого молока вчера не было. Он просто... понимает меня.

Зак поджимает губы и кивает.

— Хорошо. Надеюсь, так и будет.

Это заставляет меня засмеяться.

— А теперь иди.

— Ага. — Когда я тянусь к ручке чемодана, Зак берет меня за другую руку, поворачивая к себе.

Мой взгляд падает на наши сцепленные руки, а затем на его глаза. Они задумчивы, заставляют меня чувствовать то, что, как я знаю, я чувствовать не должна. Не сейчас. А, может, и никогда.

— Сюзанна очень гордилась бы тобой. И она сказала бы тебе сесть в этот самолет и не оглядываться.

Я киваю, на глаза наворачивается еще больше слез. Я знаю. Знаю, что она гордилась бы мной.

— А ты? Что скажешь ты?

Он быстро выдыхает через нос и улыбается.

— Я бы посоветовал послушать Сюзанну. Веселись. Ты рождена для такой жизни. Но будь умнее.

Я снова киваю.

— Звони, если тебе что-нибудь понадобится. Если я буду в рейсе, то перезвоню тебе, как только приземлюсь. Хорошо?

Я снова киваю вместо того, чтобы произнести настоящие слова, от которых у меня перехватило бы дыхание. Если он не отпустит мою руку, я растаю в луже у его ног, и она будет намного больше положенных унций жидкости, которые разрешено проносить в самолет.

Я покидаю мужа, потому что мне двадцать четыре, и я должна найти свою жизнь.

Я покидаю мужа, потому что обязана следовать своим мечтам, пока их не достигну.

Я покидаю мужа, потому что... он ненастоящий.

Зак отпускает мою руку и обнимает меня.

На короткую секунду я напрягаюсь, но эти чувства в его объятиях кажутся слишком правильными, чтобы не расслабиться, не вдохнуть его запах, не скучать по нему.

— Я буду усердно трудиться, чтобы эта работа привела к чему-то постоянному. Страховке. Или мужу, чтобы ты навсегда избавился от меня.

Зак отпускает меня, на его лбу появляются морщины.

— Просто... следуй за своей мечтой. Сделай это своей работой, а остальное пусть идет, как идет. — Он не отвечает на замечание о муже. Серьезно, чего я от него жду?

Я люблю тебя, Эмерсин. И у тебя уже есть муж.

Эти слова не звучат, поэтому я снова берусь за ручку чемодана.

— Хорошо.

С улыбкой думаю о последних словах Сьюзи. Прощания — полный отстой. Я не прощалась с ней и не буду прощаться с Заком.

Улыбка едва затрагивает его губы, но она все равно заметна, когда он кивает, будто это и есть его прощание. Никаких слов, всего лишь крошечное признание.

Поддерживаемая этим признанием, тащусь с вещами к входу в терминал.

— Эмерсин?

От скорости моего внезапного разворота сердце врывается в грудную клетку. Затем на несколько секунд полностью перестает биться, чтобы услышать, что он хочет сказать.

— Да?

Жду, когда он скажет что-нибудь незабываемое, что-нибудь романтическое. Жду, когда он скажет «к черту» и бросится ко мне, схватит в объятия и страстно поцелует. Но мои сказочные мысли остаются всего лишь сказкой.

Я жду.

И жду.

Зак отводит взгляд в сторону, будто подыскивает слова. Морщинки на лбу углубляются, зубы терзают губы.

Это... убивает меня!

Когда его взгляд возвращается ко мне, он одаривает меня очередной порцией едва заметной улыбки.

— Мне нравится эта толстовка. Он подчеркнет синеву твоих глаз. А у тебя... красивые глаза.

Серьезно... мое сердце готово выскочить из груди, но я беру себя в руки и, склонив голову набок, изображаю эмоциональную стабильность.

— Мистер Хейс, вы пытаетесь придать мне немного уверенности?

Улыбка Зака усиливается, когда он пожимает одним плечом.

— Возможно.

— Мне нравится твой... — На секунду задумываюсь, затем медленно качаю головой и

направляюсь к автоматическим дверям.

— Тебе нравится «мой» — что? — спрашивает он вдогонку.

— Перечислять слишком долго, — отзываюсь я, не оглядываясь. — Список чересчур длинный.

Глава 22 Эмерсон

Лия уже провела на Оаху несколько дней, поэтому, когда я добираюсь до хостела, она уже обустроилась в комнате и ожидает меня в бикини.

— Привет, как перелет? — Она спрыгивает с верха двухъярусной кровати.

Я осматриваю комнату.

— Знаю. Небольшая, но зато по карману. Мы здесь не для того, чтобы сидеть в роскоши арендованной квартире или номере отеля. Главное — приключения и пейзажи.

Слегка пожав плечами, бросаю чемодан на нижнюю кровать.

— Хочешь начистоту?

Лия собирает прямые черные волосы в хвост. В последний раз, когда я видела ее, у нее были кудри. Из ее аккаунтов в социальных сетях я знаю, что она никогда не выглядит одинаково два дня подряд. Из-за этого я могу показаться ей немного скучной.

— Несколько поздноато для откровений. Я уже наняла тебя, но уверена... и чем же ты хочешь поделиться?

— Я не раз жила в своей машине, поэтому в хостеле буду чувствовать себя как на пятизвездочном курорте.

— И они дешевые, — подмигивает Лия, засовывая руки в розово-оранжевое кимоно с цветочным принтом. — Двадцать пять долларов за ночь. А теперь вылезай из этих скучных джинсов, надевай свое милейшее бикини и встречай меня у входа. Нас ждет машина и полный рабочий день. Ты больше никогда не будешь бездомной, детка.

Работа.

Я улыбаюсь и киваю. Работа ли это, на самом деле?

На острове Оаху самые живописные джунгли и горы, кратер вулкана с глубокими конусами по бокам, которые выглядят как следы когтей, завихрения скальных образований на Ланай-Лукаут, о которых мечтает любой фотограф, и самая чистая бирюзово-голубая вода во всем Тихом океане.

Как такое стало моей жизнью? Меньше чем за год я успела побыть бездомной, застрять в ужасных отношениях, погрязнуть в долгах, поработать на семейную пару, которая навсегда изменила мою жизнь, потерять дорогого друга, выйти замуж, а теперь путешествовать по миру... по гребаному миру... фотографировать с женщиной, которая является моим тотемным животным.

— Ты так и не сказала мне... — Лия просматривает фотографии на своей камере, пока нас после заката везут обратно в хостел, — ...кого ты оставила? Во время нашей встречи в

Нью-Йорке ты, конечно, небрежно сказала «никого», и тогда я не стала допытываться. Но все кого-то оставляют, когда переезжают, путешествуют по миру... — она смотрит на меня, наморщив носик, через одну ноздрю которого продето маленькое золотое колечко, — ...или умирают.

На раздавшийся тихий смешок я несколько раз киваю.

— Ты права. Полагаю. Я уехала от кота по кличке Гарри Паутер и... — И от чего? Или от *кого*? От Зака. Моего мужа. Могу ли я сказать ей это?

— И?

Я качаю головой и смотрю в окно на исчезающую в сумраке береговую линию.

— У меня есть мама, которую я не видела много лет. Больше никаких известных мне родственников.

— Кто присматривает за Гарри Паутером?

— Друг. Э-э... сосед по комнате, полагаю.

— Воу-воу-воу... — Лия опускает камеру на колени и меняет положение, уделяя мне все свое внимание. — Друг? Сосед по комнате, *как ты полагаешь*? Эту историю я хочу знать. Выкладывай. Да, подробнее. Я заслуживаю самых мельчайших деталей. Следующий *год* мы проведем вместе. Никаких секретов. Ты будешь знать о моих интрижках. О моем месячном цикле. Никаких личных границ. Прости.

Пристально смотрю на нее несколько секунд, но понимаю, что она права. Год — это большой срок для любых отношений.

— Я остановилась у пары, которая наняла меня для уборки их дома. Они выяснили, что я живу в своей машине, и настояли, чтобы я осталась с ними. Сьюзи, жена, умерла от рака в конце лета и... — я кусаю губы, переводя дыхание, — ...теперь я живу с Заком, ее мужем. Бывшим мужем. Ну, не важно. В мое отсутствие он присматривает за Гарри Паутером.

В задумчивости, губы Лии на секунду кривятся в сторону.

— Пара пожилая?

— Старше меня.

— Тебе двадцать четыре, так что технически двадцатипятилетний человек — вроде меня — старше тебя.

— Им за тридцать. Ну, было, то есть... ей было. Она умерла. Он, очевидно, жив и присматривает за моим котом.

Медленно моргнув несколько раз, Лия склоняет голову набок.

— Ты живешь с женщиной за тридцать? Его жена умерла, а ты все еще остаешься в их доме? — Когда это произносит она, звучит странно.

Ничего странного. Ладно, ну, может самую малость.

— Временно. Я подружилась с его женой. Она хотела, чтобы я присматривала за ним.

Медленно приподняв брови, она несколько раз наигранно моргает.

— Она нашла себе замену перед смертью.

— Что? — Я мотаю головой. — Нет. Дело совсем не в этом.

— У них были дети?

Я качаю головой.

— Эм... очнись! Сьюзи выбрала тебя себе на замену, чтобы дать ее мужу новую жизнь и много детей. Ты здоровая, молодая избранница, способная нарожать целый выводок.

Мое лицо обдает жаром, и я отвожу взгляд к зеркалу заднего вида, задаваясь вопросом, обращает ли водитель внимание на наш разговор.

— Нет, — говорю я тихо. — Ты зря стараешься.

— Зак сексуальный?

От прозвучавшего вопроса водитель бросает на меня быстрый взгляд в зеркало.

Я тут же смотрю на Лию.

— Он... нормальный. Наверное. Он был мужем моей подруги. Я не оцениваю его в таком плане.

— Лгунья, — она ухмыляется.

Я знаю... в глубине души *я знаю*, что в конечном итоге расскажу ей о свадьбе, но не сейчас. Не в первый день нашего долгого приключения.

Глава 23 Эмерсон

Гавайи.

Фиджи.

Новая Зеландия.

Тасмания.

Австралия.

Пять островов за двенадцать недель. Двенадцать недель без Зака и Гарри Паутера... но, по большей части, без Зака.

Он мой поклонник номер один в Инстаграм, всегда лайкает мои посты и оставляет комментарии типа, «хороший загар», или рекомендации ресторана, потому что он путешествовал по многим местам, где я тоже теперь отметилась.

В тех редких случаях, когда позволяет наше расписание, например, как сегодня вечером, мы разговариваем по телефону. Пока здесь, в Австралии, для меня поздний вечер, для Зака — раннее утро. Каждый раз во время нашей беседы я прикусываю язык, потому что первыми словами, рвущимися слететь с моих губ, всегда были: «Я так по тебе скучаю!».

— В твоём паспорте штампы из нескольких мест, где я не был. Не буду врать... я тебе немного завидую, — говорит он, как только я отвечаю на его звонок.

— Ты не был в Австралии? С трудом верится, — говорю я вместо своего отчаянного: «Я так по тебе скучаю!».

— В Австралии я бывал. Но не на Фиджи или в Тасмании.

Меня будоражит мысль, что я посетила места, которых Зак никогда не видел. Станным образом это заставляет меня чувствовать себя старше, чем я есть — опытной и зрелой.

— Это просто сон какой-то. Я все жду, что меня разбудят и скажут, что мне нельзя спать на стоянке супермаркета.

Зак молчит. Слишком рано для шуток про бездомных? Я *должна* смеяться над своей жизнью, чтобы по-настоящему ценить то, где нахожусь в данный момент.

— В прошлые выходные вы фотографировали свадьбу, — говорит он.

— Да! О, боже... это было не запланировано, как и вся та поездка. Но обстоятельства вокруг свадебного представления слишком безумны, чтобы быть правдой... но это *правда*. Абсолютная удача с их стороны. Мы занимались своими делами, потягивали напитки на пляже, наблюдая за свадьбой, может, ярдах в пятидесяти от нас, и без шуток... фотограф просто рухнул, когда невеста шла к жениху. Оказалось, у него диабет, но нас уверили, что с ним все будет в порядке, и все же из-за этого пару некому было фотографировать. И

представь себе, Лия в бикини подходит к паре, — в одной руке у нее стакан с напитком, на бедре болтается камера, — и говорит: «Если хотите, мы с подружкой можем вас поснимать». Так мы и сделали... в бикини! Пара настаивала, чтобы нам заплатили, но Лия сказала, что никаких денег не надо, если они подпишут фоторелиз и позволят нам разместить фотографии на ее веб-сайте и в социальных сетях.

— Удачное время, — говорит Зак. От звучания его голоса моя тоска по нему лишь усиливается. — Как ты себя чувствуешь? Принимаешь лекарства? Высыпаешься? Ограждаешь себя от обезвоживания?

Я закатываю глаза.

— Да, папочка.

— С кем ты разговариваешь? — спрашивает Лия, открывая дверь в нашу крошечную комнату после посещения общей ванной комнаты в хостеле Сиднея.

Я посылаю ей взгляд *«разве не очевидно»*, потому что она знает, что, в отличие от нее, мне может звонить только один человек. У Лии огромная семья, разбросанная по всем Соединенным Штатам, плюс ее неофициальная семья, они же друзья, которыми она обзавелась по всему миру за время путешествий. Думаю, у нее любовники как минимум в дюжине стран. Я редко видела ее на Фиджи из-за сексуального мужчины по имени Нете, которого она звала Нед.

Когда я закатываю глаза, чтобы дать понять, с кем разговариваю, Лия делает несколько преувеличенных движений бедрами, как обычно, ведя себя несносно.

Я ее люблю.

— Лия только что вошла в комнату, — сообщаю я Заку.

— Но я могу уйти, если вы хотите заняться сексом по телефону, — кричит она.

Тишина на линии. Оглушающая. Как в могиле. За ужином она *выпила слишком много вина*.

— О, боже... — Я бросаю на нее суровый взгляд, слетая с односпальной кровати и выскакивая из комнаты. — Она пьяна, — в отчаянии кричу я, находя уединенную нишу в саду позади хостела.

Зак усмехается, но это звучит натянуто. Неловко.

— Как твоя семья? Ты носил цветы Сьюзи? — Я редко упоминаю Сьюзи, но после комментария Лии о сексе по телефону я ищу буквально *любую причину* сменить тему.

— С ними все в порядке. Аарон недавно обручился.

— Что? Ты серьезно?

— Ага. Думаю, когда ты знаешь, ты знаешь.

Я киваю, и между нами возникает еще одна многозначительная пауза. Он ничего не уточняет и не говорит о том, носил ли цветы Сьюзи.

— Передай ему мои поздравления, и что я не могу дождаться встречи с его невестой.

— Передам.

— Итак... завтра твой день рождения, старичок.

Зак смеется.

— Да.

— Что будешь делать на свой день рождения?

— Работать.

Я хмурюсь.

— Ясно. А твой экипаж устроит тебе вечеринку?

— Вообще-то, вечером мы выбрались немного расслабиться, так как наш вылет лишь завтра ночью, и утром мы можем отоспаться.

— Хорошо. — Я хихикаю. — Ты пьян. У тебя утро. То есть, вы гуляли прошлой ночью, не *сегодняшней*. Или ты говоришь о будущем?

— Нет. Мы гуляли сегодня. Я немного навеселе, но не пьян. Время... — на секунду он делает паузу, — близится к одиннадцати вечера.

Я смотрю на часы. Сейчас десять пятьдесят пять *вечера*.

— Я же сказал тебе, что работаю. Я пилот. Летаю по миру. Не всегда предполагается, что я в Атланте.

— Ты... ты в моем часовом поясе.

— Ага, — говорит он так хладнокровно, так прозаично. — Обожаю Сидней в апреле.

— Закари Хейс! О, боже-боже-БОЖЕ! Ты в Сиднее? Ты шутишь, что ли? Это не смешно.

Он еще немного посмеивается, пока я расхаживаю взад-вперед по трем футам пространства, по крайней мере, дюжину раз.

— Никаких шуток. Я собирался узнать, свободна ли ты завтра для бранча.

— Да! Конечно. Где? Во сколько?

— В моем отеле хороший шведский стол. Я напишу тебе адрес и номер моей комнаты. Десять тебе подходит?

— Абсолютно. Не могу дождаться. Я...

...так по тебе скучала...

— М-м-м... — Я запинаясь, когда слова цепляются за кавардак своих эмоций. Я в полном беспорядке.

И взволнована.

И рада.

И мне так тревожно, что не передать словами.

Мне ни за что не уснуть.

— Я, э-э... я с нетерпением жду встречи с тобой.

— Эмерсин?

Эм-ер-син.

— Да? — Пытаюсь держать под контролем свое прерывистое дыхание и выматывающий стук сердца, бьющегося о грудную клетку.

— Я тоже по тебе скучал.

Не знаю, почему эти пять слов вызывают у меня слезы, но они наворачиваются на глаза. Это все доброта и дружеская привязанность. Дружеская... мы друзья. Женатые друзья, но все равно друзья. А друзья могут скучать друг по другу. В последнее время единственное, что у меня получается лучше, чем фотографировать, — это скучать по Заку. Если бы тоска по нему оплачивалась и сопровождалась медицинской страховкой, я была бы обеспечена на всю жизнь.

— Я... э-э... увидимся утром.

— Спокойной ночи, — прощается он.

Как только я возвращаюсь в комнату, Лия резко садится в постели.

— Мне нужны детали. Обо всем. И не скромничай, будто тебе нечем поделиться, потому что ты вышла из комнаты. Ты никогда не выходила из комнаты, разговаривая с ним.

— Ты прокричала «*секс по телефону*». Что мне прикажешь делать?

Лия откидывает с лица растрепанные черные кудри.

— Ты из-за него ни с кем не встречаешься. Не так ли?

Я беру зубную щетку и пасту и направляюсь в ванную, игнорируя ее вопрос. Когда возвращаюсь, она все еще смотрит на меня, поэтому я не гляжу в ее сторону.

— Когда в последний раз тебе перепадало? — спрашивает Лия.

— Что перепадало?

Она глубоко выдыхает.

— Член. Когда в последний раз в тебе был член?

Я снимаю джинсы и лифчик и надеваю майку.

— Перед отъездом на Гавайи.

— Зак?

— Что? — Я бросаю быстрый взгляд в ее сторону.

— Если прямо перед отъездом на Гавайи, то это был Зак или случайная связь?

— Это... э-э... — я качаю головой и забираюсь в кровать, как можно быстрее выключая свет, — ...не Зак. Мы просто друзья. И я не сказала, что переспала *прямо* перед отъездом. Это было с моим бывшим парнем.

— Парнем из спортзала?

— Ага.

— Эмерсин! Это было прошлым летом. Хочешь сказать, ты не занималась сексом с прошлого лета?

— Подумаешь, велика важность. Я была занята, помогая заботиться о Сьюзи. Потом наступили праздники... потом ты наняла меня. Просто в жизни столько всего происходило.

— Я не куплюсь на твоё оправдание, но как скажешь. Так что нового у Зака?

Мое сердце не останавливало своего невероятно быстрого бега с тех пор, как Зак сообщил мне о своем местонахождении. Странно, что Лия не слышит, как шумно я дышу.

— Зак здесь.

— Здесь?

— В Сиднее. Улетает завтра ночью. И завтра у него день рождения. Так что, если ты не против, я отправлюсь с ним на бранч в его отель.

Свет включается. Лия с широко распахнутыми глазами и спутанными волосами стоит у изножья моей кровати, уперев руки в бока.

— Он в Сиднее? Ты, черт возьми, прикалываешься?

Зажав губы между зубами, пытаюсь сохранять спокойствие и вести себя невозмутимо, несколько раз кивнув.

— Почему ты здесь? — спрашивает она.

— Бранч только в десять.

— Почему ты здесь? — Она склоняет голову набок.

— Уже близится полночь.

— Почему ты здесь?

Сев, я медленно мотаю головой из стороны в сторону.

Лия ухмыляется.

— Ты влюбилась в мужа своей подруги.

Я продолжаю мотать головой.

— Я несколько месяцев слушала, как ты говорила о Заке. Я не тупая. Тебе не убедить меня, что ты не испытываешь к нему ничего, кроме дружбы. Тебе не убедить меня, что ты не *умираешь* от желания прямо сейчас рвануть к нему в отель и броситься в его объятия.

Продолжая мотать головой и затаив дыхание, я слушаю, как Лея озвучивает все мои эмоции.

— Держу пари, он тоже по тебе скучает, — она ухмыляется.

— Он не скучает по мне в том смысле, как скучаю я, — шепчу я, осторожно открывая ей свои чувства.

— А он знает, как именно ты по нему скучаешь?

— Нет.

— Тогда откуда ты можешь знать, *как* он скучает по тебе?

— Потому что он потерял жену, и я не думаю, что его сердце способно хотя бы на дюйм приблизиться к тому, чтобы испытывать чувства к другой женщине или *скучать* по кому-то таким образом.

— Тогда, как ты узнаешь, если сейчас же не встанешь с этой кровати и не поедешь к нему?

Нервно смеясь, я провожу пальцами по волосам.

— А он откроет дверь своего номера и спросит: почему я здесь? Что мне ответить?

— Ответь, что не могла дожждаться завтрашнего дня, чтобы увидеться с ним.

— Когда я туда доберусь, будет полночь. И... что тогда? Я увижу его, а он посмотрит на меня усталыми глазами, от чего мне станет скверно, потому что впереди его ждет работа, требующая ответственности за сотни жизней, и ему нужно выспаться. Так что, я поздороваюсь, развернусь и поеду сюда только для того, чтобы снова увидеть его утром?

— Или ты пересподишь с ним в его гостиничном номере.

Я качаю головой.

— Это безумно и странно.

Лия становится на колени на край кровати и берет меня за руки.

— Чего ты боишься?

— Ничего.

Она сжимает мои руки.

— Что ты почувствовала, когда он сказал, что находится в Сиднее?

— Я не почувствовала...

— Остановись. Просто остановись. — Она дергает меня за руки, пока я не перевожу взгляд на нее. — Позволь мне увидеть это.

— Увидеть — что?

— Твое сердце. Твои страхи. То, что ты и не мечтаешь произнести вслух. Тебе *нужно* выговориться. Я вижу это в твоих глазах, и это тебя убивает.

Моргнув несколько раз, отвожу взгляд.

— Я люблю его, — шепчу я. — Но это сложно.

— В смерти его жены нет ничего сложного. Это жизнь.

— Здесь... нечто большее.

— Хорошо. — Она устраивается поудобнее, усаживаясь на кровать лицом ко мне, и скрещивает ноги. — Слушаю.

Я смотрю на будильник.

— Только если тебе никуда не нужно.

— Это один из самых глупых поступков, которые я когда-либо совершала... — Я откидываю одеяло и вылезаю из постели. — А я наделала много глупостей, — добавляю я, натягивая футболку и джинсы.

— Завтра в два у нас экскурсия. Возвращайся к часу.

Надевая коричневые кожаные ботильоны, я смотрю на нее.

— Возможно, я вернусь менее чем через два часа, когда он выпроводит меня из своего номера, чтобы завалиться спать.

— Сомневаюсь, — говорит она, как только я открываю дверь.

Ощущая тонный комок нервов и беспокойства, тащусь к выходу из хостела, где заказываю такси по адресу отеля, который мне прислал Зак.

Всю дорогу до отеля в моей голове эхом разносится смех над моей безумной идеей. И вот я стою у его номера с трясущимся кулаком в дюйме от двери.

Я так напугана, что в данный момент испытываю недостаток кислорода.

Тук. Тук.

Я опускаю голову, зная, что, прежде чем открыть дверь, он посмотрит в глазок и увидит меня. Выглядеть испуганной до полусмерти — некрасиво, поэтому я прячу лицо, пока дверь не открывается.

Зак трет усталые глаза, а я сосредотачиваюсь на его голой груди и черных беговых шортах.

— Эмерсин... — В его голосе столько же усталости, как и во всем теле.

Я приняла ужасное решение, даже если мое сердце готово разорваться, потому что я слишком давно не видела Зака.

— Я... я не могла заснуть, и из-за огромной разницы во времени подумала, что, возможно, ты тоже не можешь, но ты явно можешь. Так что я просто вернусь сюда завтра в десять.

Я начинаю поворачиваться.

— Эмерсин.

Я замираю, стоя к нему спиной, и до боли задерживаю дыхание.

— Я... охренеть... как рад тебя видеть, — произносит он с таким облегчением.

И это облегчение вырывает из меня самые потаенные эмоции, я мгновенно разворачиваюсь и обнимаю его, плача. Снова.

— Лучше бы это были слезы счастья.

Уткнувшись лицом ему в шею, я киваю и всхлипываю.

— Ты похудела. Не думаю, что тебе нужно было сбрасывать вес.

Он отпускает меня, и я быстро вытираю лицо. Я знаю, что его беспокойство искреннее. Он наблюдал, как худела Сьюзи до ее последнего вздоха.

— Кругосветное путешествие, пеший туризм, плавание, катание на байдарках... это немного больше физических нагрузок, чем уборка дома и посещение тренажерного зала по часу несколько раз в неделю, — объясняю я.

Он закрывает за нами дверь, а я пробираюсь в его номер, в котором только кровать, письменный стол и одинокое кресло у окна.

— За бранчем я съем еды на несколько дней, если тебе от этого полегчает, но... — я подхожу к окну, поворачиваюсь и засовываю руки в передние карманы джинсов, пока Зак натягивает футболку, — ...физически я никогда не чувствовала себя лучше. Много витамина D.

Легкая улыбка касается его губ.

— Ты очень загорела. От этого твои волосы кажутся белыми.

Я хмурюсь.

— Они выгорели на солнце.

— Тебе очень идет. *Ты* хорошо выглядишь.

Знакомый румянец заливал мои щеки.

— Спасибо. Как и ты. Тридцать четыре тебе к лицу. Кстати, с днем рождения.

Зак смотрит на часы на тумбочке и кивает.

— Какой отличный подарок на день рождения. — Он возвращает свое внимание ко мне.

— Я говорила Лии, что приходить сюда посреди ночи — глупая идея.

Я пожимаю плечами, потому что не знаю, что сказать или сделать дальше. Мы в гостиничном номере после полуночи, и ситуация быстро становится неловкой.

— Хочешь, посмотрим телевизор? — Он указывает на экран.

— Конечно.

Зак плюхается на кровать, прислоняется к изголовью и включает телевизор.

Я опускаюсь в кресло.

Он усмехается.

— Оттуда не видно телевизора. Садись рядом со мной.

— Все в порядке. Я просто немного его подвину. — Пытаюсь сдвинуть кресло, но оно плохо скользит по ковру.

— Я не кусаюсь.

Я обращаю взгляд на него и стреляю в него улыбкой, которая соответствует моему беспокойству.

— Я знаю. — Бросив сражаться с креслом, сажусь с другой стороны кровати и скидываю ботинки, прежде чем вытянуть ноги и прислониться к изголовью кровати рядом с ним.

— Хочу услышать все о твоих путешествиях. — Он включает круглосуточный новостной канал.

— Я рассказала тебе все в наших телефонных разговорах и в сообщениях, — смеюсь я.

— Ты говорила, что у Лии новый парень в каждой стране, но ты никогда не рассказываешь о своей... общественной жизни. — Он переключает каналы, не сводя глаз с телевизора.

— Боюсь, я взялась не за ту работу для поисков мужа... э-э... настоящего... или... ну, ты понимаешь, о чем я. Трудно найти что-то большее, чем случайные связи, когда не задерживаешься надолго в одном месте.

Несколько секунд он молчит, затем медленно выдыхает.

— Ты молода. Мне кажется, *суть* твоего возраста — путешествовать по миру и заводить случайные связи. Я так и делал.

Я даю его... совету? Признанию? Что бы это ни было, я даю ему минуту, чтобы сформулировать ответ.

— Не то чтобы в моих привычках встречаться со случайными парнями. Я еще не решила, мое ли это. Что странно, потому что это единственное, что я узнала от матери, когда росла. Так что, если в моем возрасте ты вел себя как мужчина-шлюха... — Я пожимаю плечами и ухмыляюсь. — Это на твоей совести, Закари.

— Серьезно? — Он поворачивает голову, бросая на меня прищуренный взгляд. — Мужчина-шлюха? И это твое оправдание?

Быстро кошусь на него, прежде чем вновь обратить внимание на телевизор, скрестив руки на груди.

— Если принимаешь на свой счет...

— Не принимаю. Шлюха — это человек, которому платят за секс. Мне никогда не платили за секс. Если ты ни с кем не заводишь интрижек, потому что не знаешь расценок, тогда, я думаю, стоит это обсудить.

— Замолчи, — я ухмыляюсь. — Все не так.

Поднявшись с кровати, направляюсь к мини-бару.

— Это не бесплатно, — предупреждает он.

Я пожимаю плечами.

— Бесплатно, раз номер не на мое имя. — Я откручиваю горлышко бутылочки красного вина и выпиваю половину, а глаза Зака расширяются с каждым глотком, который я делаю. — Что тебе предложить?

— Я в порядке. Я слишком много выпил раньше со своим экипажем.

Я киваю и делаю еще глоток вина.

— Разве ты не пила с Лией? Ты сказала, она пьяна.

Почувствовав уверенность, что новая порция храбрости вот-вот достигнет моих вен, я ставлю бутылочку на стол и сажусь на край кровати.

— Я пила вино.

Он кивает на бутылочку.

— Но это лучше?

Смеюсь, качаю головой.

— Нет. На вкус полное дерьмо.

Зак усмехается, и я чувствую этот звук у себя в животе.

— Тогда зачем пьешь?

— Потому что должна уйти, но я пробыла здесь так недолго, что если уйду сейчас, то вся моя ночная поездка сюда превратится в абсолютное безумие. — Выпитая порция храбрости проникает в кровь с неслыханной скоростью. Часть потаенных мыслей я уже озвучиваю.

— И ты ждешь своего часа, попивая дерьмовое вино?

— Нет. Я надеюсь скоро вырубиться и избежать неловкого ухода. Когда это произойдет, просто подложи мне под голову подушку. Меня устроит и место на полу.

— Эмерсин, даже если ты уйдешь сейчас, я все равно рад твоему визиту. Ничего безумного в том, что ты пришла, нет.

Резко кивнув, я медленно тяну:

— Ла-а-адно. А... что, если я не уйду? Это будет безумно?

— Я... — Он медленно пожимает одним плечом. — Не уверен, что «безумно» — подходящее слово.

Зевнув, я волочу ноги к кровати. Мной выпито идеальное количество вина, чтобы просто... лечь и не чувствовать вины за свой визит сюда.

— Зак, я устала, — бормочу я, закрывая глаза. — И я скучала по тебе, — произношу на тон нежнее, когда по телу разливается тепло от выпитого алкоголя. — Я скучала... — балансируя на грани сна, говорю едва связно, — ...по своему мужу.

Перекатившись на бок, лицом к нему, чуть приоткрываю веки, а Зак соскальзывает вниз и поворачивается ко мне боком. Он молчит. На самом деле ничего говорить и не нужно. Мы двое друзей, преодолевающих стадии горя и находящих утешение в дружбе. Простой... дружбе.

К сожалению, недопитая бутылочка вина пересиливает мое молчание.

— Сьюзи хотела этого... — шепчу я.

Зак молчит, с непроницаемым выражением лица и проникновенным взглядом, обращенным на меня.

— Она хотела, чтобы я заботилась о тебе. — Мои ресницы трепещут, когда я приближаюсь к его лицу.

Зак не моргает. Ни разу. Не двигается. Я даже не уверена, что он дышит.

— Мне нравится заботиться о тебе. Но мне ненавистно... ненавистно скучать по тебе. — Я едва слышу собственный голос. Не уверена, эти слова звучат в моей голове или я произношу их вслух. — Ты такой хороший.

Вино дает мне храбрости преодолеть последние два дюйма и прижаться губами к его губам. Это не настоящий поцелуй, потому что ни один из нас не двигает губами или другими частями тела, если уж на то пошло. Я закрываю глаза и впадаю в состояние сна.

Утром Зака нет. Его чемодан здесь, но самого его нет. Ни записки. Ни сообщения на моем телефоне. Может, он решил позавтракать без меня. Когда я сижу на краю кровати и тру голову, ко мне возвращается воспоминание.

Я его поцеловала. Вроде как. Что это вообще было? Я прижалась губами к его губам. Это ведь поцелуй? Меньше того, что был на нашей свадьбе — нашей церемонии бракосочетания, — но больше, чем если бы я вообще не пускала свои губы в ход.

Если бы вместо того, чтобы открывать вино из мини-бара, я покинула отель.

Если бы осталась в хостеле.

Если бы не влюбилась в мужа моей подруги.

Если бы не влюбилась в *своего* мужа.

— Дерьмо.

Соскочив с кровати, засовываю ноги в ботинки, хватаю телефон и бегу к двери, прежде чем он успеет вернуться... откуда угодно.

Я поцеловала его.

ДЕРЬМО!

Я поцеловала его, и это было глупо.

Способ разрушить брак, поцеловав своего мужа.

Я распахиваю дверь, и мой побег остановлен высоким и потным Закари Хейсом: футболка, накинутая на обнаженные плечи, шорты сидят очень низко на бедрах, а кроссовки всего в нескольких дюймах от носков моих коричневых ботинок.

— Торопишься куда-то? — спрашивает он.

— Хм... я... я не была уверена, куда ты ушел, и знаю, что этой ночью у тебя вылет, и, вероятно, я не давала тебе спать своим храпом. Так что...

Без понятия, храплю я или нет, и уверена, он прекрасно знает, что я отчаянно спасаю свой зад, потому что **Я ЕГО ПОЦЕЛОВАЛА!**

— Хочу сказать... нам, наверное, не нужно идти на поздний завтрак. То есть... мы ведь повидались, и я уверена, что это не последний раз, когда мы встретимся снова. Я права?

Он ухмыляется.

— Я прощаю тебя за то, что ты меня поцеловала. Теперь мы можем позавтракать вдесять и забыть о дерьмовом вине из мини-бара и ничего не значащей ошибке?

Мои губы приоткрываются, а челюсть медленно опускается до пола. Я не знаю, что ответить.

Прощает меня?

Ничего не значащая ошибка?

Мне срочно нужен новый муж.

Кого я обманываю? Зак не мой муж. Он муж Сьюзи. Для них я как приемный ребенок. Только они не могли удочерить двадцатитрехлетнюю девицу, поэтому Зак женился на мне, чтобы обеспечить медицинской страховкой, что очень смахивает на незаконное или мошенническое удочерение взрослой девушки.

И, может, мне не нужен муж, настоящий или фиктивный. Может, мне нужна *ничего не значащая ошибка*, которая не требует извинений и не ощущается как настоящая ошибка.

— Ага, — шепчу я, перебинтовывая свое раненое сердце и пряча его подальше от Зака. — Мы можем пойти на бранч. И я признательна за твое прощение. Я вообще не думала. Это все дурацкое вино.

Его ухмылка превращается в полноценную улыбку. Не могу сказать, искренняя она или нет, потому что слишком сосредоточена на своей фальшивой реакции на его слова. Я слишком сосредоточена на том, чтобы найти самый быстрый способ переспать буквально с любым приличным одиноким парнем, чтобы мой затуманенный иллюзиями разум мог снова синхронизироваться с реальностью.

— Ты говорила бессвязно. Много бормотала. Ты была не в себе. Встретимся внизу?

Я медленно киваю.

— Конечно. Я э-э... подожду тебя в буфете.

— Звучит отлично.

Глава 24
Зак

Правила.

Протокол.

Руководство.

Мне нужно хоть что-то.

Принимая решение подписаться на этот рейс в Сидней, я почти не раздумывал. После нескольких месяцев наблюдения за публикациями Эмерсин в социальных сетях мне нужно было ее увидеть. *Увидеть* ее лично.

Почему? Ну, я все еще пытаюсь это понять.

Теперь я ее увидел. Теперь я знаю, как ощущаются ее губы на моих губах. Но я прибыл сюда не за этим. И испытываю необходимость извиниться перед Сюзанной. Это глупо, но чувства свободны от какой бы то ни было причины или оправдания.

Эмерсин выпила слишком много вина.

Болтала всякую ерунду.

Я был уставшим.

Она — в смятении.

Конец истории.

Никакой неловкости не должно быть. Может, я напросился на этот рейс, потому что близость к Эмерсин заставляет меня чувствовать себя ближе к Сюзанне. Но не думаю, что дело только в этом. Я полетел этим рейсом по той же причине, по которой Сюзанна не могла насытиться присутствием Эмерсин — она не смотрит на меня как на парня, потерявшего жену.

Также Эмерсин не смотрела на Сюзанну, как на женщину, умирающую от рака.

Я до сих пор не понимал всей важности этого чувства.

Значит... я улетел на другой конец Земли, чтобы снова почувствовать себя живым? Похоже на самое честное объяснение.

После того, как я выхожу из душа, приходит сообщение от Эмерсин.

Не успеваю на бранч. Лия запланировала тур. С днем рождения. Безопасного полета домой.

Прочитав три раза, борюсь с разочарованием. Мы так и не попрощались. В следующую секунду набираю ее номер.

— Привет! — ее ответ звучит взволнованно, возможно, даже немного удивленно моим звонком.

— Привет. Тур в последнюю минуту? — спрашиваю я.

— Ага. Мне очень жаль. Лии тоже.

— Во сколько вы закончите? Мы не успели попрощаться.

Долгая пауза.

— Эм?

Она прочищает горло.

— К сожалению, поздно. И у нас с Лией есть планы на вечер. Она знакомит меня с другом друга. Свидание. Это хорошо. Верно?

Очередная пауза заполняет линию на несколько секунд.

— Конечно. Это хорошо. Будь осторожна. Поступай умно.

— Ага, — говорит она отрывисто.

— Эм?

— М-м-м?

— Ты счастлива?

Ее молчание кажется более честным, чем ее следующие слова.

— Да, Зак. Я счастлива. Никогда в жизни я не была счастливее.

— Я рад. Мне нужно было это услышать. Дай мне знать, когда решишь, куда вы направитесь дальше. Может, мы еще встретимся.

— Конечно.

— Пока, Эм.

— Пока, — шепчет она.

Несколько секунд я смотрю на экран телефона, прежде чем отбросить его в сторону и натянуть футболку. Плюхнувшись на край кровати, опускаю голову, резко выдыхаю и закрываю глаза. Женитьба на Эмерсин не должна была быть ничем иным, как подарком в виде страховки и дешевых авиабилетов.

Правильный поступок по правильной причине.

И все же я здесь... дуюсь в номере отеля в Австралии, потому что у меня есть жена, которая не Сюзанна. Жена, чье счастье не входит в мои обязанности.

Мне очень, *очень* нужно перестать думать о слове «жена», когда я думаю об Эмерсин.

Другая жена.

Другие чувства.

Другие мысли.

Эмерсин

Стоя в углу вестибюля хостела по соседству с тропическим растением, я смотрю на экран телефона. Зак казался слишком обеспокоенным или что-то в этом роде. Боже. Я ненавижу это. Слишком поздно. Мне не нужен отец. И он не мой муж, даже если штат Джорджия считает иначе. Заку нужно, чтобы я была счастлива. Я слышу это в его голосе — напряженность, намек на агонию. Сьюзи попросила меня присматривать за ним.

Что я и делаю.

Он дал мне шанс на новую жизнь. Взамен я дам ему душевное спокойствие.

Я не солгала, не совсем. Я счастлива, но это также доказывает, насколько дерьмовой была моя жизнь, потому что *нынешний период* мучений в упомянутой жизни — самый счастливый, что у меня когда-либо был.

— Забежала перед бранчем? — Лия в зеленой маске для лица отрывается от экрана ноутбука.

— Он не раньше десяти. И мне нужно в душ. Но я не собираюсь на бранч.

— Почему? Что случилось? То есть... ты провела с ним ночь. Это ведь хорошо, да?

— Если под «провела с ним ночь» ты имеешь в виду, что я перепила вина из мини-бара, наболтала лишнего, прижалась губами к его губам в либо ненастоящем поцелуе, либо худшем во все века, а потом вырубилась от усталости и большого количества алкоголя... тогда, да. Я провела с ним ночь. Было ли это хорошо? Нет. Это было неловко. А утром он полностью отверг произошедшее. Обвинил в поцелуе — или чем там он был — вино и назвал его ничего не значащей ошибкой. Но он меня «прощает», так что все хорошо.

Я беру свои туалетные принадлежности и открываю дверь, чтобы пойти в душ.

— Я не могу снова с ним увидеться. Может, через три месяца... или через три года. Но хочешь хорошие новости? — Оглянувшись через плечо, я улыбаюсь. — Я с тобой согласна... мне нужен член, который не имеет отношения к мужу моей покойной лучшей подруги. Мне нужен член без всяких условий. Мне нужен...

— Австралийский член, — Лия ухмыляется.

Я киваю.

— Да. Австралийский член. Думаю, кто-нибудь грубый и уверенный, но не слишком прилипчивый. Профессионал... но не за деньги. Я не плачу за член.

Лия хихикает, а я ухожу в душ. К сожалению, никакое количество воды не может смыть смущение и полное отвращение к моим действиям прошлой ночью... сегодняшним утром... ай, неважно.

Однажды я подпустила парня сзади, чтобы принять душ. Что по сравнению с этим секс на одну ночь, чтобы отвлечься от Зака? Я могу заниматься ничего не значащим сексом. Может, после такого трагического переживания из-за Сьюзи и

Зака мне нужно больше чего-то ничего не значащего.

Большую часть дня мы проводим в долине Хантер, устраивая семейную фотосессию на винограднике для пары и двух их дочерей, с которыми Лия познакомилась в социальных сетях более года назад. После фотосессии мы выпиваем больше вина, чем полагается, набиваем желудки одними из вкуснейших блюд, которые я когда-либо пробовала, наблюдаем за кенгуру в дикой природе и возвращаемся обратно в Сидней.

— Я так рада, что ты на это решилась. — Лия пытается завить мои жиденькие волосы

широкой плойкой.

— На это?

— Идеальный ответ на безответную любовь — напомнить своему телу, что хороший оргазм не требует глубоких эмоций.

— Фотограф и философ. И это не любовь. Это просто... чувства.

Лия хихикает.

— *Чувства...* как скажешь.

Я надеваю свою версию маленького черного платья, которое на самом деле представляет собой мини-платье мандаринового цвета с широкими бретельками и завязками сзади.

Одно платье. Это все, что я себе позволила взять, так как мне требовалось уместить все свои вещи в один чемодан. Моя любовь к моде отвергала идею одного чемодана. Одеваться в одни и те же пять нарядов? Брррр.

Сьюзи бы поняла.

Друзья Лии встречаются нас в баре недалеко от хостела. Ной и Миа разрешили Лии переночевать на их диване в ее последний визит в Сидней. Она познакомилась с ними через социальные сети и слепо поверила, что они не собираются ее убивать. Если бы я не жила в своей машине, слепо веря, что никто меня не убьет, я отнеслась бы к этому более осуждающе.

— Вот они, — шепчет Лия, поправляя свою версию маленького черного платья-миди с открытыми плечами из очень прозрачной ярко-розовой цветочной ткани. Лучшие друзья Ноя, Питер и Мартин, партнеры архитектурной фирмы, неторопливо направляются к нашему столику. Темно-русые волосы и самые сексуальные улыбки делают их похожими на братьев.

— К твоему сведению, с одним из них я переспала.

Я отрываю взгляд от горячих парней, идущих к нам, и пригвождаю его к нарисованной улыбке Лии.

— Что? С кем? — в отчаянии спрашиваю я, когда парни сокращают расстояние до нашего столика.

— Не скажу, потому что хочу, чтобы сегодня право первого выбора принадлежало тебе. Меня устроит любой.

— Что? — шепчу я. — Нет. Ты должна мне сказать.

Лия вращает сомкнутыми пальцами у губ, будто поворачивает ключ в замочной скважине. Это не игра. Я не хочу быть с тем же парнем, с которым она переспала во время своего последнего визита. Когда они приближаются к столику, я вынужденно улыбаюсь, будто не предполагаю секс решенным делом.

А они?

Сказала ли Лия Ною и Мии, что мне нужна интрижка?

Пока Ной встает, чтобы поприветствовать их мужскими объятиями, я ищу любые признаки того, что кто-то из парней смотрит на Лию взглядом «эй, я помню тебя, у нас был секс».

Улыбка чуть шире.

Еле заметное подмигивание.

Блуждающий взгляд.

Что угодно!

Я обречена. Оба мужчины приветствуют Лию, как обычную знакомую, — что,

очевидно, так и есть, — и ни один из них не выказывает даже малейшего признака на большее. Может, она солгала. Может, она не занималась сексом ни с одним из них, *или*, может, она занималась сексом с ними обоими.

Одновременно.

Нет.

Ну, возможно. В смысле... почему бы и нет?

Если бы я была Лией, я бы использовала каждую возможность, которая мне предоставлялась. Подождите...

Я — Лия.

Одинокая. *Условно*.

Молодая.

Свободная.

Рисковая.

А мой муж влюблен в воспоминания. И с этими воспоминаниями я не могу конкурировать.

— Привет. — Я улыбаюсь, выпрыгивая из терпящего крушение поезда мыслей в моей голове.

Ной представляет всех друг другу. Питер и Мартин уделяют мне равное внимание, что и Лии. Может, не важно, спала ли она с одним из них или даже с обоими.

В течение следующих двух часов я позволяю Заку исчезнуть из моих мыслей с помощью милого Зинфанделя (*прим.: Зинфандель, или Примитиво — сорт черного винограда, используемый для производства красных вин*).

Большого количества Зинфанделя. Слишком большого, если честно.

— Привет, — говорит Питер, когда я натыкаюсь на него после второго похода в дамскую комнату.

Вроде бы, это Питер. Почему они должны быть так похожи? Вероятно, это все Зинфандель.

— Привет, — отвечаю я, когда мой взгляд вяло скользит по его лицу.

— Я живу недалеко отсюда. — Он кладет руки мне на бедра.

Физическая потребность заставляет меня прильнуть к нему; это некрасиво. Он не скрывает своих намерений, не предлагает прогуляться (не то чтобы я была способна на прогулку).

Или выпить кофе, чтобы протрезветь.

Или выпить чай и поделиться жизненными целями.

Мой разум хочет вернуться к Заку, но я не позволяю ему снова скатиться в яму саморазрушения.

— Мне нужно предупредить Лию, что я ухожу.

Он кивает, изображая торжествующую ухмылку.

Попрощавшись с Лией и всеми остальными за столом, я позволяю Питеру... или Мартину... взять меня за руку и повести к выходу.

К его машине.

В его квартиру.

В его спальню.

И я позволяю остальному миру исчезнуть на некоторое время.

— Мне не помешал бы завтрак перед следующим раундом. А тебе? — Он с голой

задницей неторопливо удаляется из спальни.

— Конечно, — бормочу я перед тем, как заснуть.

Мне никакого завтрака не надо.

Глава 25 Эмерсон

Малайзия. #приключение #обожаю

Я знаю, что Зак увидит мой пост в Инстаграм, поэтому позволяю публикации сообщить ему о прибытии в новое место.

С момента нашей встречи прошло три недели. Три недели с тех пор, как мы разговаривали или переписывались. Он комментирует мои публикации в социальных сетях, но больше никаких личных контактов.

Не то чтобы я надеялась, что он здесь, в Куала-Лумпуре, но я бы не стала жаловаться. Его нелегко забыть... не то чтобы я этого хотела. Просто было бы здорово провести больше нескольких часов без мыслей о нем.

Когда Зак не сразу отвечает на мой последний пост, предполагаю, что он в полете или спит.

— Зак? — спрашивает Лия, пока мы тащимся с чемоданами в метро.

— Ага. Нет. — Я смеюсь. — Инстаграм. А косвенно — Зак. Подумала, что с моей стороны было бы любезно известить его, что я больше не в Австралии. Он попросил сообщать ему, куда я направляюсь.

— Как мило с твоей стороны.

— Что ты этим хочешь сказать?

Смотрю на нее, сузив глаза, когда мы находим место рядом с пожилой парой, которая обменивается с нами приветливыми улыбками.

Лия пожимает плечами.

— Только то, что ты ужасно мила с парнем, который не испытывает к тебе тех же чувств.

— Я не знаю, что он испытывает. — Я отвожу взгляд к окну. — И ты не знаешь, что испытываю я. У меня не возникло проблем в общении с Мартином.

— Питером, — поправляет она меня.

Я вздрагиваю. *Питером Мартином.*

— Хочу сказать... что проявляю дружелюбие. Я важна ему по-своему, а когда люди тебе важны, тебе бы хотелось знать, что они в безопасности. К сожалению, Зак единственный, кого волнует мое местонахождение. Вот почему я дала тебе его данные в качестве контактного лица на случай чрезвычайной ситуации.

— *Говоришь так, будто мне на тебя плевать.*

Я закатываю глаза.

— Прости. Присутствующая компания исключена. И я всего лишь запостила фото о своем прибытии в Малайзию. — Я показываю ей экран телефона, чтобы она могла увидеть пост. — Я не поставила #СкучаюПоЗаку. Не отправила ему сообщение о том, что не могу перестать думать о том, каково было бы ощущать на себе его обнаженное тело.

Джентльмен рядом с нами откашливается. Должно быть, он понимает по-английски. Я посылаю ему извиняющуюся улыбку.

Лия ухмыляется и понижает голос.

— Бог мой. — Ее идеально накрашенные брови скользят вверх по лбу. — Ты такого *не говорила*, но ты об этом думаешь.

— Нет.

— Да, — настаивает она.

Я хихикаю.

— Нет. А даже если бы и думала, то это должно быть... — Мой здравый смысл берет власть над болтливым языком.

— Что должно быть?

— Ничего. — Я качаю головой.

— Не ничего. Ты чего-то не договариваешь. Но что именно? — Лия наклоняется вперед, оказываясь со мной лицом к лицу. Взгляд отводить больше некуда.

Сжав губы, я вступаю в безмолвную игру, кто моргнет первым. Обычно я в ней хороша. Вот как мне удавалось так долго хранить свой секрет о статусе бездомной. Но я, правда, не хочу скрывать это от Лии. Кроме Зака, у меня нет других друзей. Но ему я такого сказать не могу, а мне нужно выговориться хоть кому-то, прежде чем я сойду с ума.

Поэтому я моргаю первой.

— Для меня должно быть нормально думать о Заке все, что угодно.

Глаза Лии слегка сужаются, любопытство проявляет морщинки на ее лбу.

— Потому что он мой муж.

Морщинки со лба исчезают, и ее замешательство сменяется пустым выражением, будто ее сердце перестало биться... будто от моих слов все эмоции и связанные мысли пропали.

— Что, прости? — шепчет она.

— По закону. — Я испытываю необходимость дополнить новость.

— А бывает как-то по-другому? — Ее замешательство возвращается, и она склоняет голову в сторону.

Я хмурюсь.

— К сожалению, да.

— Эм... я запуталась.

Мы доезжаем до нашей остановки, и я киваю в сторону выхода. Я бы предпочла не признаваться в своем правовом проступке в присутствии англоязычных людей, вроде той пожилой пары.

— Он женился на мне, чтобы я могла получить его медицинскую страховку.

Лия смеется.

— Это безумие, Эмерсин.

— Вовсе нет, — бормочу я. — Мне она нужна.

— Эм, я несколько лет жила без страховки. Если ты молода и здорова, шансы на то, что она тебе понадобится, невелики, если только с тобой не случится несчастный случай. А

тогда ты, вероятно, все равно умрешь. Так что, к черту больницы.

Мы вливаемся в поток пешеходов и направляемся к нашему хостелу.

— У меня незначительный недуг. Он не столь важен. И я принимаю лекарства.

— Ты говорила, что каждый день принимаешь витамины. Что у тебя за недуг? Я спрашивала, есть ли у тебя проблемы со здоровьем, которые могут помешать путешествиям.

— Он под контролем и явно ничему не мешает.

Лия вздыхает.

— Это рак?

— Нет. — Я смеюсь. — Я бы не назвала рак незначительным недугом.

— Ты удивишься, узнав, сколько людей, вычеркивая кучу дерьма из своего списка желаний, называли рак незначительным недугом.

— У меня эпилепсия.

— Иисусе...

— Нет. — Я снова смеюсь. — Не Иисусе. Иисусе — это ответ раку. Отстой — вот реакция на эпилепсию.

— Значит, в любой момент ты можешь рухнуть на землю в конвульсиях?

— Я принимаю лекарства. Такого не должно случиться.

— Но если случится... что мне делать?

— Сохранять спокойствие. Приступ закончится, и я приду в норму. — Если только не поранюсь, например, упав на полки открытой посудомоечной машины.

— Просто не надо. Пожалуйста, не делай этого, — просит она.

— Не буду. — Я смеюсь.

— И... Зак женился на тебе, чтобы у тебя была страховка. Это...

— Мошенничество?

Она смеется.

— Ну, да, но я собиралась сказать «невероятно великодушно».

— Согласна. Он шокировал меня, когда предложил это. Мне потребовалось некоторое время на раздумья, но потом я согласилась. Как-никак, у нас со Сьюзи были такие близкие отношения, и Зак начал предложение с того, что это был, в основном, акт благотворительности. Официальный брак, но не настоящий, без эмоций и...

— Секса?

Я ухмыляюсь.

— Именно. Хочу сказать, если бы он на законных основаниях попросил меня выйти за него замуж... по-настоящему... я бы не согласилась. Так что меня не разочаровало то, что предложение руки и сердца было не настоящим. Меня разочаровало то, что мое первое предложение руки и сердца было таким. Меня разочаровало то, что мой первый брак состоялся в здании суда. Меня разочаровало то, что через пять минут после того, как я сказала «да», мой муж отправился к стоматологу на плановый прием.

Я делаю продолжительный выдох.

— Только после свадьбы, пожив вместе как муж и жена — ну, не совсем как муж и жена, — я поняла, что на самом деле влюблена в своего мужа.

Лия указывает на белое двухэтажное здание справа от нас.

— И... тебе разрешено встречаться с кем угодно и когда угодно?

Следуя за ней к главному входу в хостел, я киваю.

— Да. Я ищу работу с льготами или мужа с... ну... — я смеюсь, — ...с льготами.

Как только мы заходим в хостел, она поворачивается ко мне и, понизив голос, говорит:

— Но ты любишь Зака.

Моя улыбка исчезает, когда я подтверждаю плохие новости.

— Я люблю Зака.

— Ой. — Она морщит носик.

Я медленно киваю.

— Ага. Ой.

Когда Лия нас регистрирует, мой телефон вибрирует от пришедшего сообщения.

Зак: Малайзия потрясающая. Я немного завидую. Я был там только раз.

Эм: Если ты в Куала-Лумпуре, просто скажи мне об этом сейчас.

Зак: Лол, извини. Я в Детройте, жду, когда стихнет буря. Похоже, к полудню небо может проясниться.

Эм: Ты недавно навещал нашу девушку?

Зак: Конечно.

Эм: Тюльпаны цвета фуксии?

Зак: Конечно.

Эм: Прошел почти год с тех пор, как вы меня наняли.

Зак: Знаю. Как быстро летит время.

Эм: В отличие от тебя сегодня.

Зак: Туше.

Я смотрю на экран. От быстроты его ответов, мне кажется, что он намного ближе, чем есть на самом деле. За полмира отсюда. И он мог бы лайкнуть мой пост или написать какую-нибудь общую фразу в комментарии, но вместо этого пишет мне лично. Все снова кажется немного более нормальным.

Эм: Мы только что зарегистрировались в хостеле. Мне пора. Безопасного полета.

Зак: Когда собираешься вернуться домой?

Я морщусь, желая прочувствовать его слова, эмоции, контекст.

Эм: Гарри Паутер соскучился по мне? Я по нему скучаю.

Зак: Да, и он тоже. Счастливый кот.

Он тоже. Зак скучает по мне? Может, в доме нужно убратсья. Может, он скучает по моей стряпне. Может, он скучает по тому, как я редактирую фотографии, как я скучаю по тому, как он играет на гитаре и поет за рулем. Может, это нечто большее. Я подавляю эту мысль, пока она не вырвалась из-под контроля.

Эм: Не знаю, когда Лия собирается возвращаться. Она не очень хороша в планировании.

Зак: Дома все хорошо. Не торопись. Береги себя.

Я нажимаю на смайлик с поцелуем. Потом удаляю. Печатаю XO. И это удаляю. У меня миллион невысказанных чувств к Заку, которыми я не могу поделиться... даже с помощью смайлика. На мой взгляд, они покажутся ему более, чем просто дружескими. Поцелуй в гостиничном номере выдал меня с головой. Я позволила Заку увидеть то, что не должна была позволять увидеть. Сунув телефон в карман, я решила оставить последнее слово за ним.

Глава 26 Эмерсон

Жизнь с Лией включает в себя прогулки по пляжам и туры по захватывающим дух пейзажам, прямые эфиры в социальных сетях, редактирование фотографий, феноменальную еду и изысканное вино. Все великолепно... в основном, великолепно.

— Ты в порядке? — Лия пугает меня, когда я расчесываю волосы и подумываю спросить ее о планах вернуться в Штаты. Но мы здесь уже неделю, и я не готова ничего портить.

— Э... да. — Я улыбаюсь и бросаю расческу в сумочку.

— Готова к ужину? — Она поправляет волосы, глядя в зеркало в золотой раме над раковиной, пока я беру сумочку.

— Определенно.

— К нам присоединятся Леон и Андре.

— Да? — Я не ожидала, что это будет вечеринка с парнями. Не уверена, что смогу, как Лия, иметь Питера Мартина в каждом пункте назначения.

— Да. — Она смотрит на меня в зеркало и улыбается. — Тебе не нужно ни с кем спать. Теперь, когда я знаю, что ты замужем, мне меньше нравится быть твоим сутенером.

— А я теперь, узнав, что ты считала себя моим сутенером, чувствую немного меньше энтузиазма по поводу того, чтобы быть твоим сотрудником.

Лия хихикает и поворачивается ко мне.

— Живи сегодняшним вечером. Завтра мы можем умереть.

Мои глаза расширяются, я поджимаю губы и мычу.

— Не знала, что смерть в пункте нашего маршрута.

— Мне сказали, что от посадки в аэропорту Мулу немного... замирает сердечко. Или это, или сплав на лодке по реке через джунгли, кишашие змеями. И к твоему сведению... если бы я была здесь одна, то выбрала бы лодку. Так что не говори, что я ничего для тебя не делаю.

Она подмигивает.

Не уверена, следует ли обижаться на то, что она считает меня не способной справиться со змеями, или поблагодарить ее, потому что... я не способна справиться со змеями!

Если мне предстоит умереть за границей, что может быть лучше национального парка Гунунг Мулу.

Пещеры.

Вертикальные скалы.

Ущелья.

И да... змеи.

Даже не возвращайте мое тело домой. Найдите древнее захоронение и упокойте меня там.

— Леон и Андре пригласили нас или ты пригласила их?

Ее сверкающие блеском губы в раздумьях кривятся в сторону.

— Не уверена, может, и то, и другое. Это просто всплыло в разговоре, пока ты принимала душ.

Леон и Андре тоже остановились в хостеле. Кузены из Франции, которые неплохо говорят по-английски. Не то чтобы это имело значение, потому что Лия ухитряется говорить понемногу на каждом языке, с которым мы сталкивались до этого момента наших путешествий.

— Но *если* ты снова решишь изменить своему мужу, просто знай, что я немного равнодушна к Андре.

— Смешно. Но можешь забирать себе обоих. И, кстати, мой муж хочет, чтобы я ему изменяла. Он хочет, чтобы я нашла ему замену.

Улыбка Лии сменяется хмурым взглядом.

— Это душераздирающе.

— Это не душераздирающе. Это жизнь. Пойдем.

В конце концов, мы наслаждаемся вечером с Андре и Леоном. Их семья владеет пекарней в Бордо. Андре специализируется на декорировании тортов, а Леон ведет бухгалтерию.

— Мы должны посетить Бордо в нашем европейском турне, — предлагает Лия после ужина, как только мы бросаем сумочки на пол и падаем на кровати.

— Думаю, да? — говорю я с некоторой опаской, гадая, когда начнется это европейское турне? До или после возвращения в США?

— Определенно, — сонно бормочет она.

— Хорошо, — шепчу я.

Ужин с Леоном и Андре во вторник приводит к ужину с ними в пятницу, где мы рассказываем им о нашей волнующей поездке в национальный парк Гунунг Мулу.

Субботний бранч.

Воскресный завтрак.

И мы официально завели новых друзей на всю жизнь в лице Леона и Андре. Преимущество проживания в хостелах. Меньше личного пространства — больше друзей. Воскресным вечером мы идем праздновать день рождения Леона.

— Мне хватит. — Я качаю головой, когда Андре заказывает еще одну порцию шотов. У меня имелся свой предел.

— Последний, любовь моя. Обещаю. — Андре неотразимо подмигивает мне, и я пью до дна.

Пока мы расплачиваемся в баре, мой телефон светится от звонка Зака — его красивое лицо на моем экране.

— Зак звонит. — Я встаю, чтобы найти менее шумное место.

— Кто такой Зак? — спрашивает Леон.

Лия хихикает.

— Ее муж.

Во мне достаточно алкоголя, чтобы не злиться на нее. В конце концов, кому Леон и Андре расскажут? Семье Зака? Налоговой?

— Мы не консумировали брак.

Я закатываю глаза, оставляя Андре и Леона с Лией и еще одной порцией шотов, пока пробираюсь сквозь толпу к лестнице шикарного бара на крыше.

— Алло? — Мне ничего не слышно. — Секундочку...

На первом этаже гремит музыка, а свет — это яркое безумие для моей головы.

— Ты меня слышишь?

— Эмерсин?

— Я в баре, — кричу я. — Сейчас выйду наружу.

Я проталкиваюсь мимо сбившихся в небольшие кучки компаний, танцующих людей и пар, ощупывающих друг друга.

Моя голова.

— Эмерсин?

— Подожд... — Я чувствую легкую тошноту и головокружение... сильное головокружение.

Потом... ничего.

— Привет, Эм. — Это Лия.

— Что произошло? — Я вздрагиваю, пытаюсь поднять голову.

Позади меня что-то пищит. Я в больнице.

— У тебя случился припадок... — она сжимает мою руку, — ...прошлой ночью в баре.

Она хмурится, и я знаю, о чем она думает. О причине, по которой не должна была меня нанимать.

— Голова. — Я тянусь ко лбу.

— Тебе пришлось наложить несколько швов. В момент падения ты ударилась обо что-то головой. К счастью, сотрясения мозга нет. Не волнуйся, медсестра сказала, что волосы на ране снова отрастут. Возможно, тебе пока придется ходить с хвостиком или шляпой. С этим у тебя проблем не возникнет.

— Отлично, — бормочу я. — Лия... я...

Она качает головой.

— Слишком поздно. Теперь мы сестры. Я могу расстроиться из-за того, что ты не сказала мне об этом раньше, но тогда я, вероятно, тебя не наняла, и это было бы трагедией.

Мои глаза наполняются слезами.

— Слушай... — Она морщится. — Пока я сходила с ума после того, как поняла, что шум под баром вызван припадком моей подруги, Андре поднял с пола твой телефон, а Зак все еще оставался на линии. И...

Я закрываю глаза.

— Зак, — шепчу я.

— Ага. Он в пути. Должен приехать вскоре после твоей выписки, надеюсь, это случится завтра, если с тобой все будет в порядке.

— Как стыдно... — Я открываю глаза и вздыхаю.

— Я думала, что этого не произойдет. Ты сказала, что принимаешь лекарства.

Вина наполняет мою грудь. Я чувствую себя ужасно за *все*.

— Я... — Качаю головой. — Я напортачила. У меня закончились таблетки, и

единственным способом получить их было обратиться к врачу. Но я думала, что со мной все в порядке. Я просто... всегда думаю, что все в порядке, пока не доказываю обратное. Видимо, недосып, стресс из-за закончившихся таблеток и слишком много алкоголя оказали идеальный тройной эффект. Я должна была знать лучше. Мне... мне очень жаль. Я испортила Леону день рождения и всех унизила.

— Это *мне* очень жаль. Главное — ты в порядке. И не смей стыдиться. После того, как ты рассказала мне о своем состоянии, я должна была поинтересоваться о лекарствах. Здесь есть и моя доля ответственности.

Глядя в окно, на меня накатывает вторая волна вины.

— Зак летит сюда. Хотела бы я остановить его.

Лия садится рядом с моей кроватью.

— Правда, хотела бы? — Она наклоняет голову в сторону.

Я хочу вновь убедить ее в своих первоначальных чувствах относительно его прибытия сюда, но слова умирают, не успев достигнуть губ.

Глава 27 Эмерсон

После целого дня и еще одной ночи в больнице меня выписывают с новыми лекарствами и рекомендацией отдохнуть несколько дней. К ужину я просыпаюсь в полутемной комнате хостела и вижу возле кровати знакомый силуэт.

— Привет. — Зак сдержанно и устало улыбается мне.

Я облизываю пересохшие губы.

— Тебе не следовало приезжать. Я в порядке, — шепчу я.

— Я твой муж и контактное лицо на случай чрезвычайной ситуации. Я должен был приехать.

Я твой муж.

Каждый раз, когда я вижу Зака или слышу его голос после нашего расставания, в мою грудь будто врывается грузовик, разрушая стену, воздвигнутую вокруг моего сердца, чтобы держать эмоции под контролем.

— Держу пари, сейчас ты хочешь со мной развестись, — бормочу я, потянувшись, чтобы включить свет у кровати.

Зак отводит от меня взгляд, меж его бровей пролегает тонкая морщинка.

— Я этого не говорил.

— Тебе и не обязательно.

— Как думаешь, в чем причина твоего приступа?

Пожимаю плечом, и теперь уже я не могу смотреть на него.

— У меня эпилепсия. Со всеми вытекающими.

— Но этого не должно было произойти, если ты принимаешь лекарства... если следишь за своим здоровьем. — В данный момент он звучит слишком по-отечески.

— Ну... — Я сглатываю комок гнева и сожаления, застрявший в горле. — Полагаю, я виновата в том, что не слежу за своим здоровьем. Трудно стремиться к успеху и заботиться о себе. И трудно праздновать день рождения друга, не выпив пару рюмок.

Я закрываю глаза и отгоняю слезы.

— Тебе следовало обратиться к врачу здесь. Я бы заплатил.

— Я не хочу, чтобы ты за это платил! — Слова выходят немного резче, чем я намеревалась.

— Эм... — Он кладет руку мне на ногу. — Это единственная причина, по которой я женился на тебе.

Милое Сердечко, не слушай его. От этого ты лишь разобьешься на мелкие осколки.

Единственная причина. Я это знаю. Правда. Причина только в этом. И так будет всегда. Тем не менее, это не меняет моих чувств, как бы я ни хотела, чтобы реальность управляла моими эмоциями. Являются ли эмоции завышенных ожиданий менее настоящими, чем все остальные?

— Прости, — шепчу я. — Становится все труднее принимать твою щедрость, когда я ничего не отдаю тебе взамен. Живя в Атланте, я, по крайней мере, убирала твой дом и помогала готовить.

— Я же говорил, что включение тебя в мою страховку не повлияет на мою жизнь.

— Чувшь собачья. Ты в Малайзии. Если не знаешь, как далеко это от Атланты, позвольте я тебе подсказу. Это на другом конце земного шара. Не говори, что, женившись на мне, записавшись контактным лицом на случай чрезвычайной ситуации, став моим папиком в плане страховки и выплатив мои кредиты до последнего цента, *все это не влияет* на тебя. Ты здесь, а тебя здесь быть не должно. Ты не должен убирать за мной бардак моей жизни. У Эмерсин есть кот. Без проблем. Зак спешит на помощь. Эмерсин бездомная. Без проблем. Зак спешит на помощь. У Эмерсин гребаная эпилепсия. Без проблем. Зак спешит на помощь Эмерсин нужна страховка. Без...

— Я понял! — Он встает и, ероша волосы, начинает расхаживать по комнатухе. — Я просто не знаю, чего ты от меня ждешь. Не волноваться о тебе? Не протянуть тебе руку помощи? Когда ты вернешься в Атланту, я позволю тебе убрать весь мой дом. Подстричь газон. Прополоть сорняки. Помыть мою машину. Все, что захочешь, лишь бы ты не чувствовала себя в долгу передо мной.

— Я занималась сексом.

Если моя цель — заставить его замолчать, миссия выполнена. Не знаю, какова моя цель и почему я это сказала. Я признаюсь... в чем? В неверности?

— Л-ладно... — Он прищуривается и останавливается. — Ты не обязана рассказывать мне об этом. У нас не такой брак.

Я смеюсь, несмотря на боль, разрывающую грудь, отчего она болит сильнее головы.

— Я знаю, что не должна. Но меня влечет к тебе. И пока ты не обезумел от моих слов, это ничего не значит.

Это значит *все*. Он — все, о чем я могу думать. Ложь — самая честная форма самосохранения. Звучит как оксюморон. Но это правда. Возможно, это единственная форма самосохранения. Правда требует полного риска. В каждой относительной истине есть часть *абсолютной* истины.

Я пожимаю плечами.

— К слову, я также запала на Майкла Б. Джордана, Кей Джея Апа и Чарли Пута. — Мои пальцы слегка касаются повязки на голове. — Так что не надумывай себе лишнего.

Зак моргает несколько раз.

— А ты говорила им, что занималась сексом?

— Пока нет. Но чуть позже обязательно отправлю им сообщения в личку.

— Я... — Наморщив лоб, Зак медленно качает головой. — Я польщен.

Застонав, отвожу взгляд.

— Я не намеревалась льстить тебе.

Засунув руки в задние карманы джинсов, он молча ждет, когда я обращу на него внимание. Я кожей чувствую силу его взгляда. Когда возвращаю глаза к его лицу, он спрашивает:

— Тогда каковы твои намерения?

Сев прямо, подтягиваю ноги к себе, прижимая их к груди, как щит.

— Хочешь знать, что на самом деле придает мужчине сексуальность?

Его щеки чуть розовеют, источая уязвимость. Мне нравится его уязвимая сторона. В нее я влюбилась в первую очередь.

Я смотрю на изголовье кровати, потому что знаю, что каждое чувство, которое испытываю к Заку, отражается в моих глазах, и мне не скрыть этого ни от него, ни от кого-либо еще.

— Доброта.

Рискнув поднять взгляд не более чем на секунду, я наблюдаю за его реакцией — он явно не то ожидал от меня услышать. Вновь опустив подбородок, медленно выдыхаю.

— Не доброта ко мне, хотя в то время ты бесконечное число раз был ко мне добр. А то, как ты относился к Сьюзи. Все, что делал для нее. То, как заботился о ней. То, как смотрел на нее. С любовью. *Добротой*. Это как смотреть фильм с героем, в которого не сразу влюбляешься, но он покоряет твое сердце своей... ну, личностью. Всеми своими внутренними качествами. Не своей внешностью, социальным положением или банковским счетом. А только... собой. Тем, что он хороший человек. *Ты* хороший человек, Зак. И я нахожу это невероятно сексуальным. Поэтому иногда мне трудно смотреть на тебя, зная, что ты мой муж, но... не в *привычном смысле* этого слова, когда я так много мечтала о тебе.

Он долго не отвечает, делая ситуацию еще более неловкой, и тогда я снова смотрю на него. Выражение его лица — непроницаемо.

— Ты считаешь привлекательным... меня... — он запинается, глаза слегка сужаются, будто он не может подобрать нужных слов, — ...мой образ. Ты надеешься однажды найти мужчину, который будет любить тебя так же, как я любил Сюзанну. Не меня. Просто кого-то вроде меня.

Готово ли мое сердце перестать лгать или я все еще в режиме самосохранения? Это *он*. Я не заблуждаюсь. Я люблю Зака. Я восхищалась им. Конечно, я завидовала Сьюзи, потому что хотела, чтобы в моей жизни был такой Зак. Но я не влюбилась в него, в Зака *Сьюзи*, пока она не умерла. Я чувствовала его любовь ко мне, пусть и не в романтическом смысле. И до сих пор ее чувствую.

Я ничего не говорю, потому что ненавижу ложь, но очень боюсь правды. Вместо этого медленно киваю, словно соглашаясь с ним. *Я не согласна* с ним, но понимаю, что он имеет в виду. И, возможно, он говорит это серьезно, или лжет, чтобы защитить что-то, чем не готов поделиться или признать.

Дверь позади Зака открывается.

— Привет. — В комнату входит Лия.

— Привет. — Я улыбаюсь, будто ни в чем не бывало. — Вы познакомились?

Лия улыбается Заку и кивает.

— Да. Это я его впустила.

Конечно. Я не подумала об этом, когда проснулась с ним в одной комнате.

— Хочешь перекусить? — спрашивает она.

— Если ты не против, я задержусь на несколько дней и заберу ее к себе в отель? — спрашивает Зак Лию.

— Со мной все в порядке. Лекарства снова при мне. Все хорошо.

Взгляд Лии мечется между мной и Заком.

— Эм... тебе определенно нужно несколько дней на поправку.

— Я в порядке.

Ее глаза расширяются, и она поджимает губы.

— Это не подлежит обсуждению, — отрезает Зак.

— Ты мне не родитель, Зак.

— Я твой муж.

Рот Лии приоткрывается, и она таращится на меня.

Да-да... я его слышала.

Отвечаю ей хмурым взглядом, потом перевожу его на Зака. Он не знает, что я ей открылась. Но он все равно сказал это.

— Думаешь, сможешь разыгрывать эту карту всякий раз, когда захочешь заставить меня сделать что-то против моей воли?

— Да. — Если бы уголки его губ не изогнулись в крошечной ухмылке, было бы намного легче высказать все, что я думаю на этот счет.

— Я возьму один выходной, но останусь здесь.

— Три дня, и ты остаешься со мной. — Зак скрещивает руки на груди.

— Или... — вмешивается Лия, — ...вы можете решить по ходу дела. День за днем. Если потребуется лишь один выходной, то никаких проблем. Если понадобятся три, это тоже нормально. И, учитывая травму головы, неплохо, если бы ты пожила в отеле, где тебе не придется покидать комнату, чтобы воспользоваться ванной. Где есть обслуживание номеров, если тебе не захочется выходить, чтобы поесть. Где в номере есть телевизор, и тебе не нужно будет делить его с другими постояльцами в общей гостиной.

Я сильно хмурюсь, глядя на Лию.

— Итак, решено. Ты поедешь со мной на один, но, скорее всего, три дня, — Зак усмешается.

— У тебя нет работы?

— Есть, — возражает он. — Но еще у меня есть отпуск.

— Что ж, это будет дерьмовый отпуск, — замечаю я.

— Куала-Лумпур прекрасен. — Торжествующая ухмылка не сходит с его лица.

— Тогда поброди вокруг и посмотри на все прекрасное. Я останусь здесь поправляться.

— Я упакую для тебя вещи, — говорит Лия.

— Предательница, — бормочу я.

Меньше чем через пять минут мой чемодан стоит у двери, а Лия надевает мне на ноги туфли.

Обняв меня на прощание, она шепчет на ухо:

— Не отталкивай его. Мечты на то и даны, чтобы им следовать.

Возможно. А это означает, что сердца тоже на то и даны, чтобы их разбивали.

По дороге в отель Зак тянется через заднее сиденье и берет мою руку, дружески сжимая. Я игнорирую его, стараясь смотреть в окно, чтобы он не забыл, как мной манипулирует.

— Ты объявила мне бойкот? — спрашивает он, когда мы заходим в лифт. — У нас первая официальная ссора?

Я смотрю на зеркальные двери. Зак остановился в шикарном отеле, и обычно я бы не упустила случая прокомментировать это, но я молчу, потому что... да, я объявила ему бойкот.

— Что, если я скажу, что тоже нахожу тебя привлекательной?

Двери открываются.

Я резко поворачиваю голову в его сторону. Зак с ухмылкой выходит из лифта.

— Ты серьезно смеешься надо мной? Ты пролетел через полмира, чтобы проверить, в порядке ли я, или чтобы посмеяться надо мной?

— Я не смеюсь над тобой. — Он катит мой чемодан по длинному коридору и останавливается у предпоследней двери справа. Открыв, придерживает ее для меня и кивает. — Ты привлекательная. Это ведь комплимент? Или уже перестало им быть?

Я пробираюсь мимо него в огромный номер, на самом деле, это люкс с двумя отдельными спальнями и просторной гостиной с двумя диванами, стеклянным журнальным столиком в стиле модерн, телевизором и полностью оборудованной кухней, не говоря уже о завораживающем виде на город.

— Голодная? — Зак продолжает говорить, а я продолжаю на него злиться.

— Нет, — бурчу я, обхватывая себя руками и глядя в окно на живописный вид светящихся башен-близнецов Петронас и башни Куала-Лумпур.

Почувствовав его присутствие рядом со мной, я напрягаюсь, потому что мне трудно дышать, когда мы наедине. Раньше рядом с Заком у меня не возникало таких проблем с дыханием, но он странно влияет на мое сердце, заставляя каждый вдох и выдох вырываться с чуть большей силой, а каждый удар звучать громче и вибрировать в груди.

— Я рад, что ты... извлекаешь пользу из своей молодости и знакомишься с другими людьми.

Я издаю кашль-смех, чуть не задохнувшись. Извлекаю пользу из своей молодости для секса? Он рад, что я занималась сексом?

— Что произойдет, когда ты перестанешь искать оправдания? — Я медленно оборачиваюсь и перевожу взгляд на него, поскольку он стоит менее чем в футе от меня.

— Оправдания?

— Думаешь, я хочу испытывать к тебе чувства? Думаешь, мне от этого комфортно? Думаешь, мне нравится быть замужем, но не по-настоящему? Тебе так проще — притворяться дурачком? Типа... ложь для меня — самое простое решение. Признаюсь, Зак. Я преуменьшаю свои чувства к тебе, чтобы ты не испытывал дискомфорт, чтобы наша и без того странная договоренность не стала действительно странной... действительно неловкой. А ты притворяешься, что *испытывать влечение* к кому-то и *находить его привлекательным* — одно и то же, и словарь может согласиться с тобой, но мы оба знаем, что это не так. И я извлекла пользу из своей молодости, потому что хотела короткую передышку от мыслей о тебе. На одну ночь я почувствовала себя нормальной и не такой мечтательницей. А на утро я вышла за его дверь и почувствовала себя изменщицей.

Брови Зака сходятся на переносице.

— Ты мне не изменяла.

Медленно кивнув, я шепчу:

— Не в твоих мыслях.

— Эмерсин... — он потирает виски и на несколько секунд закрывает глаза, — ...я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал.

Я делаю все неправильно. Сюзи хотела не этого. Я не должна усугублять его стресс и замешательство. А именно это я и делаю. После нескольких секунд тишины я вздыхаю и поступаю правильно.

— Я хочу, чтобы ты сказал, что почищу пупок, прежде чем мы отправимся на пляж.

Зак открывает глаза и отнимает пальцы от висков. Через несколько мгновений до него доходит, и он кивает.

— Только если ты покроешь свою монобровь воском.

Я ухмыляюсь.

— Удар ниже пояса.

Когда правда ранит, вы меняете тему на что-то настолько не относящееся к делу, что жизнь снова кажется уравновешенной — нормальной — только на время, достаточное, чтобы перевести дыхание. Я позволяю Заку перевести дыхание, и, возможно, улучаю минутку и для себя.

Выражение его лица понятно без слов: облегчение, может быть, еще и немного вины, но в основном облегчение.

— Пойду спать. Я не голодная, но мы позавтракаем.

— Спокойной ночи, Эм, — шепчет он.

Я пробираюсь в спальню.

— Эмерсин?

— Да? — Я стою спиной к нему.

— Это линия. Может быть, дверь. Может быть, гребаная гора... не знаю. Но я знаю, что когда пересеку ее, пути назад не будет. Я знаю, что не могу забрать ее с собой. И уже много дней я думал о том, чтобы уйти с ней... уйти к ней. Это была всего лишь мимолетная мысль, не больше. Как бы то ни было, ты стала единственным человеком, встречи с которым я ждал с нетерпением. Ты стала причиной того, что я так близко от той линии, от той двери, в футах от вершины. И, вероятно, главный вопрос в том... чего это будет стоить?

Поняв, что он больше ничего не скажет, я медленно закрываю за собой дверь, заползаю в кровать полностью одетая, накрываюсь одеялом и засыпаю.

Глава 28 Эмерсон

— Проснись и пой, — возвещает Зак, открывая жалюзи ровно настолько, чтобы я могла увидеть его самого и поднос с едой в его руке. — Тебе нужно принять лекарства, а значит, нужно поесть. Как голова? Почему ты спала в одежде?

Он садится на край кровати, держа поднос, пока я принимаю вертикальное положение и протираю глаза.

— Слишком устала, чтобы переодеться, — отвечаю я сонно. — А голова в порядке. Думала, мы сходим куда-нибудь позавтракать. И мне не нужно принимать лекарства с едой.

Я зеваю.

Он ставит поднос мне на колени и снимает крышку, являя моему взору тосты, яйца и фрукты.

— Можем сходить куда-нибудь пообедать, если ты хорошо себя чувствуешь.

Я усмехаюсь, прежде чем сделать глоток кофе.

— Я хорошо себя чувствую.

— У тебя швы на голове.

— Они не болят. — Я пожимаю плечами, намазывая желе на тост и глядя на его красивое, свежевывбрированное лицо.

Закари Хейс — недостижимый идеал для всех остальных мужчин. Хреново для моего следующего мужа.

— Не думал, что ты захочешь показываться на людях с повязкой на голове.

Я дожевываю кусочек тоста и сглатываю.

— Вот для чего нужны шляпы. Уверен, что дело не в чем-то другом... например, в смущении, что тебя увидят со мной и моей раненой головой?

— Конечно, мне стыдно за нас обоих, очень. Но я могу справиться с этим, если ты сможешь.

Мои глаза сужаются.

— Ты осёл. — Я машу на него ножом, и ему прямо под глазом приземляется капля желе. — О, боже!

Я хихикаю и прикрываю рот ладонью.

Вздвогнув, Зак проводит большим пальцем по щеке, размазывая желе.

— Ты... — я хихикаю сильнее и тянусь к его лицу, — ...сделал только хуже.

— Говорит женщина, пульнувшая мне в лицо желе. Оно могло попасть в глаз. Мне нужно видеть, чтобы выполнять свою работу.

— Прекрати.

Я смеюсь, отбивая его руку, когда он пытается сделать то же самое со мной. Затем охаю и застываю, как статуя, пока кофе пропитывает постельное белье и мои колени. К счастью, простыни и мои джинсы поглощают большую часть жара, не подпуская обжигающую жидкость к моей коже.

— Дерьмо! Ты обожглась? — Зак ставит поднос на тумбочку, а я откидываю простыни.

— Все в порядке. Я не обожглась.

Я вылезаю из постели. Кажется, я намочила трусики. Когда я поднимаю взгляд на Зака, он сочувственно морщится, а его щека все еще покрыта желе.

— Я испортила завтрак в постели. — Облизнув большой палец, провожу им по щеке Зака. На этот раз сопротивления с его стороны не следует.

Он обхватывает мое запястье, и я перевожу взгляд с желе к его глазам. Медленно, почти пьяно моргая, он всей щекой прижимается к моей ладони. Слегка поворачивает голову и касается губами моей кожи. Это не поцелуй. Его губы не двигаются.

Я не двигаюсь.

Это та линия? Дверь? Гора?

Моя работа заключается в том, чтобы перевести его на другую сторону? Он стоит у линии, задаваясь вопросом, что ждет его по ту сторону?

Именно это он и сделал для Сьюзи?

Слова вертятся на кончике языка. Это правильно. Наверное. Я... я не знаю. Могу ли я сказать ему об этом?

Я знаю, что ты сделал.

Изменит ли это его душевное состояние? Улучшит ли ситуацию? Или, наоборот, ухудшит?

— После того, как я потеряла свой трейлер, была одна ночь... — Я нахожу другие слова. Я всегда найду, что еще сказать. — Тяжелая ночь по какой-то причине, и я даже не помню, по какой. Я помню лишь ощущения, потому что это была не я. Я не была собой.

Зак открывает глаза, но не отводит мою руку от лица. Клянусь, в глубине его глаз я вижу свою душу, шторма в погоне за закатом.

— Это походило на внетелесный опыт, будто я не узнавала ни себя, ни мысли в своей голове, ни женщины в абсолютном беспорядке, смотревшей на меня из зеркала заднего вида. Я ощущала себя на самом дне и не понимала, как там очутилась. Просто знала, что потеряла свой трейлер, потому что мне требовались деньги на лекарство. Я ненавидела это лекарство... ненавидела причину, по которой должна была его принимать. Так что... — я судорожно вздыхаю, — ...я размышляла над тем, чтобы выпить всю баночку таблеток. Понимаешь... а вдруг по ту сторону оказалось бы лучше.

Зак моргает, на секунду отводя взгляд в сторону, прежде чем снова встретиться с моими глазами. Я улыбаюсь. Моя улыбка может показаться грустной, но нет. Она полна надежды, потому что я помню, как у меня появилась точно такая же улыбка, когда мой телефон завибрировал от входящего электронного письма.

— Той ночью мне на электронную почту пришло от тебя письмо, где было сказано, что ты узнал обо мне от Мамфордов. Ты просил меня прийти на собеседование. Поэтому я не выпила все таблетки, а только одну, нужную мне. — Я сморгнула пару слезинок. — Каждый день мы принимаем решения, которые влияют не только на нашу жизнь, но иногда и на жизни других людей, и, возможно, мы никогда об этом не узнаем. Ты не собирался спасти

чьё-то жизнь, тебе просто нужна была горничная.

— Эмерсин, — он снова повторяет мое имя тремя медленными, тягучими слогами.

Когда он не отпускает мою руку, я отстраняюсь.

— Мне нужно в душ. И почистить зубы.

— Тебе нужно принять таблетку и что-нибудь съесть.

С натянутой улыбкой я хватаю остаток тоста и достаю из сумочки лекарство.

— Принимаю таблетку... ем что-нибудь. Теперь счастлив? — И с этими словами направляюсь в ванную. Как только достигаю порога, оглядываюсь на Зака. — Прости.

— За что?

— За таблетки. Ты напоминал и убеждал Сьюзи принимать таблетки. — Я хмурюсь. —

Не хочу, чтобы ты делал это для меня.

После нескольких задумчивых морганий он медленно кивает в ответ.

— Да, ну... это то, что ты делаешь, когда заботишься о ком-то.

Ох, Зак...

Прежде чем заплачу... прежде чем позволю ему увидеть, как сильно нуждаюсь в такой заботе, я закрываю дверь и прыгаю в душ.

После того, как я снова чувствую себя человеком, и мне удается довольно хорошо вымыть волосы, не намочив швы, я пытаюсь их высушить.

Сарафан.

Босоножки.

Моя лучшая улыбка.

— Сегодня я могла бы поработать с Лией. Я хорошо себя чувствую. Но знаю, что ты этого не позволишь, так что нам нужно куда-нибудь выбраться. Чем-нибудь заняться. Я не сторонница целый день прозябать в гостиничном номере, даже в таком шикарном.

Зак выключает телевизор и встает с дивана.

— Ты должна отдыхать.

— Я отдохнула. Нам не нужно бежать марафон, но я не хочу проводить день в гостиничном номере.

Он в раздумьях кривит губы.

— Ты уже была на нагорье Камерон?

Я отрицательно мотаю головой.

— Тогда, вперед.

По моему лицу скользит ухмылка, когда я надеваю коричневую панамку, чтобы прикрыть швы.

Зак устраивает частную экскурсию на весь день. К полудню мы сидим на покрывале, любуемся видом на зеленые холмы и едим клубнику прямо с полянки, на которой остановились на привал. Я снимаю босоножки и панаму. Зак странно смотрит на меня, его взгляд переключается на швы на моей макушке.

— Вокруг никого, кто мог бы меня увидеть. Не психуй, здесь я не подпорчу тебе репутацию.

Он усмехается, кладет клубничину в рот и жует, несмотря на широкую ухмылку.

— Можно я сфотографирую нас и опубликую в Instagram? Твоего лица я не покажу.

— Что не так с моим лицом? — спрашивает он.

— Ничего. — Я закатываю глаза и достаю из сумки телефон. — Просто не хочу тебя светить.

— Значит, ты всего лишь хочешь пустить слух?

— Ажиотаж. Не слух.

— Ажиотаж, значит. Расскажи мне больше об этом ажиотаже.

Я хихикаю.

— Ну, с тех пор, как я начала путешествовать с Лией, число моих подписчиков увеличивалось в геометрической прогрессии. Я даже зарабатываю деньги на своих фотографиях. Так что все большее количество подписчиков интересуется мной и всем, что касается моей жизни. А фотографии, которые вызывают интерес, привлекают больше внимания. — Я прикрепляю телефон к штативу и снова поворачиваюсь к Заку. — Раздвинь ноги.

Он ухмыляется и бормочет:

— Разве это не должно быть моей фразой.

Мое дыхание сбивается, и я, не мигая, смотрю на него. Неужели он только что сказал такое. Он пошутил. Я понимаю. Но...

С нервным смешком умудряюсь произнести одно слово:

— Смешно. — Я прочищаю горло и надеваю панаму. — Положи руки мне на талию.

— Если я положу их тебе на задницу, это вызовет больший *ажитаж*. Верно?

Я стою на коленях между его ног, а в объективе камеры отражается мое хмурое выражение и пейзаж позади Зака.

— Если положишь руки мне на бедра, твоего обручального кольца не будет заметно. Если положишь руки мне на задницу, это вызовет ажитаж, но не тот, что мне нужен. Я не нуждаюсь в слухах о том, что я замужем, или у меня клубничный пикник с женатым мужчиной.

Ухмылка Зака исчезает, когда он смотрит на свою левую руку.

— Но ты замужем, — шепчет он.

— Ага, — соглашаюсь я, приглушенно выдыхая.

Его брови сходятся у переносицы, пока он продолжает рассматривать свое кольцо.

— И ты *действительно* на пикнике с женатым мужчиной, — медленно произносит он, будто говорит это, скорее, себе, а не мне.

— Ага.

Насколько мне известно, Зак снимал обручальное кольцо только один раз, в тот день, когда женился на мне. До этого момента.

Пару раз покрутив кольцо, Зак снимает его и держит между большим и указательным пальцами, изучая. Сунув кольцо в карман джинсов, он смотрит на меня, кладет руки мне на бедра, а затем перемещает их на мою задницу.

Я с трудом сглатываю.

— Ты фотографируешь или как? — спрашивает он хрипло.

— Ммм... — Я смотрю на свои часы. — Ага.

Установив на камере таймер, обнимаю Зака за плечи и жду, пока телефон сделает серию фотографий.

— Готово. С-спасибо. — Я едва могу говорить из-за плотного комка похоти перекрывшего мне горло. Руки на моей заднице парализуют меня.

— Не за что, — шепчет Зак, но... рук не убирает. — У меня...

Эти неподвижные руки, наконец, перемещаются, скользят... еле касаясь, вниз по моим ногам.

— ...очень...

Пальцы дразнят мои колени.

— ...красивая жена.

Грудь болит от сильного биения сердца, от того, что я невероятно долго задерживаю воздух, прежде чем выпустить его с максимально возможным контролем. Его руки медленно возвращаются к моей заднице, только на этот раз они движутся под подолом сарафана.

— Зак...

Мои пальцы впиваются в его плечи, а его — в мою задницу... комбинацию плоти и розовых хлопчатобумажных трусиков.

— Эмерсин...

Эм-ер-син.

Те же три протяжных слога, но на этот раз они пронизаны потребностью.

— Помоги мне пересечь эту линию, — просит он.

Облизнув губы, я медленно киваю, прежде чем Зак целует меня. Думаю, наш водитель не выйдет из машины, пока мы здесь не закончим. *Я полагаю. Надеюсь.*

Мы целуемся так долго, как можем, пока этого становится недостаточно. Зак стягивает мои трусики настолько, насколько позволяет моя поза на коленях. На вкус он как клубника, а пахнет как шампунь из отеля — смесь цитрусовых и кожи. Сдвинув ляжку моего сарафана в сторону, он освобождает мою грудь, сжимая ее, целуя, дразня сосок зубами.

Мой мозг дает осечку, думая о вещах, о которых ему не следует думать в данный момент, например, о болезненном любопытстве: задается ли Зак вопросом, скучал ли он по ощущению женской груди в своих руках, во рту.

Я не хочу об этом думать.

Стиснув его волосы, притягиваю его лицо к своим губам, требуя, чтобы он снова меня поцеловал. Это умиряет хаос в моей голове, но только временно. Зак укладывает меня на спину, полностью избавляя от трусиков, и встает на колени между моими ногами. Его пальцы пытаются расстегнуть джинсы, и я вижу это в его глазах. Я вижу это, потому что мои мысли о том же.

О Сьюзи. Что она подумает? Одобрит ли? Наблюдает ли она за нами?

Зак останавливается, и я чувствую... что теряю его. Он не собирается пересекать эту линию вместе со мной, и мне ничего не остается, кроме как лежать оголенной, совершенно уязвимой, с открытым сердцем... без всякой защиты против его отказа. И я даже не злюсь, потому что тоже любила ее. Она незабываема, что делает его недоступным. По крайней мере... его сердце никогда не будет моим.

Когда я отворачиваю голову в сторону, чтобы скрыть эмоции, Зак проводит ладонями по внутренней поверхности моих бедер, возвращая к себе мое внимание.

— Хочешь, чтобы я остановился?

Он знает ответ. Он *знает*, что я полностью потерялась в нем.

Он хочет честного ответа? Или просит меня спасти его?

— Нет, — шепчу я.

Схватившись за пояс расстегнутых джинсов, Зак стягивает их с бедер ровно настолько, чтобы освободиться. Он накрывает меня своим телом и целует с новой силой. Мои колени подтягиваются к груди, когда он наполняет меня, и это так тепло, так умопомрачительно, потому что я никогда не думала, что такое произойдет.

Пауза.

Вдох.

Я пытаюсь защитить свое чертово сердце, потому что Зак неосознанно пытается его уничтожить.

Мы двигаемся с маниакальным отчаянием, словно все его тело пробралось бы в мое, если бы могло. Шлепки по коже, резкие вдохи и одурманенные стоны... оглушительный стук моего сердца. Я упираюсь одной пяткой в его ягодицы, а другой пяткой в заднюю поверхность его бедра, будто хочу прижать его к себе навсегда.

Мой.

Мой Зак.

Мой муж.

Вместо того чтобы утонуть в чувстве вины, теряя контроль над своим телом, отдаваясь удовольствию до последней капли, я позволяю зрению расплыться, медленно и с трудом моргаю, и растворяюсь в блаженстве, не похожем ни на какое, испытанное мной ранее.

Зак замирает, обхватив меня за затылок, словно пытается защитить, уберечь швы. Затем перекатывает нас, целуя меня, и мои волосы падают ему на лицо. Я чувствую, как его губы изгибаются в улыбке. И улыбаюсь в ответ.

Придерживая меня за спину, он садится, увлекая меня за собой. Мои ноги расставлены по бокам от него, а он остается глубоко внутри меня. И мы снова движемся.

Целуемся.

Я сжимаю ткань его футболки, когда он обхватывает мою челюсть. Наш поцелуй набирает скорость и остроту. Это погоня. Он — хищник, а я — жертва, добровольно ему сдающаяся.

Я хочу, чтобы Зак поймал меня... хочу, чтобы он меня сожрал.

— Эмерсин... — Его руки падают на мои бедра, сильно стискивая, и он утыкается лицом мне в шею.

Я двигаюсь на нем еще несколько раз, а потом моя спина выгибается, Зак взбрыкивает бедрами, повторяя мое имя, как молитву, и молит, молит...

Эмерсин... Эмерсин... Эм-ер-синнн...

Мы замираем.

Между нами нет пространства, чтобы не дать реальности проскользнуть и испортить момент. Я не жалею об этом. Не могу.

Он целует меня в шею, в то время как одна рука возвращается к моей груди, слегка сжимая, а большой палец пробегает по соску.

Нежно.

Интимно.

Немного душераздирающе.

Может ли он касаться меня *там*, не думая о ней?

Зак поднимает голову, его лицо находится на расстоянии одного дыхания от моего, и я краснею. Намек на уязвимую улыбку изгибает уголки его красивых губ.

— Мне нравятся ощущения тебя... там... внутри меня, — шепчу я и, с пылающими щеками, проникаю рукой между нами.

Я задерживаю дыхание. И, думаю, Зак тоже. Не знаю, почему хочу почувствовать нас *там*. Может, потому что это все еще слишком невероятно, и мне нужно что-то более осязаемое.

— Да? — он тихонько усмехается, прежде чем уткнуться лбом мне в плечо, будто у него

больше нет сил держать голову прямо. В то же время его ладонь снова перемещается от моей груди к бедру.

— Да, — бормочу я, скользя губами по его уху.

— Мне нравится... *это* тоже. Так чертовски сильно.

Это слишком. Я не могу воздвигнуть достаточно высокую стену, чтобы защитить свое сердце.

— Нам пора э-э... собираться, пока водитель не пришел нас искать, — говорю я.

Зак все еще не поднимает головы, но бормочет:

— Угу.

На обратном пути в отель мы молча сидим, переплетя пальцы на сиденье между нами. Интересно, о чем он думает? Сожалеет? Думает ли он о Сьюзи или о том, что я останусь с ним на целых три дня? Может, о том, как мы проведем остаток времени в постели? Я не считала себя любительницей позависать в отеле, но Зак уговорил бы меня лежать голой в постели целую вечность. Я поджимаю губы, чтобы скрыть волнение от такой возможности.

Зак чуть приподнимается, и я смотрю на него. Он пытается что-то нащупать в кармане. На его лице отражается тревога, у глаз и бровей залегают глубокие морщины, он отпускает мою руку и роется в другом кармане.

— Зак?

Он не отвечает, лишь отстегивает ремень безопасности. Теперь роется в задних карманах, затем снова в обоих передних.

— Бл*дь. Разворачивайтесь! — рявкает он.

Наш седеющий, пятидесяти с лишним лет водитель смотрит на Зака в зеркало заднего вида. Его глаза над очками, наполовину сползшими по выступающему носу, сужаются.

— Разверните, нахрен, машину! Мы должны вернуться!

— Зак... — Я тянусь к его руке.

— Я потерял кольцо. Я потерял кольцо, — говорит он так, будто не может дышать.

Его обручальное кольцо.

— Уверен? Ты ведь положил его в карман, да?

— Сэр, уже поздно. Если хотите, вернемся завтра...

— Тогда выпустите меня! — Зак возится с замком в попытке открыть дверцу.

Водитель сворачивает на обочину и останавливается.

Я касаюсь плеча водителя.

— Мы заплатим вам сколько нужно, чтобы успеть вернуться на то место до наступления темноты.

Солнце уже начинает садиться. Я не уверена, что это будет иметь значение, но мы должны попытаться.

Когда мы возвращаемся к тому месту, где ели клубнику — где занимались сексом, — Зак вылетает из машины и мчится на холм. Я следую за ним, но не так быстро, потому что не уверена, что могу бежать со швами на голове.

Милостивый Господь...

На это тяжело смотреть.

На вершине холма Зак ползает по траве, светя себе фонариком телефона, потому что солнце почти скрылось за горизонтом.

Я включаю фонарик на своем мобильном и ползаю на четвереньках, чтобы помочь ему в поисках.

— Бл*дь. Я не должен был... тупой... баран. Бл*дь. Бл*дь, — Зак стонет и рычит от сильных волн гнева и разочарования, прокатывающихся по его телу, на глаза наворачиваются слезы. Мою грудь и под ложечкой словно стиснули в кулак.

Если бы я не попросила сфотографироваться, он бы не снял обручальное кольцо. Если бы мы не занялись сексом, он бы не выронил его из кармана.

Я ошибалась. Сожаление имеет свойство всплывать на поверхность, как бы мы ни старались его заглушить.

После почти сорока пяти минут ползания, небо над холмами становится абсолютно черным. Зак садится на пятки. В полном поражении. Он запускает руки в волосы, возводит глаза к небу и закрывает их.

— Прости меня, — шепчет он.

Он не извиняется передо мной. Я это знаю. И это нормально. Я не хочу, чтобы он когда-либо переставал любить ее, даже если это означает, что он никогда не сможет по-настоящему полюбить меня. Сюзи была моей подругой, и она заслуживает вечной любви. Вероятно, мы с Заком обречены на ад безответной любви.

Она двигается дальше, а он никогда не сможет. А я... ну, я не знаю, как обстоят мои дела. Каждую ночь у меня есть крыша над головой, но мое сердце так и остается бездомным.

— Пошли, — зовет он почти шепотом, неуклюже поднимается на ноги и направляется обратно вниз по холму.

Собрав осколки и треснувшие части своего сердца, я следую за ним.

Когда мы возвращаемся в отель после долгой и молчаливой поездки, он идет сразу в свою комнату, останавливаясь перед тем, как закрыть дверь.

— Мне нужна... минутка.

С противоположной стороны номера я делаю храброе лицо, которого он не видит, и говорю:

— Я понимаю.

Дверь за ним захлопывается.

Глава 29 Эмерсон

Следующим утром я просыпаюсь рано и собираю чемодан. Когда открываю дверь, Зак, только что из душа, лежит на диване, голова склонена к телефону. Подняв взгляд вверх, он улыбается. Искренне, но сдержанно.

— Доброе утро. — Я улыбаюсь в ответ и вхожу в гостиную, волоча за собой чемодан.

При виде моего багажа очаровательная улыбка Зака исчезает.

— Я э-э... чувствую себя прекрасно. Так что написала Лии, что поеду с ней сегодня. Она снимает помолвку пары, с которой мы познакомились в первый день нашего пребывания здесь.

Зак слегка кивает, поджав губы, будто сдерживается.

Я прочищаю горло и вселяю уверенность в свою позу и голос.

— Спасибо, что приехал. Это действительно было невероятно мило. И мне жаль, что ты потратил на меня часть отпуска, но... тем не менее, я очень тебе благодарна.

Мне ужасно плохо из-за того, что ты потерял свое обручальное кольцо.

— Конечно. — Зак сам не свой. Он сдерживается.

Как бы ни было заманчиво подтолкнуть его к тому, чтобы он рассказал мне о том, что его так сильно тяготит, думаю, лучше оставить его в покое. Отпустить домой без всяких объяснений.

— Я отвезу тебя обратно в хостел. — Он поднимается с дивана.

Я качаю головой.

— Я сама вызову такси. Нет нужды платить за обратный путь.

Он несколько раз кивает, слишком любезный по сравнению со вчерашним Заком-папочкой.

— У тебя всего достаточно? Лекарств? Денег? Хочешь, приготовлю тебе завтрак?

Вот он, крохотный проблеск мужчины из вчерашнего утра.

— Мы с Лией позавтракаем, когда я вернусь в хостел, но спасибо.

Никогда-никогда я и представить себе не могла, что мы будем так дружелюбно и платонически общаться, после произошедшего вчера на том холме. Это так душераздирающе. Я растеряла все слова. Как и свою уверенность.

— Безопасного полета домой. — Я улыбаюсь.

Зак подходит ко мне, засунув руки в передние карманы. Теперь я никогда больше не буду смотреть на карманы, не вспоминая о том, как он потерял свое обручальное кольцо и в каком опустошении ползал в темноте. С каждым его шагом мне кажется, что я задыхаюсь

все больше и больше, словно могу иметь либо кислород, либо близость Зака, но не то и другое одновременно. Сейчас я *едва* держусь.

— Куда поедете дальше? — спрашивает он.

— На Шри-Ланку на неделю.

— Никогда там не был.

Я выдавливаю еще одну натянутую ухмылку.

— Я пришлю тебе открытку.

— Было бы чудесно. — Зак останавливается рядом со мной, *так* близко, что я чувствую тепло его тела и псевдотравяной запах шампуня. — Вчера...

Я качаю головой с полдюжины раз.

— Нет. Не нужно говорить ни слова о вчерашнем дне. Я не должна была... мы... это просто... — Я не могу перестать качать головой. — Мне очень *жаль*.

Все, от груди до головы, покалывает от эмоций, океан непролитых слез ждет, чтобы обрушиться как цунами, когда я окажусь по ту сторону двери гостиничного номера. Повернувшись, тянусь к ручке, но Зак хватает меня за руку.

— Не так. — Он разворачивает к себе.

Мой взгляд прикован к моим ногам.

— Мы не станем прощаться так после того, что у нас было вчера. — Он пальцем поднимает мой подбородок. — Я не знаю, что значил вчерашний вечер. Что *ты* хочешь, чтобы он что-то значил... он *должен что-то* значить. Но я не хочу сожалеть о нем. И не хочу, чтобы о нем сожалела ты.

Он должен что-то значить...

Без понятия. Я не могу злиться на него за то, что он не знает, потому что я, честно сказать, тоже не знаю. В данный момент он значит для меня всё, но что это — *всё*? И может ли то, что кажется всем, на самом деле быть ничем в общей картине? Проблема в том, что когда я с Заком, я не могу видеть дальше него.

Позволив нашим взглядам встретиться, я пожимаю плечами.

— Я не знаю, что он значил, но хочу, чтобы он *значил что-то*. Не был бессмысленной ошибкой.

— Хорошо, — шепчет он. — Он что-то значит. Но пусть он не значит, что ты не будешь жить полной жизнью. Ладно?

Я хмурюсь.

— То есть?

Зак делает долгий выдох через нос.

— Я хочу, чтобы ты жила как двадцатичетырехлетняя женщина. Пускалась в приключения. Не была ни к чему привязана.

Не привязана.

Я усмехаюсь.

— Хочешь, чтобы я спала с другими?

Он морщится, еле заметно, но я этого не упускаю.

— Я хочу, чтобы ты делала все, что пожелаешь, не беспокоясь обо мне.

— Не беспокоясь о своем муже? — Моя голова сама по себе клонится в сторону.

Он кладет руку на бедро и опускает голову.

— Эмерсин... у нас не такой брак.

*Нах*й мою жизнь.*

— У нас не такой брак, — эхом повторяю я, усмехаясь сквозь боль. Если я не буду смеяться, то так сильно расплачусь, что рассыплюсь в прах. — Глупая я.

Повернувшись, я открываю дверь.

Когда он пытается взять меня за руку во второй раз, я выдергиваю ее из его хватки.

— Нет! Отпусти меня.

Я успеваю отойти с чемоданом от двери на два фута, прежде чем Зак пригвождает меня к стене, прижимая мои руки по бокам. Его пальцы медленно переплетаются с моими, он прислоняется лбом к моему лбу и зажмуривается.

— Вчера я ожил. Внутри тебя... я снова ожил. Но я все еще пытаюсь понять, кто я без нее. И это чертовски тяжело, потому что я не могу смотреть на тебя и не видеть ее. *Я не хочу*, чтобы ты ждала, пока я разберусь со всем этим, потому что не знаю, удастся ли мне это.

Зак открывает глаза и видит на моих щеках потоки слез.

— Я думал, что понял. Чувствовал себя по-другому. Потом потерял кольцо... *и голову*. И я должен разобраться в причине. Почему я ни разу не подумал о ней, когда был внутри тебя, ведь до этого *всё, о чем* я мог думать, это о ней? Об этом кольце. О ее последнем вздохе. О дыре, которую она оставила в моей груди. И потерять кольцо было все равно, что снова потерять ее. Но потом я смотрю на тебя и на мгновение вижу ее. Твои таблетки — ее таблетки. Она в больнице. Ты в больнице. Отпустить ее было правильным поступком. Отпустить тебя — тоже правильно?

С той ночи, когда умерла Сьюзи, я не видела Зака настолько эмоционально искалеченным. Плотный ком эмоций в горле не дает мне говорить; сдерживая судорожные рыдания. Потянувшись к нему, я захватываю его губы и целую, как вчера.

Нет.

Целую сильнее, чем вчера.

Он отпускает мои руки и обхватывает мое лицо, отдаваясь мне так же, как я отдаюсь ему. Я стискиваю ткань его футболки в кулак и притягиваю к себе, не желая отпускать.

Но, в конце концов...

Отпускаю. Прервав наш поцелуй и схватив ручку чемодана, я, не

оборачиваясь, широкими быстрыми шагами
иду к лифту.

— Детка... — Лия хмурится и вскакивает с кровати, как только я открываю дверь.

Мне удалось. В этом и состояла цель — вернуться сюда, прежде чем развалиться на части.

— О, нет... что случилось? — Она обнимает меня, когда я начинаю безудержно рыдать.

Мне это нужно. Я в этом нуждалась больше, чем думала. Сьюзи умерла, и Зак стал моим другом; он заполнил пустоту, которую она оставила. Нас сблизил любовь к ней. Потом он стал моим мужем. А когда я полюбила своего мужа, у меня больше не было друга. У меня больше не было обители для моих эмоций.

Лия дала мне работу, уверенность, толчок в моем стремлении сделать карьеру, но, что важнее всего, — она стала моим другом. В некотором смысле, мне нужен был друг больше, чем работа.

Она слушает.

Я плачу.

Она вливается в мою эмоциональную бурю.

Мы говорим обо всем, но ничего не решаем. С Заком решать нечего. Я не могу его излечить, потому что считаю потерю любимого человека непоправимым ущербом.

Однако я могу путешествовать по миру с Лией. На этом я и сосредотачиваюсь.

Я создаю собственное портфолио и помогаю ей.

По пути знакомлюсь с удивительными людьми и нахожу моменты уединения в необитаемых уголках земли.

Я отправляю Заку открытки по почте и пишу ничего не значащие сообщения, будто мы не разделили некий интимный момент... а будто мы друзья, но не те друзья, которые делятся всем.

Зак держит меня в курсе свадебных планов Аарона и Даниэль. Я отвечаю, не показывая болезненной зависти к тому, что его брат женится на женщине по любви и планирует настоящую свадьбу.

Это дружеское общение продолжается до тех пор, пока не приближается конец лета, и Лии поступает звонок во время записи видео «Десять мест, которые стоит увидеть в Израиле».

— Боже мой... — Она держит телефон одной рукой, а ладонью другой прикрывает рот. — С ним все будет в порядке? Когда операция? Пожалуйста, обними его за меня. Передай, что я люблю его и что еду домой.

— Лия? — Я тянусь к ее руке, а ее большие пальцы лихорадочно барабанят по экрану телефона.

— У отца был сердечный приступ. Мы... мы должны возвращаться домой.

Глава 30 Эмерсон

Перед вылетом из Тель-Авива я пишу Заку. Когда мы прибываем в Лондон на короткую остановку, он все еще не отвечает. Как только мы садимся на рейс до Атланты, приходит сообщение.

Зак: Счастливого пути. Меня не будет дома до субботы. Передай Лии, что я сожалею о ее отце.

Теперь у меня есть два дня дома без него. Мне понадобится это время, чтобы выспаться, постирать вещи, побаловать Гарри Паутера и привести мысли в порядок.

Из аэропорта я добираюсь на Убере и тащу свою уставшую задницу в дом.

— Гарри!

Даже не закрыв дверь, я подхватываю его и, вероятно, пугаю до смерти своими яростными ласками.

Следующие два дня мы проводим вместе, я отправляюсь в городскую прачечную и вылизываю дом сверху донизу. Заказываю продукты, так как технически мне нельзя садиться за руль еще полтора месяца, чтобы надлежащим образом соблюсти правила после приступа, что для Зака очень важно.

Заслышав, как открывается задняя дверь, я задерживаю дыхание и приостанавливаю редактирование фотографий на своем излюбленном месте в углу дивана. Почему я так нервничаю?

— Паутер, — зовет Зак, и мне так приятно слышать его голос. После Малайзии мы много переписывались, но ни разу не созванивались.

Ни разу.

Ни единого видеочата.

Молчаливый, но огромный клин между нами.

Я знаю, что мне было бы слишком тяжело слышать его голос и не хотеть быть с ним. Без понятия, почему *он* никогда мне не звонил и не хотел видеть моего лица или слышать моего голоса, но я убеждала себя, что у него та же причина.

— Привет. — Зак ухмыляется, выглядывая из-за угла в гостиную.

Боже... сейчас он кажется еще более сексуальным, чем в последний раз, когда я его видела.

— Привет. — Я позволяю ухмылке расплыться по всему лицу.

— Добро пожаловать домой.

Домой...

Это мой дом?

— Спасибо. И тебе тоже.

Он усмехается, неторопливо направляясь на кухню к холодильнику за пивом.

— Я отсутствовал не так долго. Бьюсь об заклад, Паутер тебя даже не узнал.

— *Гарри* Паутер. И он меня полностью узнал.

Зак открывает бутылку пива и швыряет крышечку в мусорное ведро, останавливаясь у кухонной раковины.

— Ты... убралась?

— Да. Я все убрала. Спасибо, что заметил.

— Эмерсин, ты больше не моя горничная. — Он направляется в свою спальню.

— Ты позволяешь мне жить здесь бесплатно. Я должна отрабатывать проживание.

— Тебя здесь не бывает, — кричит он из спальни или, возможно, из гардеробной, переодевая униформу.

Захлопнув ноутбук, ступаю босыми ногами по паркетному полу в его спальню и прислоняюсь к широкому дверному косяку.

— Теперь я здесь. И не уверена, когда Лия снова будет готова уехать, так что собираюсь внести свою лепту.

Прошло почти пять месяцев с тех пор, как мы виделись. Я хотела вернуться домой на годовщину смерти Сьюзи, но момент был бы неподходящим. Честно говоря, я не была уверена, что он захотел бы видеть меня здесь в годовщину. Пять месяцев кажутся пятью годами. У меня руки чешутся от желания прикоснуться к нему. Мой ли он еще, чтобы прикасаться? Не уверена, что он был моим больше одного часа тем вечером в Малайзии.

Зак выходит из гардеробной с футболкой в руке, вместо того, чтобы прикрыться. Я позволяю глазам вольно путешествовать по его груди. Возможно, сказываются два бокала вина, выпитые до его прихода.

— Мы разделим обязанности по уборке, пока ты здесь. — Его предложение возвращает мое внимание к его лицу. Он улыбается мне и натягивает футболку. Взяв с тумбочки бутылку пива, он делает большой глоток, а затем направляется ко мне.

Я не могу заставить себя уйти с его пути. Когда он останавливается передо мной, возможно, ожидая, чтобы я отступила, я забираю у него пиво и делаю маленький глоток.

— Хочешь что-нибудь особенное на свою годовщину? — спрашивает он.

Я смотрю на него с легким удивлением и любопытством.

— Мою годовщину?

Он пожимает плечом, забирая у меня пиво.

— Нашу.

Я пытаюсь улыбаться, стараюсь сохранить легкий настрой, но это тяжело, когда он так близко ко мне.

— Она на следующей неделе.

Он кивает.

— Я узнала от компетентного источника, что у нас не такой брак. А тебе, вероятно, пора на очередной прием к стоматологу-гигиенисту.

— Стоматологу-гигиенисту?

Я закатываю глаза.

— Да. Очевидно, ты мало что помнишь о дне нашей свадьбы. То есть, дне бракосочетания. Ну да неважно. Ты сказал «да», подбросил меня до дома и поехал к стоматологу. Поэтому я в одиночестве бросила букет, сняла с себя подвязку и съела весь торт.

Зак ухмыляется.

— Неужели так и было?

Еще раз закатив глаза, я разворачиваюсь и направляюсь обратно в гостиную.

— Да. Так и было.

— Сколько еще? — спрашивает он.

Я оглядываюсь через плечо, прежде чем добраться до дивана. Он допивает пиво, ставит бутылку на столешницу и идет в гостиную.

— Сколько еще чего? — спрашиваю я, плюхаясь на диван.

— Сколько еще мне ждать, прежде чем я смогу прикоснуться к тебе? — Он проводит зубами по нижней губе, осматривая меня с головы до ног. — Потому что я скучаю по тебе.

— Ты скучаешь по мне? — шепчу я, и кожу повсюду начинает покалывать. Даже глаза горят от эмоций. Жить, затаив дыхание целых пять... долгих... месяцев было слишком долго.

Он кивает.

Я не знала, чего ожидать, но не этого. После пяти месяцев тишины, которую изредка заполняло общение, похожее на что-то большее, чем дружба, после отсутствия даже намека на близость... у меня не было причин ожидать такого.

— Я прямо перед тобой, — мои слова чуть громче шепота.

Сунув руки в передние карманы джинсов, Зак пожимает плечами.

— Я все равно скучаю по тебе. По тому, как твои большие голубые глаза следят за мной, а твои пухлые губы сжимаются, будто если улыбнутся мне, то раскроют твои самые темные секреты. Как твои нежные пальцы медленно и неторопливо скользят по моим волосам, словно их единственная цель — свести меня с ума от желания.

Я бросаю вызов *любой* женщине не влюбиться в этого мужчину, и в то же время запрещаю себе влюбляться в него еще сильнее. Я не разобралась со своей жизнью, а он все еще переживает потерю Сьюзи. Он не должен говорить такие вещи. Я просто знаю это, потому что *сама до сих пор* переживаю ее потерю.

Пытаюсь отыскать свой истинный путь в жизни.

Пытаюсь заниматься тем и быть той, чего хотела бы для меня Сьюзи.

Пытаюсь разобраться в чувствах к Заку, которые заставляют меня хотеть обрести единый с ним путь, даже если это будет означать, что я упущу другие свои мечты.

Тем не менее, я ничего не могу с собой поделать. Я улыбаюсь Заку.

— Я тоже по тебе скучаю. Все время. Скучаю по тому, как ты напеваешь, когда готовишь или ведешь машину. Скучаю по колыбельной на гитаре по ночам. Скучаю по тому, как ты перевешиваешь кухонные полотенца, когда думаешь, что я не вижу. Скучаю по нашим посиделкам на противоположных концах дивана, когда я редактирую фотографии, зная, что ты не сводишь с меня глаз. Я скучаю по самым обыденным вещам, таким как совместная покупка продуктов или прополка сорняков, пока ты косишь газон. Скучаю по твоим лукавым ухмылкам и тщательно взвешенным словам. Скучаю по тому, как ты завязываешь шнурки на своих столетних теннисных туфлях перед тем, как пойти на пробежку. И я скучаю... — я

судорожно вдыхаю, чувствуя физическую боль от желания прикоснуться к нему, покалывание на коже усиливается, — ...по всем частичкам тебя, которые я хотела бы, чтобы принадлежали мне, но я знаю, что они моими не будут.

— Я по-прежнему скучаю по тебе, — шепчет он, делая ко мне шаг.

— Я прямо перед тобой.

Трудно не думать о Сьюзи, не чувствовать призрака ее присутствия в этом доме. В Малайзии было проще. Думает ли Зак о ней? Одолевают ли его сомнения? Пытается ли он заявить права на жизнь, которая у него все еще есть, оставляя при этом ее в живых, хотя бы в мыслях?

Если он прикоснется ко мне, то, закрыв глаза, будет думать о ней? Я в таком смятении. До сих пор я не была уверена, насколько все запутано. Зак потерял обручальное кольцо на вершине холма, где мы занимались сексом, и его реакция на это заставила меня сомневаться в себе.

— Отключи.

Я поднимаю глаза, когда он опускается передо мной на колени.

— Свой разум, — он усмехается. — Отключи его.

— Как?

— Наполни его другими мыслями. — Он наклоняется вперед, опускает ладони мне на ноги и целует в шею.

Мои пальцы дразнят его затылок.

— Ты не можешь сказать, что не думаешь о Сьюзи.

Зак вздыхает и опускается на пятки, склоняя голову.

— Я думаю о ней. Полагаю, не настанет того времени, когда я не буду думать о ней. Я не могу стереть ее из памяти. И я не хочу стирать ее из памяти. — Он поднимает голову, и наши взгляды встречаются. — Помнишь, я рассказывал, как пошел в магазин и *не думал* о ней, потому что мои мысли занимали продукты?

Я медленно киваю.

— Это потому, что ее нет. Ее здесь нет, чтобы быть объектом моего влечения. Она не ждет меня дома. Она никогда не окажется с нами в постели. Никогда не войдет через заднюю дверь с перепачканным лицом и полной корзиной овощей. Я больше никогда не услышу ее смех. Никогда не почувствую ее прикосновения. Но я также знаю, что она никогда не исчезнет и из твоей памяти. И вот почему с тобой все по-другому. В каком-то смысле... нас было трое, а теперь осталось двое.

Я просовываю ноги между его раздвинутыми коленями, и он хватает меня за икры, переводя взгляд на мое лицо.

— Меня страшит неизвестность того, куда мы движемся, — признаюсь я. — Меня страшит невозможность оставаться на том же пути, верными другим нашим увлечениям, и что, в конце концов, наши пути просто перестанут пересекаться. Так что... я считаю, мне нужно знать, куда, по-твоему, мы движемся?

После нескольких вдохов он пожимает плечами.

— Я вижу, как мы движемся в спальню.

Ухмылка на моем лице появляется без разрешения.

— И что мы будем делать в спальне?

Зак снова встает на колени и расстегивает джинсы. Затем снимает футболку.

Мой взгляд медленно перемещается от его расстегнутых джинсов, вдоль подтянутого

живота и груди к уверенной улыбке. Когда наши взгляды встречаются, он кивает на меня.

Моя ухмылка становится шире, потому что мужчина, которого я *никогда в жизни* и представить себе не могла, что будет со мной, жестом указывает мне раздеться, чтобы увидеть меня.

Прикоснуться ко мне.

Чтобы я могла быть объектом его влечения.

Я стягиваю футболку через голову.

Еще один кивок.

Я снимаю бюстгальтер.

Зак облизывает губы, позволяя своему взгляду на несколько секунд задержаться на моей груди, прежде чем направить его на мое лицо.

— Встань.

Какое жалкое зрелище, что я, как робот, выполняю любую его команду. Я встаю, а он нет.

Лаская губами мой сосок, он расстегивает пуговицу и молнию на моих джинсах. Стягивает их к щиколоткам вместе с трусиками. Прежде чем я успеваю выйти из них, Зак встает и поднимает меня с пола в крепких медвежьих объятиях.

— Зак!

Я хихикаю, когда он ковыляет в спустившихся до колен джинсах.

— Не в твою, — прошу я, не давая ему отнести меня в его спальню... в *их* спальню. — Просто... пока рано.

Не проронив ни слова, он несет меня в мою комнату и опускает на пол.

Я скидываю джинсы и трусики.

— Ты хоть знаешь, какая ты красивая? — шепчет он, останавливая меня, требуя, чтобы я посмотрела на него и услышала искренность в его словах.

Эти слова окутывают мое сердце, камеру за камерой, заполняя пустоты невидимым туманом.

— Зак... — Я шагаю к нему, прижимаю ладони к его груди и касаюсь губами того места, где бьется сердце.

Он собирает мои волосы и отводит их с плеча, целуя ключицу, и от этого прикосновения я вздрагиваю, в животе вихрем взмывают пробудившиеся бабочки.

— Замерзла? — Он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.

Я качаю головой.

— У тебя зубы стучат.

Я сжимаю челюсти и сглатываю.

— Я нервничаю.

— У нас это не впервые. — Зак проводит костяшками пальцев по моей щеке.

— Такое — впервые. На другой стороне мира, казалось, мы находились в коконе.

— Тогда давай сотворим этот кокон. — Он откидывает одеяло. — Залезай.

Избавившись от остальной одежды, Зак ложится с одной стороны кровати, а я медленно делаю то же самое с другой. У меня перехватывает дыхание, когда он набрасывает нам на головы простыню и одеяло.

— Кокон, — объясняет он, прежде чем покрыть поцелуями мое тело.

Я мало что вижу под одеялом, но все чувствую. Его ладони обхватывают мою грудь, когда он устраивается между моих бедер.

Его язык исследует мою кожу... погружается между моих ног... В нашем маленьком коконе я чувствую его твердую плоть.

В нашем маленьком коконе он движется внутри меня, переплетая наши пальцы над моей головой, сливаясь телами настолько тесно, насколько это возможно физически.

Мы засыпаем удовлетворенные, переплетаясь конечностями. По иронии судьбы, это символ наших отношений. Мы превратились в узел. И я не знаю, делает ли он нас сильнее или просто все усложняет... мешает нашей свободе. Я знаю, что Зак не хочет удерживать меня от следования за моими мечтами, но я чувствую себя связанной с ним, и в этом нет ничего плохого.

Через несколько часов он будит меня, притягивая к своему телу и скользя в меня с одним лишь протяжным стоном моего имени. Я настолько одурманена им, что едва могу открыть глаза, поэтому они остаются закрытыми. Снова и снова я двигаю бедрами навстречу его толчкам, воздух наполняют только звуки нашего затрудненного дыхания и легкий, ритмичный скрип кровати. Его руки скользят по моему телу: по спине, груди и между раздвинутых бедер, где он движется внутри меня, пока мы снова не достигаем разрядки, не падаем и не засыпаем.

Глава 31
Зак

Мне требуется несколько минут.

Как бы мне ни хотелось провести в постели с Эмерсин весь день, особенно после того, как я так долго ее не видел, мне требуется несколько минут, чтобы разобраться в своих мыслях.

Выбравшись из постели, я подбираю с пола одежду, принимаю душ и варю кофе. Прошел год, и я думал, что воспоминания о Сюзанне, сидящей за кухонным столом и с такой гордостью смотрящей на свой сад, немного померкнут. Нет.

Воспоминания не померкли. Моя любовь к ней не угасла.

Но каким-то чудом я испытываю к Эмерсин сильные чувства. И эти чувства не кажутся неправильными, но они кажутся неудачными для этого момента. Мы находимся в очень разных местах в наших жизнях, и пусть это звучит как самая банальная причина того, что отношения не сработают, тем не менее, причина веская.

Я устроился в своей жизни и работе. Эмерсин только начала грандиозное исследование, поиск своей мечты, страстное путешествие, которое должно стать приоритетом номер один в ее жизни.

Я не хочу ее отвлекать. Не хочу становиться причиной того, что она согласится на что-то меньшее, чем ее мечты.

Дверь ванной закрывается, выводя меня из глубокой задумчивости, и через несколько минут из-за угла появляется Эмерсин. Глядя на ее халат, я гадаю, надето ли на ней под ним что-нибудь. Да, вот где мои мысли. Если бы я мог вести себя как животное, реагирующее только инстинктами, я бы разложил ее на этом кухонном столе и хорошенько пожелал доброго утра.

Я подавляю внутреннего зверя и выбираю контроль.

— Доброе утро, — приветствует она, застенчиво улыбаясь, ее щеки краснеют, когда она наливает кофе в чашку.

— Доброе. Как спалось? — Я сажусь прямо и киваю на стул. Стул Сьюзи.

Эмерсин смотрит на него несколько секунд. Она думает о том же. Дело не только во мне. У нее свои проблемы со Сьюзи. Прежде чем я успеваю ее как-то успокоить, она садится, и я испытываю облегчение, что она воспринимает это нормально.

— Я хорошо спала, — она ухмыляется, впиваясь зубками в нижнюю губу. — А ты?

Ухмыляясь, подношу кружку к губам.

— Не на что жаловаться. — Сделав глоток, ставлю кружку на стол. — Нам много есть о

чем поговорить.

Она кивает, дуя на кофе.

— Чем ты занимался все это время?

Я смеюсь.

— Работал. А ты?

Она пожимает плечами.

— Тоже.

— А вот с этим поподробнее. Я лишь мельком вижу тебя в социальных сетях, ты живешь полной жизнью. Вольная пташка. Надеюсь, ты счастлива.

На лбу Эмерсин образуются морщинки, и она кривит губы. Я бы все отдал, чтобы узнать, о чем она думает, потому что знаю, эту мысль она не озвучит при мне.

— А *ты* счастлив? — спрашивает она.

Мои глаза сужаются, изучая полупустую кофейную кружку передо мной.

— Я в норме. На работе все хорошо. Семья тоже в порядке.

— Но *ты* счастлив? — повторяет она.

С легким ворчанием и улыбкой, чтобы сгладить любую боль от ворчания, я пожимаю плечом.

— Честно?

Она кивает.

— Не могу сказать наверняка.

— Почему?

— Потому что не хочу ни ранить твои чувства, ни давить на тебя.

Прерывисто вздохнув, Эмерсин принимает храбрый вид.

— Ладно... это выйдет сбивчиво, и, надеюсь, ты не поймешь меня неправильно, но... я не рассчитываю, что волшебным образом осчастливорю тебя, словно Сьюзи все еще жива. Мне кажется, она хотела, чтобы после ее смерти ты был *собой*. Но своим присутствием в твоей жизни она как бы делала тебя тем, кем ты был. Ты был Заком: пилотом, другом, братом, сыном... и мужем. И из всего перечисленного, статус мужа значил для тебя больше всего. Как переосмыслить жизнь, когда то, что казалось самой важной частью тебя, больше не существует?

Через несколько долгих мгновений я шепчу:

— Возможно, ты права.

Такое ощущение, что Эмерсин проникла в мою гребаную душу, ухватила каждую эмоцию и рассказала мне о них. Я беру ее за руку и притягиваю к себе.

Она поддается, усаживается ко мне на колени, и мы оба смотрим в окно. Опустив подбородок ей на плечо, я пробираюсь рукой ей под халат, обнаруживая, что она действительно голая.

— До того, как я увидел тебя вчера дома... — я протяжно вздыхаю, — ...я боролся. Я считал себя мудаком, оставив тебя в Малайзии без каких-либо объяснений того, что у нас происходит, потому что и сам не знал. Я не ожидал, что эти эмоции подкрадутся ко мне и уничтожат мое чувство равновесия. Каждый день я ощущал, что мне чего-то не хватает. И очевидным ответом, казалось, была она. Возможно, ты частично права. Возможно, мне не достает той части меня, которую она забрала с собой. Я пытался в этом разобраться. И бывали дни, когда мне было хорошо, но не великолепно. Я был доволен, но не обязательно счастлив. Спасибо и на этом, но все же я немного возмущен. Жизнь — это новый

кулинарный рецепт, который я продолжаю пробовать, но в нем постоянно чего-то не хватает. И что бы я ни добавлял, в итоге, все равно получается не совсем то, что надо.

— Зак...

— Нет.

Я крепче обнимаю ее, прижавшись губами к ее уху, потому что мне очень нужно, чтобы она услышала меня, прочувствовала мои слова.

— Когда я увидел тебя вчера после долгого — слишком долгого — времени, я понял, что дело не в Сюзанне. Не ее мне не хватает. Она умерла. Тебя — вот кого не хватало в моей жизни. Так что, если я скажу тебе, что прямо сейчас я безумно счастлив, ты почувствуешь ответственность за мое счастье. Если скажу, что несчастлив, ты почувствуешь себя виноватой или, что еще хуже, обидишься из-за того, что я несчастен после всего, что между нами произошло. Так что мне здесь не победить. На этот вопрос невозможно ответить.

— Если ты не можешь победить, то просто скажи мне правду.

— Я счастлив, — говорю я без колебаний.

Она выпускает крошечный вздох облегчения.

— Ты — это ты, — продолжаю я. — Я не сравниваю тебя с ней. Уже нет. Так что никогда так не думай. Никогда не думай, что ты живешь в ее тени или что ты не соответствуешь тому, кем, по твоему мнению, она была, или моим ожиданиям. Просто знай, что, когда я с тобой, счастье приходит намного легче. Я просто пытаюсь понять, как чувствовать себя так, когда тебя нет рядом, потому что мой психотерапевт говорит, что мне самому нужно быть источником своего счастья, чтобы делиться им с кем-то еще.

— Твой психотерапевт? — Эмерсин поворачивается на девяносто градусов, чтобы посмотреть мне в лицо.

Я ухмыляюсь.

— Ни слова. Мне уже достаточно «мы-же-говорили» от моей семьи.

Она мотает головой из стороны в сторону.

— Я никогда не советовала тебе обратиться к психологу, поэтому не могу такого сказать. Но я рада, что ты это сделал.

Я медленно киваю.

— Потеря обручального кольца стала тревожным звоночком. Я чувствовал себя запутавшимся после того, как вернулся домой из Малайзии.

— А сейчас?

— Мне лучше. В большинство дней мне лучше.

— Твой психотерапевт знает, что ты спишь с горничной?

Я смеюсь, дергая пояс ее халата.

— Он знает о Малайзии.

— И? — подталкивает она, жаждая информации.

— И он согласен, что ты молода и тебе нужно немного пожить. А мне нужно разобраться со своими проблемами.

— Он знает, что мы женаты? — Она прищуривается, глядя на меня, но я слишком занят ее голым телом, которое только что обнажил.

— Нет, — отвечаю я.

— Твоя семья знает о Малайзии? — Она прикрывается, затягивая пояс и заставляя меня хмуриться.

Я стреляю в нее взглядом «ты шутишь?».

— Они знают, что у тебя случился припадок, и я уехал в Малайзию. Но нет, большего они не знают. Не уверен, что я бы им сказал. На прошлой неделе мне звонил Аарон. Он хочет свести меня со своей знакомой. Я, конечно же, отказал.

— Почему ты отказал?

Правильно ли я ее расслышал?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Она одаривает меня фальшивой улыбкой.

— Думаю, тебе следует жить своей жизнью. Наслаждаться жизнью. Ты мужчина с... *потребностями*. Я женщина, которая редко здесь бывает. Ты дал мне больше, гораздо больше, чем я когда-либо смогу отплатить. Ты ничего мне не должен, и уж тем более хранить мне верность.

— Это ужасный ответ, — выпаливаю я, прежде чем она договаривает последнее слово.

Она действительно считает себя моим завоеванием? Слово она любая другая женщина? Неужели она, правда, думает, что произошедшее в Малайзии ничего не значит? У меня нет слов. Нет, у меня кляп, как у заключенного, потому что я хочу высказать все, о чем думаю, но отказываюсь быть нуждающимся ублюдком, который сдерживает ее в жизни.

Эмерсин пожимает плечами, прежде чем поставить кружку в раковину.

— Это лучшее, что я могу тебе дать. Уверена, у Аарона найдется местная, успешная и, вероятно, не страдающая эпилепсией знакомая. Бонусные баллы за хорошее здоровье. Двойные бонусные баллы, если она никогда не жила в своей машине.

— Перестань. Я не готов встречаться.

Эмерсин со смехом поворачивается ко мне и упирается задом и руками о край столешницы.

— Я была там прошлой ночью... в постели, если ты уже забыл. Я бы сказала, ты вполне готов встречаться.

Для сведения: я ненавижу этот разговор.

— Это другое.

— Почему? — Ее голова склоняется набок. — Потому что ты не угостил меня ужином?

— Потому что это ты. — Я чешу подбородок.

— Я? Разве это важно?

— Ты моя жена.

Слова вылетели. Их не вернуть. Моя самая большая проблема, которую я не обсуждал со своим психологом, заключается в том, насколько меня раздражают противоречия из-за того, что у меня есть жена. Люблю ли я Эмерсин как жену? Нет. В смысле... не знаю. Люблю ли я ее вообще? Господи... надеюсь. Но связь между моим сердцем и головой кажется поврежденной. Сигналы не четкие. Перестали быть таковыми после того, как у Сюзанны диагностировали рак. А после ее смерти я не был уверен, что когда-нибудь снова буду испытывать хоть какие-то чувства.

— Нет. — Эмерсин мотает головой. — Я женщина, которой ты дал страховку из-за своего невероятного благодушия. Ты не можешь оправдываться статусом жены, когда это удобно. Слишком часто ты напоминал мне, что у нас не такой брак.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ты другая. Исключение.

— Почему?

Я пожимаю плечами и, прищурившись, смотрю в пол.

— Потому что с тобой я могу не притворяться, что со мной все в порядке. Потому что

вас с Сюзанной связывало нечто особенное. И это может не иметь смысла ни для кого другого, но это имеет смысл для меня, и я думаю, это имеет смысл для тебя.

— Какой смысл? Потому что я изо всех сил пытаюсь разобраться в этом смысле. Я пытаюсь понять, как примириться с мыслями о тебе, когда окажусь в постели с другим парнем, потому что ты хочешь, чтобы я это делала. Ведь так? Я пытаюсь понять, что значит заниматься сексом с мужем, но не думать о нас как о настоящей женатой паре.

Я прикусываю язык, пока не убеждаюсь, что он кровоточит. Чего я жду от нее? Как мне доказать свои истинные чувства, не сдерживая ее? Это невозможно.

— Думаю, тебе нужен психотерапевт получше, — бормочет она, прежде чем направиться в душ.

Глава 32 Эмерсон

У нас хорошо получается игнорировать оставшиеся без ответа вопросы. Зак улетает. Я работаю над редактированием фотографий и моими страницами в социальных сетях. На нашу годовщину он присылает мне огромный букет роз. Опять же, в данный момент статус нашего брака сбивает меня с толку. Если у нас не такой брак, тогда зачем дарить цветы?

Отец Лии умирает, и я лечу в Нью-Йорк на похороны. Не уверена, когда она будет готова вновь начать путешествовать, но надеюсь, что скоро, потому что жить с мужем, не ощущая себя его женой, очень больно.

— Привет! — Ухмыляющийся Зак заглядывает на кухню после двухдневного отсутствия. — С днем рождения.

Я закрываю ноутбук, стоящий на кухонном столе, и откидываюсь на спинку стула, а он ставит на стол рядом с ноутбуком розовую коробку, перевязанную белой лентой, а затем медленно целует меня в губы.

— Спасибо, — бормочу я и ухмыляюсь, а Зак садится на соседний со мной стул и ослабляет галстук. — Не стоило.

Я отрываю взгляд от коробки. Конечно, я безумно рада. Мне в жизни дарили не так уж много подарков. И дней рождений я тоже справляла не так уж много, так что я эгоистично наслаждаюсь этим моментом.

Я поднимаю крышку. Внутри фотокнига в твердом переплете. *«Дайан Арбус: монография апертуры»* (прим.: апертура камеры — отверстие, через которое проходит свет).

— Зак... — шепчу я, когда вижу, что это первое издание 1972 года.

Книга полна портретов в нетрадиционных позах обычных людей из рабочего класса, а также тех, кто жил на задворках общества, таких как проститутки и великаны. Он сильно потратился на покупку.

Я прижимаю книгу к груди.

— Это слишком, но идеально. Ты такой внимательный. Я... — Останавливаю себя, прежде чем глупые слезы наполнят глаза. — Спасибо.

Положив книгу обратно в коробку, сажусь ему на колени, обвиваю руками за шею и крепко целую.

— Что ты делаешь? — спрашивает он хриплым голосом, когда я соскальзываю вниз и становлюсь перед ним на колени, потянувшись к его ремню. — Я купил это тебе не для того, чтобы ты...

Он делает паузу и глубоко вдыхает, когда я обхватываю его рукою.

— Я просто... — он путается в словах, — ...говорю, что тебе не нужно... бл***дь...

Его глаза закрываются, когда мою руку заменяет мой рот.

В настоящей близости трудно ориентироваться, когда любишь. Я желаю доставить удовольствие Заку, потому что люблю его, а не потому, что пытаюсь отплатить или заслужить его любовь. В большинстве случаев я не сосредотачиваюсь на том, как сильно повлияло на мою жизнь отсутствие отца. Легко притворяться, что у меня есть здравый контроль над близостью и отношениями, но это не так. Я все еще учусь.

С довольной и очень благодарной улыбкой Зак неторопливо поднимается и идет в душ.

— Собирайся, — кричит он на половине пути по коридору. — Я приглашаю тебя на ужин.

Я хихикаю, совершенно потеряв голову от волнения. Он не проявляет признаков вины, будто я сделала это только из-за подарка. Не спешит отвечать взаимностью, хотя не сомневаюсь, что позже он щедро отблагодарит меня в честь дня рождения. Это кажется... нормальным. В не совсем нормальных обстоятельствах я обрела небольшой баланс.

Зак ведет меня в японский ресторан, где мы разужаемся у входа. Я смотрю на него с интересом.

Он подмигивает.

— Первый раз?

Я киваю.

— Хорошо. — Его плечи распрямляются, подбородок вздергивается вверх, а губы изгибаются в торжествующей ухмылке. — Рад, что знакомлю тебя с этим *первым*.

Администратор проводит нас к нашему столику. Я смотрю на Зака с любопытством. Он кивает, чтобы я села первой, так что я устраиваюсь на подушке и опускаю ноги в углубление под низким столиком.

— Это дзасики, — говорит он, когда нам вручают меню (*прим.: дзасики — это комната с деревянным полом, покрытым татами, на которых стоят низенькие деревянные столики. Вокруг столиков гости сидят на подушках дзабутон*).

— И ты это знаешь, потому что часто бываешь здесь или в Японии?

Взглянув на свое меню, он пожимает плечами.

— И то, и то. О... свадьба Аарона и Даниэль перенесена на следующую неделю. Так что ты на нее успеешь, если только Лия не соберется уехать раньше.

— Почему свадьба на следующей неделе?

— Бабушке Даниэль нездоровится, а ей хочется быть на свадьбе.

— Думала, ты скажешь, что Даниэль беременна.

Зак со смехом разворачивает салфетку и расстилает ее на коленях.

— Нет. Но тоже вариант.

— Значит, я впервые познакомлюсь с ней на свадьбе?

— Видимо.

— Какая она?

Мы делаем паузу в разговоре, чтобы заказать напитки и еду, и как только снова остаемся одни, Зак, прищурившись, смотрит на меня.

— О чем мы говорили? Ах, да. Даниэль. Она фармацевт. И обожает плохие шутки Аарона. Они оба хотят одного ребенка и собаку.

Я улыбаюсь, но улыбка быстро сникает, и я медленно киваю.

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Вы со Съюзи планировали завести детей?

Брови Зака натягиваются, как линованная бумага.

— Да.

— Ты все еще хочешь детей?

Он глубоко вздыхает, медленно качая головой и проводя рукой по лицу.

— Я не могу об этом говорить.

— Прости, — шепчу я, постукивая ногтями по стакану с водой.

— Нет. — Он опускает руку на колени. — Все в порядке. Просто я не уверен, чего хочу, поэтому мне трудно думать о детях, когда я даже не думаю о новом браке.

Я хмурюсь.

Зак щиплет переносицу.

— Бл*дь... я ведь *женат*, — он усмехается.

Следуя его примеру, я фыркаю.

— До меня тоже доходил такой слухок. Уместны поздравления или соболезнования?

— Эмерсин... я не это имел в виду. — Он кусает губы и качает головой.

— Все нормально. Когда разговор начинается с детей и переходит к матери твоих возможных будущих детей, я не ожидаю, что ты будешь рассматривать меня в такой роли.

Зак изучает меня с непроницаемым выражением, а затем скользит рукой по столу и нежно сжимает мою руку.

— Послушай, я не знаю, куда двигаюсь. Не знаю, куда двигаешься ты. Но могу сказать, что в данный момент мне нравится то, что у нас есть.

Я улыбаюсь, и по большей части, искренне, но я не чувствую, что знаю, что в

данный момент у нас есть. Это *неуютное* счастье.

На следующее утро около шести я отправляюсь на пробежку — слабая попытка привести мысли в порядок. Пробежав чуть больше пяти миль, сворачиваю на нашу улицу и вижу на подъездной дорожке Зака, смотрящего на часы. Он весь потный и тяжело дышит. Он тоже нуждался этим утром в хорошей пробежке.

— Сколько ты пробежал? — спрашиваю я.

Он поворачивается, и на его лице расцветает медленная улыбка.

— Доброе утро. Восемь миль.

Я закатываю глаза и выгибаю спину с протяжным выдохом.

— Ну, конечно.

— Идем в душ. Я приглашаю тебя на завтрак.

— Ты приглашал меня и на ужин.

— Ну, а теперь приглашаю на завтрак. И мне не нужно ничего взамен. — Он подходит ко мне ближе и цепляет пальцем мой палец, легонько встряхивая, выражение его лица такое же игривое.

— Да? — спрашиваю я, чувствуя головокружение.

Его улыбка становится шире.

— Да.

Я опускаю голову, чтобы скрыть нелепое волнение, иду к входной двери и бегу в душ. К

тому времени, когда я выхожу из ванной с моими обычными тусклыми светлыми волосами, Зак уже ждет меня у задней двери.

Он отрывается от телефона и улыбается.

— Готова?

— Готова. — Я закидываю ремешок сумочки на плечо, а он придерживает для меня дверь.

Несколько кварталов мы молчим, а потом Зак прочищает горло.

— Я знаю, что ты поощряла пристрастие Сюзанны к «Капитану Кранчу».

Такого я не ожидала. Искоса смотрю на него, но он не отрывает взгляда от дороги. *Я знаю, что ты дал ей смертельную дозу морфия.* Опять же, вслух я этого не говорю. Смогу ли я когда-нибудь сказать ему об этом? Доверится ли он когда-нибудь мне?

— Не понимаю, о чем ты.

— Обманщица, — Зак усмехается. — Она скрывала это от меня, просто не очень хорошо. Крошки в постели. Да, я находил крошки после того, как вы двое смотрели эти ваши дрянные реалити-шоу. Так что, все ты понимаешь.

Я барабаню пальцами по своим обтянутым джинсами ногам.

— В свою защиту...

— Тебе не нужна защита. Я тоже поощрял ее пристрастие. Ей требовалась целая вечность, чтобы осилить коробку, и хлопья быстро черствели. Я заменял коробку, пока она не видела, съедал тарелку или две хлопьев, всегда оставляя примерно столько же, сколько было в предыдущей. Мишель знала. Она притворялась, что покупает хлопья для Сюзанны, но это был я. Всегда я.

Мою грудь наполняет тепло. Закари Хейс — прекрасный человек. Моя любовь к нему подпитывается тем, что он был добрым мужем для Сьюзи и любовником, которым стал для меня.

— Я знал, — продолжает он, — что она не будет в моей жизни вечно. Я никогда не позволял ей видеть мои слабые моменты принятия. Так что играл роль одержимого мужа, пытающегося спасти свою жену. И в некоторые дни позволял себе верить, что я действительно обладаю этой силой. Но в большинстве случаев... я все понимал. В эти дни я заменял хлопья и красил ей ногти на ногах ядовитым лаком. В эти дни я позволял ей просто... быть.

— Да. Все мы побывали в такой ситуации. Я говорила тебе, что встречалась с Брейди так долго, потому что мне нужен был бесплатный абонемент в спортзал. И под бесплатным абонементом я имею в виду душ. Оглядываясь назад... кто бы оказал сексуальные услуги в обмен на душ?

После нескольких секунд молчания он давится смехом.

— Это... я не могу... Эмерсин... — Зак пытается не рассмеяться, но не может сдержаться.

Моя история не имеет ничего общего с его, и мы оба это знаем. Это просто еще один пример того, как мы без спроса устраиваем друг другу передышку. Вот как мы воспринимаем невыносимую тяжесть момента. Это мы. Это то, что уникально для нас. И я очень сомневаюсь, что они со Сьюзи так делали.

Зак подъезжает к кафе и глушит мотор. Когда он отстегивает ремень безопасности и смотрит на меня, я глупо улыбаюсь ему в ответ. Мы выходим из его машины, не сказав ни слова, а затем Зак встает передо мной, прежде чем мы успеваем отойти на два фута от

автомобиля.

— Я не жалею ни о секунде с тобой, если ты так думаешь.

Мой взгляд останавливается на его глазах.

Не успеваю я произнести и слова, как он продолжает:

— Я так стараюсь не жить прошлым, оставаться самим собой. В последнее время было много моментов, когда твое прикосновение спасало меня. Я понимаю, что во всем происходящем сейчас мы не слишком задумываемся о последствиях для будущего. У меня низкие ожидания. Самые низкие.

Поджав губы, я медленно киваю.

— Это немного грустно. Ты должен повысить свои ожидания.

— Возможно. — Он кивает в сторону кафе. — Пойдем завтракать.

После того, как официантка вручает нам меню, я смотрю на Зака поверх моей карты, и он несколько секунд просматривает свою, прежде чем взглянуть на меня.

— Что? — он усмехается.

Я обвожу ногтем край меню, и до меня доносится аромат смеси бекона и кленового сиропа, когда официантка проносит заказ мимо нас в кабинку позади.

— Если между нами никогда не будет ничего большего, чем фиктивный брак и умопомрачительный секс, как думаешь, ты когда-нибудь расскажешь о нас кому-нибудь? Ты когда-нибудь скажешь своей семье, что женился на мне, чтобы дать мне страховку? Если ты снова женишься, расскажешь ли об этом своей жене?

Когда проходит достаточно времени, а Зак не отвечает, я переключаю внимание с меню на его задумчивое лицо.

— Решила ошарашить, да? — Он не смотрит на меня, но ухмыляется. — Тебя спрашивали, замужем ли ты? Во время путешествий кто-нибудь спрашивал тебя об этом?

— Да, — честно отвечаю я.

— И что ты отвечала?

— Я отвечала: нет.

— Почему?

Я усмехаюсь.

— Сам знаешь.

Зак отвечает медленным кивком.

— Ты когда-нибудь думала ответить: «да»?

Я пожимаю плечами.

— Иногда.

— Почему?

Еще одно пожатие плечами.

— Ты сам это говорил. Мне нравится мысль о тебе.

— Мысль обо мне... — повторяет он, чуть ухмыляясь.

— О муже. Доме. Семье. О человеке, не похожем ни на кого из знакомых мне. — Мои губы кривятся. — Конечно, своего отца я никогда не встречала, а мама не водила к нам замечательных мужчин. Так что планка поставлена невероятно низко, но у меня такое ощущение, что ты превосходишь даже самую высокую планку. Думаю, я поняла это с самого первого дня нашей встречи, и когда увидела тебя со Сьюзи. То был день, когда я увидела настоящую любовь.

Лицо Зака окрашивается в розовый, и он отводит взгляд в сторону. Подтолкнув к нему

свой стакан воды и обернутые в салфетку столовые приборы, я перехожу на его сторону стола.

— Подвинься.

Он смотрит на меня с подозрением, но подчиняется.

Я сажусь рядом с ним и облокачиваюсь на стол, подпирая щеку рукой, смотрю на него и улыбаюсь.

— В первый год учебы в колледже я пошла на свидание, и одна пара... может, им было чуть за тридцать... сидела на одной стороне кабинки. Должно быть, они заказали по одному из всех блюд в меню, потому что, когда мы заняли свои места, их столик был заставлен едой, и они все еще продолжали сидеть, когда мы покинули ресторан. Я наблюдала за ними больше, чем за своим парнем. Они смеялись. Ели. Игриво подталкивали друг друга. А иногда он наклонялся к ней и что-то шептал на ушко. Она хихикала. Он целовал ее в щеку. Казалось, они по очереди клали руки друг другу на ногу. Будто у них было все время мира. И они были так поглощены друг другом, что их ни чуточку не волновало, что о них подумают посетители ресторана.

Другая моя рука ложится на ногу Зака.

Он улыбается, и это немного напоминает ту улыбку, которую он дарил Сьюзи.

— Так вот, — продолжаю я, — помню, как думала, что однажды найду парня, достойного того, чтобы разделить со мной одну сторону кабинки.

Ухмылка Зака сияет ярче, излучая тепло солнца, достигшего высшей точки в послеполуденном небе. Он убирает мои волосы за ухо, наклоняется ко мне и шепчет:

— Я закажу бельгийские вафли с яичницей. — Затем его губы скользят по моей щеке, оставляя на ней поцелуй.

Я хихикаю.

Следующие полтора часа мы едим, флиртуем, прикасаемся и просто полностью поглощены друг другом. Это сезон бабочек в моем животе. Знала ли Сьюзи, что Зак мне их подарит? Было ли это больше, чем просто случайная надежда, подмигивание одобрения?

Глава 33 Эмерсон

До свадьбы остается три дня. Выскользнув утром из постели, я совершаю долгую пробежку. Иногда физические нагрузки приносят мне ясность мысли, но не сегодня. К тому времени, как я возвращаюсь домой, Зак уже одет и поливает растения в джунглях.

— Ты рано ушла на пробежку, — говорит он, когда я осматриваю растения и отрываю сухие листья, как учила меня Сьюзи. — Надо было разбудить меня. Пробежались бы вместе.

— Мне нужно было свободное пространство, — объясняю я.

— Ладно... — Зак отставляет лейку в сторону и кладет руки мне на бедра, несколько секунд всматриваясь в меня. — Сейчас тебе лучше?

— Наверное.

Он целует меня, и я не могу не сдаться. Мне не нравится чувствовать себя не в своей тарелке из-за нашей ситуации.

— У тебя есть платье для свадьбы?

Я отступаю на шаг и смеюсь.

— Я — женщина, увлеченная модой... ты серьезно спрашиваешь меня об этом?

Зак усмехается.

— Ты права. Но у увлеченных модой женщин никогда не бывает слишком много платьев.

— Зак, Зак, Зак... ты разговариваешь на моем языке. Я никогда тебя не отпущу.

В его выражении что-то меняется. Он выглядит... испуганным? Удивленным? Не могу сказать.

— Ты взял смокинг напрокат?

Он качает головой.

— Это небольшая вечеринка, только самые близкие родственники и несколько друзей.

Аарон сказал, что я могу быть в костюме.

— Мне нужно увидеть твои костюмы.

— Зачем? С моими костюмами все в порядке.

Я обхожу его и направляюсь в спальню.

— Об этом судить мне.

— Значит, теперь ты судишь мой гардероб? — Он следует за мной.

— Да. Полностью и бесповоротно. Я молча судила твой гардероб с того дня, как мы встретились. — Просматриваю целых два его костюма, не предназначенных для работы.

— Серый. Сюзанне он нравился больше всего, — говорит Зак.

Я оглядываюсь через плечо, приподняв одну бровь.

— Согласна. В этом сером костюме ты смотришься очень красиво. Но... ты был в нем на ее похоронах. С ним *покончено*.

— Никто и не вспомнит, что я надевал его на похороны. Это обычный серый костюм. На такие вещи никто не обращает внимания.

Я раскладываю на кровати черный костюм и возвращаюсь в гардеробную, чтобы рассмотреть рубашки и галстуки.

— И под «никто» ты имеешь в виду мужчин — мужчины не обращают внимания на такие вещи. Но гарантирую, твоя мама запомнила на тебе этот костюм. Уверена, что образ ее старшего сына, стоящего в сером костюме у гроба его жены, навсегда врезался в ее память.

— Сюзанне нравился этот костюм, — бормочет он, пристально глядя на него.

— Ей нравился *ты*. — Я снимаю с вешалок несколько рубашек. — Это событие нитями вплелось в этот костюм. Теперь он — воспоминание об очень печальном дне.

— Как и моя кровать.

Я накидываю рубашки на согнутую руку и смотрю на Зака.

— Тогда купи новую кровать.

— *Ты* хочешь, чтобы я купил новую кровать?

Я качаю головой и возвращаюсь к упомянутой кровати, прикладывая рубашки под пиджак. Рефлекторно я чуть не отвечаю ему, что в какой-то момент снова уеду. Если эта кровать приносит ему покой, я ни за что не откажу ему в этом, когда сама буду объезжать полмира.

Этого я ему не говорю. В данный момент притворяюсь, что никуда не уеду.

— Тебе нравится кровать? Тебе в ней удобно? Если да, тогда оставь ее. Можешь перевернуть матрас. Купить новое постельное белье. Заменить изголовье. Сделать в спальне перестановку. Покрасить стены. Даже, черт возьми, переехать в другой дом. Делай то, что нужно тебе. А если тебе нужно все оставить как есть, то оставь все как есть. Сердце мало контролирует то, что ему нужно. И в этом вопросе у меня нет своего мнения. Только в вопросе выбора костюма. Совесть не позволит мне дать тебе надеть его на свадьбу.

Зак сидит на краю кровати, опустив руки между расставленными ногами.

— Тебя это не беспокоит? Кровать. Дом. Стул и одеяло. Она везде, и ты не против?

С легким смешком я возвращаюсь в гардеробную за галстуками и обувью. У Зака только две пары классических ботинок. И одна из них — черная, которую он носит на работу. Нам нужно пройти по магазинам.

— Иногда мне кажется, ты забываешь, что я тоже ее любила. Она была моей лучшей подругой и нравилась мне больше *тебя*.

Я лгу.

— Сурово. — Он с весельем смотрит на меня, когда я выхожу из гардеробной с галстуком и ботинками.

— Нет. Сурово — это выбор твоих галстуков и обуви. Зак, это не нормально. Не буду врать, я немного разочарована в Сьюзи из-за того, что она позволила тебе иметь такой унылый гардероб. Короче говоря... — Я отступаю и окидываю взглядом все, что разложено на кровати. От такого остается только поежиться. — Так не пойдет.

— Я не буду покупать новый костюм ради свадьбы. Я редко ношу костюмы, если это не моя униформа. Это пустая трата денег.

— Тогда купи новую рубашку, галстук и ботинки.

— С моими рубашками все в порядке.

— Зак... — Я хмурюсь. — Прямо сейчас ты губишь мое увлеченное модой сердце.

Убиваешь его.

Он закатывает глаза.

— Ладно. Согласен на новую рубашку.

— Галстук и ботинки.

— Никто не будет смотреть на мои ботинки.

— Я буду! — Я упираюсь кулаками в бедра и смотрю в потолок, выдыхая от досады.

— Тогда лучше смотри на мое лицо.

— Зак...

— Эмерсин... — передразнивает он. — Новая рубашка и галстук. Последнее предложение.

— Отлично. — Я фыркаю и топаю по коридору в ванную. — Я быстро приму душ. Захвати мне завтрак. Я съем его по дороге.

— Я мог бы присоединиться к тебе в душе.

— Нет, Закари. Мода — это прелюдия. Вот почему женщины носят нижнее белье. Ты испортил момент.

Закрывая за собой дверь, слышу его смешок. Это заставляет меня улыбнуться. Я горжусь собой за то, что проявила достаточную храбрость (смелость), чтобы поступить зрело, когда он спросил меня о кровати, о присутствии Сьюзи, которое останется в этом доме навсегда.

— Это женский галстук, — ворчит Зак, когда я показываю ему несколько галстуков.

— Попрошу тебя помолчать. Если бы мы оказались в самолете, я бы не стала указывать тебе, как им управлять. Ладненько, тыковка? — щебечу я приторно сладким голосом.

— Мне не нравится. Я не манекен, чтобы меня наряжали. Хочу, чтобы это было отмечено.

— Это отмечено. Но отклонено.

При виде ценника его глаза вылезают из орбит.

— Галстук стоит сто долларов.

— Знаю. Тут дешевые галстуки, но выбор не большой, когда у нас так мало времени.

— Дешевые? Сто долларов за галстук — это *дешево*?

— В мире моды — да.

— Иисусе.

— Так сойдет. Рубашка и галстук менее чем за триста долларов. Я плачу.

Я подхожу к кассе.

Зак бросает на прилавок свою кредитную карту.

— Ты не будешь покупать мне одежду.

— Буду. — Я подмигиваю продавщице, вручая ей свою кредитку.

Она ухмыляется, быстро взглянув на Зака.

— Привет, Зак...

Я оборачиваюсь, когда к нам приближается пара. Они выглядят почти ровесниками Зака.

— О, привет! — Он усмехается.

— Как дела? — спрашивает парень.

Я расписываюсь за галстук и рубашку и беру пакет.

Когда подхожу к Заку, пара смотрит на меня, а затем на него.

Зак, кажется, не находит слов, поэтому я протягиваю ему руку помощи.

— Привет. Я Эмерсин.

— Роб. А это моя жена Джилл.

Я улыбаюсь.

— Рада встрече.

— Ага... гм... — Зак путается в словах. — Эмерсин помогала мне выбрать новую рубашку и галстук для свадьбы Аарона.

— Аарон женится? — спрашивает Роб.

— Да. Небольшая свадьба в доме наших родителей.

— Передавай ему наши поздравления.

Зак кивает.

— Обязательно. — Он бросает на меня быстрый взгляд, и я натянуто улыбаюсь в ответ. — Мы с Робом — бывшие коллеги. Сейчас он работает в частной авиакомпании.

Я киваю.

— О, понятно.

— А... — Зак смотрит на Роба и Джилл. — Эмерсин убиралась в нашем доме. Они с Сюзанной дружили. Теперь она путешествует по миру, снимая потрясающие фото и видео с другим фотографом.

— Вау! Как захватывающе, — говорит Джилл.

Да, захватывающе. Хотя и не так захватывающе, как этот очень неловкий разговор, где Зак понятия не имеет, как объяснить мой статус в его жизни. Да, я была подругой Сюзанны, но теперь ее нет. Да, я убиралась в его доме, но это больше не моя работа. Я вижу на их лицах вопросы, остающиеся без ответов.

— Ну, теперь ты должен мне обед. — Глядя на Зака, я просовываю руку в задний карман его джинсов — друг или бывшая горничная никогда бы так не поступили. Затем готовлюсь к ответной реакции... к тому, что его тело застынет, или к какому-то еще еле уловимому отвержению.

Ничего не происходит. Возможно, двухсекундная пауза, но ее достаточно, чтобы Зак обнял меня за талию и притянул ближе.

— Да, давай пообедаем, — соглашается он.

Это неожиданно, отчего я испытываю вину за то, что сомневаюсь в нем. Может, все, что ему было нужно, это демонстрация того, что не все нуждается в словесном объяснении. Роб и Джилл видят, что мы больше, чем друзья, и нам не нужно говорить об этом ни слова.

— Тогда, приятного вам обеда, — желает Роб, прежде чем мы поворачиваем к выходу.

— Спасибо, — благодарит Зак по пути к машине.

— За что?

Он наклоняется и целует меня в макушку.

— Ты знаешь, за что.

Я ухмыляюсь. Да, знаю.

Глава 34 Эмерсон

— Все равно этот *розовый* галстук женский, — ворчит Зак, пока я завязываю его *клюквенный* галстук.

— Прелюдия к моде, помнишь?

— Это код для того, что позже мне перепадет?

Не отрывая взгляда от галстука, завязываю идеальный виндзорский узел.

— Развяжи мой пояс, если хочешь знать, что тебе перепадет позже. — Мои губы складываются в крошечную ухмылку.

— Развязать, да? — Он дергает за пояс шелкового халатика.

Мои волосы завиты свободными волнами. Макияж нанесен, в том числе, *клюквенная* помада. Остается только надеть платье и туфли на шпильках, и можно выходить.

Зак развязывает пояс, и халат распахивается.

— Ну... е*ать... меня...

Моя ухмылка становится еще шире, поглощая каждую каплю его реакции на мой черный кружевной бюстгальтер пуш-ап и подходящие стринги. Кружевной бюстгальтер никак не скрывает мои соски. Он действительно создан для того, чтобы дразнить.

— О, поверь мне, так и будет... и я стану настаивать, чтобы ты оставил галстук, с остальным мы разберемся позже, когда действительно будем *трахаться*.

— До начала свадьбы еще два часа... — Подушечка его большого пальца обводит мой сосок через кружево.

— Даже и не думай. Я не испорчу прическу и макияж.

— Эм... — Его пальцы скользят по моему животу, большой палец пробирается под тонкое кружево. — Я могу насладиться *моей женой*, не испортив ее прическу и макияж.

У меня перехватывает дыхание, и я сжимаю его руки. *Моя жена*.

Сначала та встреча с парой из торгового центра. А теперь он предъявляет права на меня как на свою жену. Эта перемена мне нравится. Она открывает моему сознанию столько возможностей... и моему сердцу. Принятие. Я чувствую себя принятой и признанной той, кем я являюсь.

Не объектом благотворительности.

Не пунктиком в списке добрых дел.

Не грязным секретиком.

— Зак... нет... — пытаюсь слабо протестовать, впервые замечая, что банка с камнями исчезла. Мне было бы все равно, если бы он их сохранил, но их отсутствие — еще одна

деталь, подтверждающая, что *мы* есть и мы реальны.

— Ты сама хотела, чтобы я это увидел... — говорит он низким и соблазнительным голосом, от которого по венам разливается адреналин, а сердце бьется быстрее. — В качестве анонса. Поэтому я хочу дать тебе представление о том, чего ты можешь ожидать от меня позже.

— Зак...

Я с трудом сплываю, когда он прижимает меня спиной к туалетному столику. Мои руки сжимают край, а он становится на колени передо мной, стягивая с меня стринги.

— Когда ты снова уедешь с Лией... — он оставляет стринги на туалетном столике и, озорно мне улыбнувшись, раздвигает мои ноги, удерживая их за колени, — ...мне будет не хватать тебя во многом.

Он медленно облизывает губы, и я мгновенно пьянею от желания.

— Но это... — Его взгляд перемещается между моих раздвинутых ног. — Выражение твоих глаз, когда я *это делаю*... не описать, как чертовски сильно я буду скучать по этому.

Первое движение его языка вырывает из моей груди резкий вздох, но через несколько секунд после того, как теплый рот накрывает меня *там*... я подтягиваю колени, закрываю глаза и полностью теряюсь.

Одной рукой ерошу его волосы.

Другой держусь за край туалетного столика.

Это больше, чем любовь. Это больше, чем физическое удовлетворение.

Зак пробуждает во мне чувственную сторону. Разжигает страсть. Наша близость укрепляет мою уверенность как женщины. Не знаю, могу ли я доверить ему свое сердце, но свое тело я ему доверяю. Я доверяю ему свою физическую уязвимость.

Жизнь — это череда моментов, и мы считаем одни важнее других. Я не помню, как стояла в очереди за кофе, но помню, как Лия впервые похвалила одну из моих фотографий за чашкой кофе во время собеседования. Я не запомню рубашку, которую выбрала для Зака на эту свадьбу, но буду помнить клюквенный галстук и то, что он сделал со мной после того, как я впервые повязала его ему на шею.

Люди посвящают свою жизнь Богу и жертвуют своими человеческими желаниями, поэтому для любого человека было бы нелепо ставить сексуальное удовлетворение на первое место в списке важных моментов жизни. И все же я добавляю этот момент в редкий список моментов, которые мне никогда не забыть, и без которого я не уверена, что смогу жить. Слова, которые он сказал, и то, как он их произнес.

Каждый намек на ухмылку, будто он не хотел ухмыляться, но не мог сдержаться.

Каждый поцелуй в макушку, когда он глубоко вдыхает прямо перед тем, как коснуться меня губами.

Каждый раз, когда он притягивает меня к себе, на диван или просто стоя рядом, будто не может быть ко мне достаточно близко.

Каждый. Момент. До единого.

Я буду скучать по ним и сравнивать с ними каждый новый.

Зак не может отвести взгляда от моего черного кружевного платья со слегка приспущенным плечом и длинным разрезом, показывающим ногу. Полагаю, его внимание привлек *клюквенный* пояс, опоясывающий мою *талию*. Также примечательно, что все — даже отец Зака — хвалят его галстук.

— Я могу уже сказать: «я же говорила»... — В одной руке я держу бокал шампанского, а другой поглаживаю галстук Зака. — Или хочешь, чтобы я подождала?

Он отпивает шампанское.

— Ты не упоминала, что у твоего платья розовый пояс.

Я смеюсь.

— Потому что он не розовый. Он клюквенный.

— Красный.

Я качаю головой.

— Клюквенный.

— Клюквенный... — соблазнительно произносит он, и я не могу сдержать фырканье и хихиканье.

— Какое красивое платье. — Мать Даниэль останавливается по пути к молодоженам, чтобы окинуть меня быстрым взглядом.

— Спасибо. — Я улыбаюсь.

Зак, как настоящий джентльмен, официально представляет нас.

— Вики, это Эмерсин. Эм, это мама Даниэль, Вики.

— Следующая свадьба будет твоей, Зак? — Она подмигивает. — Или... — Она кривит губы и щурится, словно пытаюсь что-то вспомнить. — Ты уже женат? Мне кажется, я слышала, что ты был женат.

Прежде чем мое сердце успевает сформулировать четкое мнение о подходящем ответе на вопросы Вики, Зак берет эту обязанность на себя, отступая от меня на шаг.

Отступая.

От.

Меня.

На

Шаг!

— Нет. Я не женат. Я *был* женат, но моя жена умерла.

Я подхожу к нему ближе и тянусь к его руке, но он сует ее в карман.

Мир перестает вращаться. Жизнь, какой я ее знаю, резко останавливается. Реальность поднимает свою уродливую голову, и я чувствую, как сердце пронзает ярость моей глупости.

Сегодня тот самый день... или он должен был стать «тем самым». Сегодня его семья узнала бы о нас. Мы этого не обсуждали. Но это подразумевалось. Ведь так? Всего несколько часов назад он с любовью назвал меня своей женой и вытворял с этой женой нечто невероятно интимное.

Жена. Это я его жена!

Или... я заблуждалась.

— Очень жаль это слышать. — Вики отходит к столу с тортом.

Мой мозг захлебывается от потока мыслей и возможных объяснений того, что Зак только что сказал.

Он обоснованно *забыл*, что мы женаты? Сейчас он расслабленно потягивает шампанское, будто этот диалог, эта *ложь* — ерунда. И я понимаю... я, правда, понимаю, что рассказывать правду матери Даниэль раньше всех было бы не лучшей идеей. По крайней мере, мой мозг это понимает. Но сердце слишком занято, обливаясь кровью, чтобы переварить актуальные мысли. Здравые мысли.

Почему мы сейчас прячемся? У нас было все не по-настоящему, но... теперь все по-

другому. Не так ли? Нам не нужно никому говорить, просто позволить им увидеть.

Как мы держимся за руки.

Как он, ухмыляясь, шепчет мне что-то на ушко и проводит губами по моей щеке.

До этого момента я не совсем понимала, насколько важен для меня этот слон в комнате — мои чувства к Заку и мои решения относительно моего будущего.

— Хочешь торт? — спрашивает Зак.

Я медленно качаю головой. Я не хочу торт. Я хочу знать, почему сегодня *не тот самый день*, чтобы показать нас всем.

— Незамужние дамы, собираемся! — зовет Вики. — Пришло время Данни бросать букет.

Свадьба небольшая, человек тридцать. Так что незамужних дам здесь всего двое: лучшая подруга Даниэль и ее младшая сестра.

— Мисс Эмерсин... — Вики манит меня пальцем. — Ведите сюда свое красивое незамужнее «я».

Трое. Судя по всему, здесь трое незамужних дам.

Зак слегка подталкивает меня в поясницу. Я чуть отстраняюсь, бросая на него хмурый взгляд через плечо. У меня руки чешутся его убить. Нет, я точно его *убью*. Это только вопрос времени.

Тем не менее, я сохраняю видимость самообладания, даже если она висит на тонкой ниточке.

— Иди, незамужняя дама, — говорит Зак, и это поджигает мой фитиль.

Ниточка рвется.

Кажется... мне тесно и жарко внутри собственного тела. Жар, как при лихорадке. По коже распространяется нервное покалывание. Я отхожу подальше, давая двум другим незамужним женщинам достаточно места, чтобы поймать букет.

— Один, два, ТРИ!

Даниэль бросает букет через голову, как Том Брэди... пушечное ядро из цветов перелетает двух других девушек и чуть не сносит мне голову. Я ловлю его, чем зарабатываю разочарованно хмурые взгляды сестры невесты и ее лучшей подруги. Я отбрасываю букет, как «горячую картошку», и он приземляется в руки сестры Даниэль.

— Нет. Ты его поймала. — Она возвращает букет мне.

Небольшое собрание гостей аплодирует. И искра разжигает пламя. Я бы сказала, что вижу красный... но на самом деле это *клюквенный*. Я не вижу ничего, кроме клюквенного. Не чувствую ничего, кроме чистой ярости. Не слышу ничего, кроме *шума* крови в ушах, когда поворачиваюсь и топаю на каблуках к Заку. Предполагаю, в жизни все в порядке... пока порядок не исчезает. «*Не в порядке*» редко сопровождается каким-либо предупреждением.

Зак ухмыляется, но эта улыбка сникает с каждым моим разъяренным шагом в его сторону. Его взгляд следует за моей рукой, сжимающей букет, как топор. Сделав последние два шага, я поднимаю букет над головой.

— Я НЕ НЕЗАМУЖНЯЯ!

УДАР! УДАР! УДАР!

— ТВОЯ ЖЕНА НЕ УМЕРЛА!

УДАР! УДАР! УДАР!

— Я — ТВОЯ ГРЕБАНАЯ ЖЕНА!

УДАР! УДАР! УДАР!

— ТЫ, БЕСЧУВСТВЕННЫЙ ЗАСРАНЕЦ!

Все, что осталось у меня в руке, — это комок помятых стеблей, перевязанный лентой. Я отбрасываю останки, а Зак медленно опускает руки, которыми прикрывал голову, пока я хлестала его букетом за то, что он сказал, что его жена умерла.

За то, что отошел от меня.

За то, что назвал меня своей женой до того, как уткнулся лицом мне между ног.

За то, что сунул руку в карман, когда я подошла взять ее.

Вокруг так тихо, что, мне кажется, я слышу не только стук собственного сердца, но и сердцебиение Зака.

Что я наделала?

Задавал ли Зак себе тот же вопрос после того, как вколол Сьюзи смертельную дозу морфия? Продумал ли он свои действия? Или под влиянием импульса позволил своему уязвимому сердцу принять решение?

— Т-ты женился? — разрывает тишину голос Сесилии, появившейся рядом с Заком.

На его лице то же безжизненное выражение, что и у меня. Он знал о слоне в комнате. Но решил его проигнорировать. Теперь слон вышел из-за угла и разрушил все своей бушующей поступью.

— Да, — шепчет он.

— К-когда? — спрашивает Сесилия.

Зак моргает еще несколько раз, — единственная часть его лица, которая двигается.

— В прошлом году.

Рука Сесилии опускается на ее грудь. Она знает, что это означает, что мы поженились вскоре после смерти Сьюзи. Она просто не знает причины. А может, это и не ее дело. А может, мне стоило держать себя в руках... здесь нет места для «*может*». Я выпустила своего внутреннего трехлетнего ребенка и не могу отменить того, что только что сделала. Но любовь толкает людей на безумные поступки. *Она* не будет сидеть без дела в углу. Любовь требует признания иначе... взорвется.

— У вас... — Сесилия слегка задыхается, — ...был роман...

— Нет, — обрывает ее Зак.

— Тогда, в чем причина?

Я не могу оторвать глаз от Зака, а он от меня.

— Хочешь рассказать всем, почему мы поженились? — спрашивает меня Зак. В его тоне нет гнева. Это воплощение капитуляции. Поражение.

Взбесись, Зак. Пожалуйста, сойди с ума. Будь человеком!

Я моргаю, освобождая слезы, чувствуя яд сожаления.

— Нет, — мой голос срывается. — Я...

Моя голова двигается из стороны в сторону.

— Я просто хотела, чтобы меня признали твоей женой. — Я всхлипываю, из носа текут сопля. Прекрасный аксессуар к моему праздничному платью.

— Ну... теперь все знают, что ты моя жена. Счастлива? — Зак разворачивается и пробирается сквозь небольшую толпу. Через несколько секунд входная дверь захлопывается.

Я бегу за ним, но он уже съезжает с подъездной дорожки. Придерживая подол платья, я мчусь вдогонку, но на каблуках не успеваю. Достигнув конца длинной дорожки, мне остается лишь тяжело дышать и вытирать слезы.

— Прости, — шепчу я задним фарам его машины.

К тому времени, когда я возвращаюсь на крыльцо, многие уже собрались перед домом, а некоторые прячутся в окна. Я открываю дверь, и толпа разбегается — все, кроме Сесилии.

— *Простите...* меня, — говорю я ей. Мне больно на нее смотреть, поэтому я отвожу взгляд. Прошаркав в библиотеку, беру свою сумочку и плащ и заказываю такси.

— Я отвезу тебя домой или куда угодно, если ты расскажешь мне, что только что произошло, — говорит она.

— Ваш сын — добрый самаритянин. Вот что произошло. Он дал мне больше, чем я заслуживаю. А мне этого оказалось недостаточно. Это все моя вина. Я испортила свадьбу и испортила отношения с ним. Мне невыразимо жаль. — Я вытираю случайную слезу и снова иду к входной двери.

— Я все равно не понимаю.

Открывая дверь, я оглядываюсь через плечо, улыбаюсь через боль и слегка пожимаю плечами.

— Это больше не моя история. И никогда ей не была. Пожалуйста, передайте мои искренние извинения Аарону и Данни.

Когда прибывает такси, у меня нет иного выбора, кроме как вернуться в дом Зака. Мои вещи там. Мой паспорт. Мой кот.

Меня приветствует гнетущая тишина, когда я открываю дверь и снимаю туфли. Проглотив страх и поникшую гордость, волочу ноги к его спальне. Дрожащей рукой обхватываю ручку, чтобы толкнуть ее вниз, но она не поддается.

Он заперся от меня.

Сжав кулак, я поднимаю его, чтобы постучать, но останавливаюсь. Мои пальцы разжимаются, и я кладу ладонь на дверь и закрываю глаза. Что я наделала?

— Прости, — снова шепчу я, прежде чем удалиться в свою спальню.

У меня нет сил смыть макияж или переодеться ко сну. Мне лишь удастся вылезти из платья и в нижнем белье заползти в постель. Я прижимаю подушку к себе, и мои слезы, наконец, высыхают.

Разум успокаивается.

И я засыпаю.

На следующее утро пронзительный звук кофемолки выводит меня из комы сожаления. Прежде чем пройти по пути позора, принимаю душ и надеваю джинсы и футболку. Волосы мокрые. Глаза все еще немного красные и опухшие. Как бы мне ни хотелось телепортироваться буквально в любую точку мира, я не могу. Так что я бреду на кухню.

Зак не отрывает взгляд от своей тарелки и телефона рядом с ней. Одной рукой он держит кружку с кофе, медленно поднося ее к губам, будто меня нет в комнате. Я наливаю себе кофе и усаживаюсь рядом с ним. А он все продолжает вести себя так, будто меня не существует.

— Думаю... — Я поджимаю губы и тщательно взвешиваю слова. — Думаю, мне хотелось быть твоей женой по-настоящему. А вчера ты заставил меня почувствовать себя никем после того, как заставил чувствовать себя... ну, кем-то для тебя. Ты отступил от меня на шаг, чтобы объявить о своем статусе вдовца. А когда я попыталась взять тебя за руку, ты сунул ее в карман.

Я качаю головой.

— Я не могу быть с тобой близка и быть никем. Возможно, я думала, что смогу, но нет. — Я обхватываю чашку обеими руками и смотрю на черную жидкость вместо того, чтобы ждать, пока Зак посмотрит на меня. — Моя мать так и не вышла замуж. Не требовала ни от кого ничего большего, чем одну ночь в постели. Никогда не осмеливалась мечтать о большем, чувствовать, что заслуживает место в этом мире, где она действительно кому-то нужна, где чувствовала бы себя в безопасности и бескорыстно любимой. Я же всю свою жизнь мечтала о любви, даже когда не знала, что она означает. Думаю, я хотела ее больше всего на свете. Я мечтала о красивой свадьбе, первом собственном доме и топоте крошечных ножек. Это была мечта. Я мечтала о... мечте. Вместо этого получила бракосочетание в суде, брак без любви, дешевые авиабилеты, медицинскую страховку и карту «избавься от долгов и живи свободно». И если я кажусь тебе неблагодарной, то это не так. Я очень, *очень* тебе благодарна. И я очень сожалею о беспорядке, который устроила твоей семье, и об импульсивном поведении на свадьбе Аарона и Даниэль. Я не горжусь своим поступком и, если бы могла, то вернула бы все назад. Но я не расстроена тем, что правда открылась. Даже если теперь уже не знаю, что между нами правда.

От него по-прежнему никакого ответа.

— Уверена, ты молча отсчитываешь минуты до моего ухода. — Я быстро смахиваю слезу.

Это совершенно новый уровень невидимости. Со мной еще никто так не обращался... находясь в одной комнате.

Челюсти Зака напрягаются, сильно и неумолимо. От его тела ударными волнами исходит напряжение, как при землетрясении, оставляя трещины в моем сердце, которые будут ощущаться еще долго. Он относит тарелку и кружку к раковине, с грохотом отправляя их в нее, и опускает подбородок к груди.

— Не знаю, когда ты решила влюбиться в меня, потому что я не предлагал брак по какой-то иной причине, кроме как помочь тебе. Мы пересекли линию, и я думал, что контролирую ситуацию. Думал, что готов справиться с последствиями пересечения этой линии, но ошибался. Я не готов. Я... — Он потирает виски. — Бл*дь, я... я ничего сейчас не знаю. Это моя вина, а не твоя. С беспорядком я разберусь. Не думал, что наш брак станет для тебя чем-то большим, чем выгодная сделка.

Зак поднимает голову и смотрит мне в глаза, его лицо искажено такой агонией.

— Брак...

Он делает паузу, закрывая глаза на краткую секунду.

— Все... — он качает головой, — ...все перевернулось с ног на голову. Ты стала для меня настоящим спасательным кругом, и я *все время* думаю о тебе. Я тоже не могу совместить брак и близость. Ты гораздо больше, чем друг, и по закону моя жена. Но в моей голове и, возможно, даже в сердце ты не моя жена. И я прошу прощения, если это причиняет тебе боль. У меня в голове полный пи*дец. Я не раз называл тебя своей женой, потому что пытался понять, кем мы стали. Пытался увидеть, как мы вписываемся в жизни друг друга. И пока я этого не выясню, не смогу объяснить себе, то тем более не смогу объяснить своей семье и друзьям. И если ты так хотела моего публичного признания нашего семейного положения, было бы неплохо предупредить.

Я столько всего хочу сказать Заку. Полагаю, так было всегда. Однако время вечно выпадает неподходящее. Мое сердце не знает, как ему быть таким смелым. Поэтому я сдерживаю все внутри себя и позволяю назревать, пока боль не станет невыносимой.

Возможно, слова, которые я собираюсь сказать, неправильные; скорее всего, так оно и есть, но они самые честные.

— Ярлыки не должны иметь значения. В глубине души я это знаю. Но иногда ярлык является подтверждением. Подтверждением чувств. Подтверждением намерений. Я не знаю, как любить тебя *и* быть за тобой замужем, не являясь твоей женой. И в данный момент это только моя правда.

Зак не торопится, доказывая, что он именно тот терпеливый человек, которого я встретила в тот день, когда он меня нанял.

— Что же... — Он поворачивается, скрещивая руки на груди. — Мне многое предстоит выяснить. Мы находимся на совершенно разных жизненных путях, поэтому чувство ответственности за твое будущее так же, как и за мое, подавляет. Итак, после вчерашних событий я понимаю, что *единственный* способ быть с тобой сейчас — это не думать о себе как о твоём муже.

Ох, как больно...

Я буду чувствовать эти слова еще долго, возможно, целую вечность.

Как и прошлой ночью, между нами вновь происходит обмен пристальными взглядами. Я не могу не задаться вопросом: пытается ли он подобрать слова или, как и я, изо всех сил старается найти *правильные* в беспорядке миллионов отчаянных мыслей, кружащихся в его голове.

Похоже, он отказывается от праздных разговоров.

И хотя мне хочется продолжать бороться за него, моя совесть все шепчет и шепчет: «*Ты не знаешь, как любить его, не потеряв частичку себя*». Такова моя реальность на данном этапе жизни.

А еще мне ужасно трудно не думать о Брейди и о том, как он, казалось, любил меня (я использую это слово легкомысленно) — человека, которым, как он считал, я могла бы быть, а не человека, которым я являлась на тот момент. Если Зак действительно меня любит, то какую из версий? Ту, кем я являюсь, или ту, кем я могла бы быть?

Любовь не умеет гнаться за ожиданиями. Она процветает благодаря принятию.

Молчаливым кивком я показываю свою любовь к нему, *принятие* его и его чувств ко мне. И тоже отказываюсь от праздных разговоров.

— Пойду собирать вещи.

— Куда ты отправишься?

Я вижу в его глазах боль. Этим все сказано. Почему мы не могли найти друг друга в иное время, возможно, в иной жизни?

— В Нью-Йорк. Я проснулась среди ночи и забронировала рейс. Лии сейчас не помешал бы друг.

Он медленно кивает, и я иду в свою комнату.

Собираю вещи.

Затем сажусь в кресло Сюзанны, прижимая к груди ее одеяло.

Без понятия, где сейчас Зак. Может, ушел. Я не могу его винить. Прощания — отстой.

Чуть позже часа ночи я подкатываю чемодан к двери и сажаю Гарри Паутера в переноску. Как только запускаю приложение, чтобы заказать такси, в парадную дверь входит Зак и останавливается при виде меня и моих готовых к поездке вещей.

Я предлагаю ему все, что у меня есть, а именно: нервную, душераздирающую улыбку.

— Я только вызову такси.

— Я тебя отвезу.

— Ты не обязан.

Он проходит мимо меня на кухню и берет стакан воды.

— Знаю, что не обязан, но я хочу.

Я киваю и сглатываю растущий в горле комок эмоций, пока Зак допивает воду. Когда он ставит пустой стакан на прилавок, его печальные глаза встречаются с моим взглядом.

В сердце поселяется сильная боль, и я жажду, чтобы он сказал что-то, показав, что все в порядке... что *мы* в порядке. Когда ничего так и не происходит, я опускаю взгляд в пол, пока мое медленно бьющееся сердце погружается на дно желудка. Зак берет чемодан и ручную кладь и тащит к своей машине.

— Пошли, Гарри, — шепчу я, следуя за Заком.

Тишина причиняет мне слишком сильную боль, поэтому я прислоняюсь головой к окну и закрываю глаза. Час езды до терминала кажется десятью часами. Отъезд меня убивает. Но если я останусь, это тоже меня убьет. От боли не скрыться. Я могу только надеяться, что расстояние станет бальзамом для моих ран. Работа — отвлечением. А время покажет перспективу.

В данный момент я ничего не вижу сквозь ослепляющие эмоции.

Когда машина останавливается у тротуара, никто из нас не тянется к ручке дверцы. Я не готова отпустить, но, если честно, никогда и не буду готова. Жизни плевать на нашу готовность. Она идет вперед, требуя, чтобы мы не отставали от нее, задыхаясь в облаке пыли прошлого.

— Я люблю тебя, Эмерсин.

И тут появляются они... слезы.

— Я просто... — он выдыхает через нос, — ...люблю тебя.

Вытерев слезы, я вылезаю из машины, лихорадочно забирая Гарри с заднего сиденья, пока Зак неторопливо выгружает мой чемодан и ручную кладь.

Такое чувство, что грудь мне раздавила и не дает дышать... *жизнь*.

Конечно, Зак знает, что я плачу, задыхаюсь, цепляюсь за свой багаж в отчаянной попытке обратиться отсюда, снова сделать вдох.

Он не мой кислород.

Без него мое сердце продолжит биться.

Я позволяю этим словам — этой истине — прокручиваться в голове снова и снова. Это должно стать моей новой мантрой.

Может, потому, что мне двадцать пять.

Может, потому, что я — девушка.

Может, потому, что я — романтик.

Какова бы ни была причина... мне кажется, Зак немного обижен, возможно, немного разочарован, и да... немного влюблен в меня. Но еще мне кажется, что прощание дается ему слишком легко.

Я не умираю (по крайней мере, надеюсь, это случится не сегодня), поэтому не ожидаю, что он будет оплакивать мой уход, как оплакивал потерю Сьюзи. Однако слеза, намек на любовь в его глазах, слово или два, вырвавшиеся под тяжестью этой эмоции — хоть что-то, *что угодно*, — заставят меня чувствовать себя любимой гораздо больше, чем просто эти слова, произнесенные вслух.

Вот ведь глупая. Я действительно думала, что все, что мне нужно — это услышать, как

он их скажет. Я ошибалась. Мое сердце не слышит. Оно может только чувствовать.

— Напиши или позвони мне, когда приземлишься.

Я киваю, но не могу на него смотреть.

Он обнимает меня, но я не могу обнять его в ответ. Боюсь, в противном случае, никогда не отпущу.

Он целует меня, но я не могу поцеловать его в ответ. Я не возьму то, что больше не кажется мне моим.

— Эм... — Он держит мое лицо в ладонях и так близко, что наши носы соприкасаются.

В его голосе чувствуется легкая агония, и я вдыхаю ее, подпитывая свое сердце, запечатлевая в своей душе, где хранятся все крошечные моменты жизни, когда мы по-настоящему чувствовали себя любимыми.

— Прикоснись ко мне. — Он хватает мои руки и подносит их к своему лицу.

— Я не могу, — говорю я сквозь сдавленные рыдания.

— Поцелуй меня. — Он снова прижимается своими губами к моим. Отчаянно и требовательно. Они — все, что мне нужно. И все же... если я сдамся, то никогда не уйду.

— Я не могу. — Я отстраняюсь.

Его плечи сникают. Мне ненавистно, что моя потребность в самосохранении кажется ему отвержением, но самое жестокое, что мы можем дать друг другу, — это ложная надежда. Этот мираж, не что иное, как медленная смерть.

— Я дам тебе знать, когда приземлюсь.

И вновь вцепившись в свой багаж, я, не оглядываясь, иду ко входу в аэропорт.

Глава 35 Эмерсон

— О... ты привезла с собой кота. — Лия морщит нос, встречая меня у задней дверцы своей машины, чтобы погрузить туда мой чемодан... и Гарри Паутера.

— Надеюсь, ты не против. На этот раз я не могла его оставить.

— Ну, об этом мы не скажем моему домовладельцу. — Она подмигивает, захлопывая дверцу хэтчбека. — Но почему ты не могла его оставить?

Мы садимся в машину и пристегиваем ремни безопасности.

— Потому что не знаю, вернусь ли.

Посмотрев на меня широко раскрытыми глазами, она складывает губы буквой «О».

Я хмурюсь.

— Все разладилось.

— Жаль слышать. Когда будешь готова узнать от меня плохие новости? — Она отъезжает от обочины и вливается в плотный поток дорожного движения.

— Можешь выкладывать все прямо сейчас.

— Мама эмоционально нестабильна. Не знаю, как быстро она преодолит фазу тяжелой утраты, но я не хочу находиться слишком далеко, если ей понадобится. Так что, пока остаюсь в США... ну, за исключением Гавайев и Аляски.

— Это понятно.

— Итак... ты уедешь на День Благодарения?

Я качаю головой.

— Мне не к кому ехать. Семья Зака меня определенно не примет. А про ситуацию с моей мамой ты знаешь. Ничего страшного. Мне и одной хорошо.

— Ты проведешь праздники со мной и моей семьей. Они умирают от желания познакомиться с тобой.

— Лия, я не хочу навязываться. Я и так очень благодарна тебе за диван. Этого достаточно.

— Не говори так, пока не ощутишь мой диван под собой. Его покупали не для комфорта, а для красоты. Если пообещаешь вести себя хорошо, я пущу тебя спать в свою постель.

Я выдавливаю ухмылку.

— Посмотрим, что я смогу с этим сделать.

— Значит... у тебя с Заком что-то не ладится? Или вам удался чистый разрыв?

— Мы официально женаты. Не уверена, что существует такое понятие, как чистый

разрыв. *Одно* тянет за собой *другое*, следы всегда остаются — маленькие крохи повсюду. Я не оставила Зака в прошлом. Я забрала с собой маленькие частички его, хоть и не по своей воле.

— Ох, детка, ты разбиваешь мне сердце.

Я киваю.

— И себе тоже, — шепчу я, вытаскивая телефон и отправляя ему обещанное сообщение.

Эм: Приземлилась благополучно.

Он сразу же отвечает мне смайликом с

большим пальцем, поднятым вверх.

Я провожу время, усердно работая в социальных сетях, постепенно наращивая число активных подписчиков. Люди просто хотят общаться. Хотят быть услышанными. Хотят быть признанными, чтобы их существование и мнение имели значение. Я приближаюсь к сотне тысяч подписчиков, а значит, пойду дальше и монетизирую свою страницу. Если мне удастся заработать достаточно денег самостоятельно, то я смогу получить хорошую медицинскую страховку. Тогда мне больше не придется быть женой Зака. Это одновременно и освобождает, и разрушает душу.

Прямо перед Днем Благодарения мы с Лией садимся на поезд до Бостона, чтобы устроить будуарную фотосессию для компании богатых женщин, которым недавно исполнилось сорок. Одна из женщин подписана на Лию с тех пор, как та завела свою страницу в Instagram.

— Что читаешь?

Лия заглядывает мне через плечо, пока мы ждем прибытия клиенток. Мы арендовали студию на втором этаже старого дома из коричневого камня с эффектным естественным освещением, разнообразными фактурными стенами, старой ванной и кованой кроватью с белыми простынями и пуховыми подушками.

На старинных деревянных полах стоят два разных бархатных дивана.

— Советы для лучшей будуарной съемки? — читает она название статьи на моем телефоне.

Я пожимаю плечами.

— Раньше я такого не делала. Не хочу напортачить.

Она смеется.

— Просто будь собой. Чтобы наладить с ними связь, будем спрашивать об их сильных сторонах и недостатках, а также поделимся своими. Самое главное — разговор. Молчание вызывает только неловкость. Осыпай их похвалами. Это не профессиональные модели. Им понадобится поддержка. Для создания большего пространства используй зеркало. Для отражений — окна, только убедись, что на фото нет твоего отражения. Подталкивай их к воспоминаниям об особых людях или особых моментах в их жизни, чтобы у тебя не получилось кучи снимков с бессмысленными выражениями лиц.

Я киваю.

— Хорошо.

— И если после их ухода у нас останется время, я сфотографирую тебя.

Мой взгляд устремляется к ней.

— Что? Зачем? Типа, портретные фото?

Лия усмехается.

— Конечно. Твое лицо тоже попадет в кадр. — Она подмигивает.

— Мне не нужны будуарные фотографии. — Я качаю головой.

— Зато они нужны мне для моей страницы и сайта. Такие фотосессии я провожу нечасто, и лишь немногие клиенты подписывают со мной разрешение на размещение их фотографий.

— Почему ты думаешь, что я его подпишу?

Она закатывает глаза, прежде чем включить фотоаппарат и проверить настройки.

— Ты его уже подписала, когда я наняла тебя на работу.

— Это...

— Умно?

Я усмехаюсь.

— Нет. Это... я не знаю. Но подумаю об этом.

В течение следующих трех часов меня притягивают фотографии в таком стиле. Они интимные и откровенные, но не только в физическом смысле. Они интимные еще и эмоционально. Для меня честь быть приглашенной разделить такую уязвимость. Лия говорит, что то же относится и к съемкам родов.

— Теперь ты, — объявляет она, глядя на часы после того, как женщины уходят.

— У нас всего двадцать минут. Нам понадобится столько же времени на сборы.

— На сборы мне нужно всего десять минут и пять минут на несколько снимков.

— Мне нечего надеть. Может, в другой раз. — Я укладываю свою камеру в сумку.

— Одежды и не нужно. Обещаю, это будут самые аппетитные фото, которые ты когда-либо видела. Гарантирую, тебе захочется разместить их на своей странице.

Я продолжаю качать головой.

— Делай, как говорят, или ты уволена.

Я хихикаю.

— Перестань.

Лия тут же приходит в отчаяние.

— Ну, давай! Просто сделай это.

— Ладно! Но пеняй на себя... если выставишь меня какой-нибудь шлюхой с дрянного сайта...

— Будто ты меня не знаешь. Я обижена.

Я не клюю на ее притворную обиду, но раздеваюсь. После того, как мы почти год жили в одной комнате, а теперь и в ее квартире-студии, мы видели друг друга обнаженными несчетное количество раз. В данном случае скромность излишня.

— Немного музыки для настроения. — Она подмигивает мне, когда я встаю перед ней, совершенно голая, с руками на бедрах.

Лана Дель Рей поет о своем «Белом платье», а Лия показывает мне серию поз в разных частях помещения. Как и было обещано, съемка заняла всего пять минут. Я одеваюсь, и мы загружаем оборудование, превышая отведенное время аренды всего на две минуты.

Как только мы возвращаемся в отель на ночлег, Лия открывает фотографии на своем ноутбуке.

— Вау... — я тарашусь на них. — Они...

Она ухмыляется.

— Великолепны. Ты выглядишь как произведение искусства. Каждый изгиб. Затенение.

Ты показываешь все, но в то же время, как ни странно, ничего.

Я медленно киваю.

— Можно я опубликую несколько твоих фото на своей странице? — спрашивает она.

— О, у меня есть выбор?

— Да, — говорит она с наигранным раздражением, — у тебя есть выбор.

— Можешь разместить у себя на странице любые из этих. — Я указываю на те, которые наименее откровенны. Безусловно, на них всех я голая.

— Супер.

Не теряя ни секунды, она берет свой телефон и перебрасывает на него фотографии с ноутбука.

После ужина мы зависаем в баре отеля, чтобы Лия могла пофлиртовать с барменом, а я попялиться в свой телефон. Мои фотографии, которые она опубликовала, уже набрали более двухсот тысяч лайков и почти двадцать тысяч комментариев, большинство из которых — огненные смайлики или острые перчики.

Вверху экрана всплывает сообщение от Зака, и я быстро нажимаю на него. Мы не разговаривали больше месяца. На нас это не похоже. И я соскучилась по нему, но также ощущала необходимость в этом пространстве для нас обоих. Так почему же из-за его сообщения у меня голова идет кругом?

Зак: Эм... где твоя одежда?

— О, боже... — Я прячу улыбку, широко раскрыв глаза, и держу телефон так, чтобы Лия могла увидеть сообщение.

— Да, детка! Выкуси, Зак. Весь мир смотрит на твою голую жену.

— Ш-ш-ш... — смеюсь я. — Больше никакой выпивки.

Я грожу пальцем бармену, а тот только ухмыляется.

— Серьезно... что мне ответить?

Она хватает мой телефон и печатает: ???

Он отвечает сразу.

Зак: Я не слепой и не тупой. Какого хрена????

— Кажется, он очень разозлился.

— Пусть злится, — говорит Лия. — У него был с тобой шанс.

Мерло и слишком много шотов сделали ее смелой.

Может, мне нужно выпить еще, прежде чем печатать ответ.

— Не смей ему отвечать.

Мои большие пальцы двигаются по экрану.

— Я не могу игнорировать его вечно. И не думаю, что у него действительно был шанс со мной. Он все еще живет прошлым, а я мчусь к своему будущему. Жить настоящим сейчас слишком сложно, а может быть, и невозможно.

— Ты можешь его игнорировать. Это просто отговорки. Если бы вам суждено было быть вместе, вы бы были вместе. Точка. Но вы не вместе. Вот твой ответ.

Эм: Это называется будуарная съемка. Лиш нужна была модель. Рада, что тебе понравилось.

Нет. Последнее я удаляю. Не хочу, чтобы он думал, что меня волнует его мнение.

Зак: У меня красивая жена.

Его глупый ответ лишает меня всякой радости.

— Да пошел ты, Зак, — шепчу я.

Лия смотрит на экран.

— О... это так мило.

— Это не мило. Это манипуляция. *Жена...* он любит называть меня своей женой, когда ему это удобно.

Мои большие пальцы приступают к работе, сообщая ему об этом.

Эм: Твоя жена умерла. У тебя нет жены.

Жестоко? Да. Но иногда жестокость необходима.

Он не отвечает.

Я жду.

И жду.

— Вот ты ему и сказала.

Я киваю, чувствуя себя ужасно. Невыносимо ужасно.

— Ага, — шепчу я. — Сказала.

Глава 36 Эмерсон

В чем проблема, когда говоришь что-то со злом? Вернуть эти слова невозможно. «Прости» или «я не это имела в виду» недостаточно, чтобы стереть воспоминания. Прощение — это, в лучшем случае, повязка, прикрывающая раны. Слова оставляют эмоциональные шрамы. Моя мама оставила мне таких много, и я боюсь, что нанесла их и Заку.

Понимание очень простых фактов — причина, по которой я не прыгнула в самолет и не отправилась в Атланту пресмыкаться и умолять его о прощении. Крах того, чем мы есть или кем были, — дело рук не одного человека. Чего еще можно ожидать от двух людей с разницей в возрасте в несколько лет, состоящих в браке по расчету и эмоционально привязанных к нереалистичным ожиданиям и навязчивым воспоминаниям о женщине, которая неосознанно (а может, и не так уж неосознанно) свела нас вместе?

День Благодарения проходит, а от Зака ни слова.

Проходит Рождество, а от Зака ни слова.

Конечно, я могла бы приложить усилия и связаться с ним, но не знаю, осталось ли что еще сказать.

Новый год приносит длинный список целей и новое чувство независимости. Чувствуя себя полностью смирившейся с... судьбой, я свожу баланс своего текущего счета и пишу Заку.

Эм: Пришли мне документы о разводе.

Везде болит. Я злюсь, но не знаю, кто виноват.

Зак?

Я?

Сьюзи?

Я останавливаюсь на Сьюзи, потому что это она заложила идею о Заке мне в голову. Такое чувство, что начать отношения с Заком было в какой-то степени ее предсмертным желанием. Теоретически мы принадлежим друг другу. Но мы запутались. Имея все нужные ингредиенты, мы смешали их в неправильных пропорциях — решили математическое выражение без учета порядка действий.

Не то время.

Не то место.

Не тот порядок событий.

Не та... жизнь.

Сразу после того как часы бьют полночь, все кричат «С новым годом!» и притягивают буквально первого попавшегося для поцелуя, я получаю неожиданный звонок. Пробираясь через толпу людей в любимом баре Лии на Манхэттене, я ищу крошечный уголок, где будет лучше слышно, и мне удастся разглядеть дисплей телефона. Я отчаянно хочу, чтобы это был Зак, но, увы.

Прищурившись, смотрю на экран, не узнавая номер.

— Алло?

— Это Эмерсин? — спрашивает мужской голос.

— Да.

— Я... хм... меня зовут Брэд. Я... *был*... другом вашей мамы.

Другом? У мамы никогда не было друзей-мужчин. У нее были парни, которые использовали ее, обижали и бросали.

— Ладно... — протяжно говорю я. — Не знаю, почему вы мне звоните, но я не видела и не разговаривала с мамой много лет.

— Да... э-м... я знаю. Видите ли... — он прочищает горло. — Не знаю, как это сказать, но...

— Просто скажите. В данный момент я немного занята.

— Вчера ваша мама скончалась.

Тишина заполняет линию. Даже шум в баре исчезает, и я понимаю, что слышу только медленное биение своего сердца.

Я не двигаюсь.

С того дня, как я ушла из дома, я ни слезинки не проронила из-за мамы. И, полагаю, даже до этого плакала больше... из-за чувства полного отвержения. Я ощущала себя брошенной задолго до того, как угнала ее машину и уехала, ни разу не оглянувшись.

Все это время... она ни разу мне не позвонила. Ни разу. У нее был мой номер, но она не позвонила.

Вероятно, поэтому, получив сейчас известие о ее смерти, у меня нет слез. Не для нее. Не для себя.

— Поскольку вы ее ближайшая родственница, вам необходимо уладить здесь все дела.

Я качаю головой и открываю рот, чтобы ответить, но не могу найти нужных слов. Мне нечего улаживать. Я ее дочь только на словах, и у меня половина ее генов. Вот и все.

— Понятия не имею, откуда у вас мой номер, но я не тот человек, который вам нужен. Лучше свяжитесь с ее парнем. Уверена, он у нее был. Разве что... это вы?

— Нет, мэ. Мы посещали одну группу АА (*прим.: анонимных алкоголиков*). Я в завязке уже два года, а она только что отметила год. Насколько мне известно, она жила одна. Ваш номер я узнал от ее домовладельца. Я должен был заехать за ней и отвезти на встречу. Входная дверь была приоткрыта, и именно тогда я обнаружил ее в постели без сознания. Она... — он снова прочищает горло. — Рядом лежал пустой пузырек из-под фентанила и несколько пустых бутылок из-под водки. Я... я просто понятия не имел. Мне очень жаль. В последний раз, когда я ее видел, она, казалось, чувствовала себя очень хорошо. Понимаете?

Я потираю лоб и закрываю глаза.

— Нет. Извините... на самом деле, я не понимаю.

— Послушайте, я не знал, кому еще позвонить. Я не в курсе ваших отношений с мамой. Но она отзывалась о вас с большой гордостью. Я просто... мне очень жаль.

Я медленно киваю, прежде чем отложить телефон в сторону и закрыть глаза.

Афины, штат Джорджия, — это не Лос-Анджелес, где находится Лия, пока я улаживаю дела, как ближайшая родственница. Организация кремации моей матери — это не день на пляже. Сейчас я завидую Лии.

Домовладелец впускает меня в мамино жилье. Пахнет алкоголем, сигаретным дымом и кое-чем еще, о чем я не хочу думать. Одинокий зеленый диван будто явился из семидесятых. Это единственный диван, который у нее был с тех пор, как я себя помню. Грязная посуда горой громоздится в раковине, а мухи, воюющие за протухшую еду, выются над разномастными мисками и тарелками.

— В спальне рвота, столешница прожжена сигаретами. Боюсь, я не смогу вернуть вам ее залог, — говорит домовладелец.

Я хмыкаю, но никак это не комментирую, и он оставляет меня одну в адской дыре с двумя спальнями. Здесь нечего собирать. Он хочет, чтобы я освободила это место, но я не трону ни единой чертовой вещи. Я ушла от нее не без причины. Проклятье, да я умчалась... в ее машине.

Вот несколько фото в пыльных рамках с треснувшим стеклом. Не задумываясь, беру одну из них и сую в сумочку. Прогулка по переулкам памяти состоится позже, потому что в данный момент мой завтрак готов вырваться наружу из-за окружающей меня вони. Быстро прохожу по каждой комнате, заглядывая в несколько ящиков и изо всех сил пытаюсь не обращать внимания на пустые бутылки из-под водки, все еще валяющиеся на полу рядом с ее кроватью. Я ищу что-нибудь стоящее. Ничего нет.

Никаких реликвий.

Ничего, что принадлежало бы мне.

Никаких спрятанных денег или драгоценностей.

Ни капли сентиментальности в этом жилище.

По словам Брэда, она не пила целый год. Он сказал, что она отзывалась обо мне с гордостью. Я ему не верю. Думаю, он попал в неприятную ситуацию и просто сказал мне все, что, по его мнению, могло заманить меня сюда, чтобы разобраться с мертвым телом.

Тот факт, что словосочетание «мертвое тело» приходит на ум раньше, чем *мама*, или что-то более личное или милое, просто показывает, насколько она уничтожила нас еще задолго до своей смерти.

Не имея ничего, кроме фотографии в сумочке и предсказуемой картины в голове о последних днях ее жалкой жизни, выхожу из съемного жилья, запрыгиваю во взятую напрокат машину и удаляюсь от города Афины на максимально возможное расстояние.

Ужасная ли я дочь? Ужасный ли человек?

Я заплатила за ее кремацию, но не осталась забирать останки.

Я посетила ее квартиру, но не взяла ничего, кроме фотографии.

Прошло три дня с момента звонка о ее смерти, но я не пролила ни единой слезинки.

Да. Я определенно ужасный человек.

Когда доберусь до Атланты, то понятия не имею, что буду делать дальше. Билет я купила в один конец, потому что не знала, сколько времени потребуется, чтобы привести

мамины дела в порядок... явно не так уж много, поскольку ее жизнь перед смертью была лишена порядка.

Покатавшись еще час, нахожу гостиницу и снимаю номер на ночь. В данный момент я просто оцепенела. Рухнув на кровать, смотрю в потолок и считаю капающие из крана в ванной капли.

Один.

Два.

Три.

Это то, что чувствовала мама? Одиночество? Считала ли она капли из протекающего крана? Интересно, как она дошла до такого момента в своей жизни и имела ли, в принципе, направление?

Скучала ли она когда-нибудь по моему отцу или по одному из тех отвратительных мужчин, которые годами то появлялись, то исчезали в ее жизни?

Скучала ли она по мне?

И буду ли я скучать по ней?

Остановив счет на двести пятидесятой капле, беру телефон и звоню Лии. Она не отвечает. Поэтому я пишу ей.

Эм: Позвони мне, когда будет возможность.

В Лос-Анджелесе сейчас на три часа меньше, так что я знаю, что она не спит. И у меня больше никого нет. Только Лия. На ней мой список заканчивается. Безумие думать, скольких людей я встретила, путешествуя по миру, но только один человек входит в список людей, которым я звоню после смерти своей мамы.

Сев, провожу руками по волосам, а затем достаю из сумочки фотографию. Не знаю, кто ее снял, но на ней изображена притворно счастливые мать и дочь на пляже, по пояс утопающие в песке, а волнистые линии делают насыпанный на нас песок похожим на хвосты русалок. Я засовываю фото обратно в сумочку и вздыхаю.

— Нахрен все.

В Атланте у меня есть муж. Муж, который за последнее время даже не пытался связаться со мной.

Не прислал документы о разводе.

Не нанес ни одного неожиданного визита.

Ничего.

В моем эмоциональном состоянии, я хватаю сумочку и мчусь на этой крошечной волне смелости до его дома. Следующие десять минут провожу в убеждениях, что идея эта не очень хорошая, но необходимая.

Спустя три стука в его входную дверь сцепляю перед собой руки и задерживаю дыхание. Убедившись, что дома его нет, разворачиваюсь и направляюсь обратно по подъездной дорожке — одновременно с облегчением и разочарованием.

— Да?

Я поворачиваюсь на голос.

Женщина подносит руку ко лбу, щурясь от заходящего солнца.

— Вы ищете Зака?

Искала. Но теперь уже не уверена.

— Он вернется домой через несколько часов, если хотите, заходите.

Я редко теряю дар речи, вообще-то, нервная, бессвязная болтовня — моя специальность. Но сейчас я понятия не имею, что сказать этой женщине. Мысли не дают мне дельного ответа; они слишком заняты, представляя, кем может быть эта женщина. Почему она в доме Зака в его отсутствие. А за мыслями следует натиск других деструктивных эмоций и образов.

Он не мой.

И никогда им не был.

Я это знаю. И ненавижу, что мне приходится так много раз повторять это мысленно. Ненавижу, что это никак не доходит до меня и *не ощущается* правдой.

— С вами все в порядке? — спрашивает она. Да и почему бы ей не задать этот вопрос?

Я не двигаюсь.

Молчу.

Должно быть, выгляжу безумной.

— Все в порядке, — удается мне выдавить три слова — одну большую ложь. На следующем вдохе мои ноги быстрыми шагами возвращают меня к арендованной машине.

В отеле я заказываю еду в номер и роюсь в мини-баре. У меня умерла мать. Я могу позволить себе вечер объедания и возлияния до комфортного состояния оцепенения. Наверняка можно хотя бы на один день отдохнуть от реальности, когда ты теряешь родителя.

После трех крошечных бутылочек виски — которые мне противны — и жирного картофеля фри с чизбургером (*потрясающе вкусных*, потому что я так давно не ела столько соли и жира), я включаю телевизор и погружаюсь в подушки, сложенные у изголовья. К мини-бару я вернусь чуть позже.

Во время бездумного просмотра кабельных каналов у меня звонит телефон. Наверное, долгожданный звонок от Лии.

— Дерьмо.

Я хмуро смотрю на экран. Это не Лия.

— Чао, — отвечаю я с наигранным энтузиазмом, который могут подарить только три крошечные бутылочки виски.

— Привет. Где ты? — спрашивает Зак.

Таинственная женщина, вероятно, слишком подробно рассказала ему о полуадекватной женщине, которая заходила этим вечером.

— Хм... — Я закрываю глаза, чувствуя странное примирение с событиями дня. Должна сказать, виски на вкус как лошадиная моча (говорю не по собственному опыту), но от него жизнь кажется менее дерьмовой. Сегодня я даю ему пять звезд и блестящую рекомендацию. — В гостиничном номере с протекающим краном, но хорошо укомплектованным мини-баром. А ты где?

— Что привело тебя в Атланту?

К чему все эти вопросы?

— О, знаешь... ну... отпуск... и смерть матери...

— Эмерсин... — говорит он с *такой* жалостью в голосе.

Разве он уже не понял, что я презираю жалость? Ради Христа, я жила в машине, потому что не позволяла никому жалеть меня. Я скорее задохнусь от своей гордости, чем буду чувствовать себя слабой.

— В любом случае... через день или два я улетаю в Лос-Анджелес. Я так понимаю, ты звонишь мне, потому что твоя девушка... — это слово на вкус хуже, чем виски, — ... должно

быть, упомянула, что я заходила. Я как раз была в твоём районе. Не беда.

— Где ты?

Я смеюсь.

— Я же сказала: в гостиничном номере с...

— Эмерсин, я не об этом. В каком ты отеле? Какой номер твоей комнаты?

— Не могу сказать. Знаешь... опасный незнакомец и все такое. Я давно не видела и не слышала о тебе, так что к этому моменту ты для меня почти незнакомец.

— Иисусе, Эмерсин... просто скажи мне, где ты.

Эмоции душат. Один только звук его голоса способен разорвать те части моего сердца, которые я пыталась исцелить эти несколько месяцев. Не уверена, что в мини-баре достаточно алкоголя, чтобы заглушить такую боль.

— Знаешь... — Я вытираю слезы. — Ты должен отправить мне документы. Ты получил мое сообщение? Я... я в порядке. Твоя страховка мне больше не нужна. Я справлюсь сама. Если они у тебя при себе, я могла бы их подписать перед отъездом домой. И тогда ты будешь свободен.

— Эмерсин...

— Просто подумай об этом. Хорошо? — завершаю разговор до того, как он успевает ответить.

Я пялюсь в телевизор еще час, не особо осознавая, что смотрю. Кажется, бейсбол. Эффект от виски начинает выветриваться, и я подумываю перейти

на водку. Вместо этого пишу Заку адрес отеля и номер своей комнаты.

Зака

После инцидента на свадьбе я предоставил Эмерсин время разобраться в себе. Мне это время тоже было нужно.

Я так поступил, потому что люблю ее.

Делает ли это меня галантным, самоотверженным, упрямым или просто глупым? Присяжные пока еще не вынесли вердикт.

Я миллион раз думал о том, чтобы позвонить ей.

Написать.

Отправить сообщение на ее телефон в два часа ночи.

Даже по обычной почте — как угодно, лишь бы утолить свою потребность снова ощутить ее близость.

Обнаженные фотографии были тревожным звоночком. Ее ответ с не очень тонким напоминанием о том, что моя жена умерла, только укрепил то, что я уже знал: я — мудака, позволивший событиям выйти из-под контроля. Она вызывает во мне бурю эмоций.

Любовь.

Страсть.

Страх.

Надежду.

Я пытался отпустить ее, но не смог. Держался за бумажку, на которой написано, что она моя жена, а я ее муж. Но это всего лишь... бумажка.

Я не ее муж. Она не моя жена.

Каждая капля надежды, которую я давал ей, каждая капля надежды, которую я позволял себе чувствовать, — не что иное, как подсознательная попытка пустить под откос ее будущее.

Она слишком молода, чтобы забывать о своих мечтах, а я слишком стар, чтобы эгоистично просить ее выбрать меня.

Но, милостивый боже... ох, как же я хотел быть эгоистом.

Эмерсин открывает дверь номера. Мягкая футболка, старые джинсы и лицо без макияжа дополняют ее поникшие плечи.

— Привет, — говорю я.

Мне требуется минута, чтобы пошевелиться, заговорить или даже вдохнуть, если на то пошло.

— Эм... — Я вхожу внутрь, и дверь за мной со щелчком захлопывается. Делаю еще два шага к ней, и тянусь к ее талии. — Я очень сожалею о твоей маме.

Эмерсин отпрыгивает назад, натываясь на телевизионную тумбочку, словно мое прикосновение может ее обжечь. Подняв руки, она качает головой.

— Не-а. Я в порядке. Мне не нужно плечо, чтобы поплакаться, или объятия, или что-то еще, в чем, по твоему мнению, я нуждаюсь. Только документы. Ты их принес?

Она убегает в другой конец комнаты, максимально удаляясь от меня.

— Времени не было. Ты спешишь? — Я засовываю руки в задние карманы. Это ложь. У меня была масса времени.

— Просто... — Она качает головой. — Это должно закончиться. Какое бы доброе дело ты ни обещал Сьюзи, или Богу, или кому еще... ты с лихвой выполнил его. И, должно быть, немного неловко встречаться с другой, когда ты формально женат.

— Я ни с кем не встречаюсь, — говорю я без особых эмоций. Мне нужны все силы, чтобы не позволить ей увидеть, как я истекаю кровью.

— Ну... — Она качает головой и отмахивается. — Встречаешься. Заводишь интрижку. Как угодно. Я просто хочу сказать... твоя благотворительность спасла меня. Привела туда, где я сегодня нахожусь. Я всегда буду чувствовать себя в долгу перед тобой. Но... необходимость в твоем великодушии отпала.

— Благотворительность. Великодушие.

Я медленно киваю.

— Понятно, — шепчу я, потирая губы. — И где ты сегодня находишься, так это в отеле, заказываешь еду в номер по завышенной цене и совершаешь набеги на мини-бар. Если это то, к чему тебя привели моя благотворительность и великодушие, то я не слишком горжусь собой.

— Зак, перестань.

— И к твоему сведению: женщина, которую ты видела в моем доме, — моя подруга, коллега-пилот. У нее в Атланте более длительная остановка, чем планировалось изначально,

поэтому я предложил ей остаться со мной, а не в отеле.

Она натянуто мне улыбается.

— В этом ты весь — само великодушие. Может, ей тоже нужна хорошая страховка. А я в данный момент удерживаю статус твоей жены, что же, тем больше причин подписать бумаги.

— Эм... — Я опускаю голову и вздыхаю. — Я не знаю, чего ты хочешь от меня. *Я не знаю, как любить тебя... справедливо.*

— Я только что тебе сказала.

Я снова поднимаю голову.

— Ты хочешь развода?

— Я хочу, чтобы ты был свободен, — поправляет она.

— Кто сказал, что я не свободен?

— Ни *одного* звонка. Ни *одного* сообщения. Если женщина в твоём доме — просто друг, то есть ли кто-то ещё?

— Нет. — Я качаю головой.

— Ты с кем-нибудь встречаешься?

— Нет.

Эмерсин на секунду стискивает зубы, прежде чем с трудом сглотнуть.

— Ты ждёшь меня?

— Нет. — Мой голос дрожит от легкой нервозности. Я жду себя. Я жду... бл*дь, я не знаю, чего.

Времени.

Я жду времени. Разве это не самый простой ответ на вопрос?

Со временем она найдет кого-то другого, того, кто движется в том же направлении.

Со временем я почувствую, что она действительно не нуждается во мне, вместо того, чтобы слышать, как она говорит мне это, когда я знаю, что это не правда.

— Тогда что ты делаешь? — Она повышает голос и тут же вздрагивает в сожалении.

— Работаю. Провожу время с семьей и друзьями. Забочусь о своем доме и дворе. Хожу к парикмахеру. К дантисту. В магазин за продуктами. Смотрю телевизор. Живу. Вот, что я делаю.

И скучаю по ней. Боже... Я скучал по ней каждый божий день. Томатная паста и арахисовое масло больше не отвлекают меня от мыслей о Сюзанне. Это Эмерсин. *Моя жена.*

— Ну... — она пожимает плечами, — ...вот. Ты только что подтвердил мою точку зрения.

— Какую?

— Что у тебя есть жизнь. Работа. Семья и друзья. И если в редких случаях у тебя находится время наедине, чтобы скучать по своей жене, я — не та жена, по которой ты скучаешь.

Я вздрагиваю. Ничего не могу с собой поделать. Это чертовски больно.

— Почему ты так говоришь?

— Э-э... — Она скрещивает руки на груди. — Может, потому, что ты не выходил на связь со мной несколько месяцев!

Я снова вздрагиваю.

— Если я был тебе нужен, ты могла бы мне позвонить. Я бы приехал к тебе, мы бы поговорили по телефону — все, что угодно.

— Итак... ты находишь время для своей семьи и друзей. То есть, когда им что-то нужно, они звонят тебе?

— Не обязательно.

Эмерсин осторожно кивает.

— Ты видишься с ними, потому что хочешь их видеть?

Мотая головой из стороны в сторону, я сужаю глаза.

— Это другое.

— Конечно, другое. Они явно тебе небезразличны. Ты *хочешь* поговорить с ними. Хочешь знать, как они поживают.

— Ты мне небезразлична.

— О, я вижу, — усмехается она.

— Эм... я даю тебе пространство и время. Я же говорил. Твои мечты для меня важнее всего. *Потому что* ты мне небезразлична... — Я щипаю себя за переносицу. — Я не требую твоего времени именно потому, что *люблю* тебя. Давай проясним это, хорошо?

Она судорожно вздыхает, в глазах стоят слезы, челюсти сжаты.

— Я. Люблю. Тебя, — продолжаю я. — Я понял это в Малайзии, просто понятия не имел, что делать с этой любовью. Я скучаю по всем моментам, которые мы разделили вместе, и по всем моментам, которые мы, возможно, никогда не разделим. Но любить тебя означает не позволять тебе отвлекаться на *нас*, когда ты так молода и у тебя впереди такое светлое будущее. И когда ты ушла, я знал, что мое присутствие в твоей жизни и наши необычные отношения отвлекают. Я отказываюсь быть препятствием или оправданием для тебя, чтобы ты отказалась от своей страсти. Ради чего? Чтобы быть женой? В этом цель твоей жизни? Возможно, я ободрял тебя и давал возможность следовать своим мечтам, но я больше не тот человек в твоей жизни. Я не что иное, как твое самое слабое звено, старый ржавый якорь, который удерживает тебя от познания страсти... страсти, которая у тебя внутри. Не позволяй никому удерживать тебя от этого.

Эмерсин закрывает глаза и кусает губы.

Я развожу руки в стороны.

— Вот он — я. Я прожил жизнь. Следовал за своей мечтой. Никто не вставал на моем пути. Никто не мешал мне оставаться сфокусированным на цели. Никто мне ничего не навязывал. Встретив Сюзанну, я сразу же ею заинтересовался. Потом узнал, что она с Тарой. Поэтому продолжил делать то, что делал. Я работал. Встречался с другими женщинами. Я *жил*. И я понятия не имел, что судьба сведет нас вместе, но это произошло. *Вся* жизнь зависит от времени.

Она медленно моргает, открывая глаза.

— Сейчас не наше время, — шепчет она.

— Сейчас не наше время, — эхом повторяю я.

— Дело в фотографиях.

Я качаю головой и сужаю глаза.

— Дело не в гребаных фотографиях. Мне на них плевать. — Это не совсем правда, но сейчас это не важно.

— Дело в том, что я сказала на свадьбе? Твоя семья ненавидит меня?

— Они не ненавидят тебя. Они понимают, почему я женился на тебе.

Эмерсин несколько раз кивает.

— Ни одного звонка... — повторяет она, снова задыхаясь.

Я чувствую ее. Чувствую все то, что она боится сказать, потому что я тоже боюсь это сказать. Хреново иметь иррациональные и импульсивные эмоции, когда дело доходит до любви.

— И что бы я сказал? — шепчу я.

Она всхлипывает и промокает уголки глаз.

— Что скучаешь по мне.

Я хмыкаю.

— Кажется, немного жестоко говорить такое. Словно я хочу вызвать у тебя чувство вины, когда ты так усердно работаешь ради осуществления своей мечты. Если бы ты позвонила и сказала, что скучаешь по мне, я бы вылетел к тебе первым же рейсом. Я бы ждал у твоей двери, пока ты не вернешься домой. И никогда бы не оставил тебя снова. Насколько это ненормально? Как мне выполнять свою работу? Отношения на расстоянии работают на всех словах, которые *не сказаны*.

— Чушь собачья! — Она сжимает кулаки. — Прошли *месяцы*. Это не отношения на расстоянии. Это отказ. Хорошо... не звони мне, чтобы сказать, что скучаешь. Позвони мне, чтобы сказать, что любишь меня. Позвони мне, чтобы пожелать счастливого Рождества или счастливого гребаного Нового года. Позвони мне и расскажи, как прошел твой день. Или какие у тебя планы на выходные. Присылай мне фотографии сада или фотографии своего улыбающегося лица. Ты подписан на меня в Instagram. Я знаю, что ты смотришь мои фотографии. Ты знаешь, что происходит в моей жизни. Но сам *никогда* ничего не публикуешь. Ты никогда не делишься своей жизнью.

Если я сдамся, если позволю себе поддаться чувствам, то сокрушу ее.

Ее мечты.

Ее будущее.

Ее независимость.

— Тогда почему *ты не позвонила* мне? Почему *ты не спросила* меня о моем дне? Почему *ты не попросила*, чтобы я прислал тебе фотографии? Ты все злишься, что я тебе не звонил, но и сама мне не звонила! — Я мгновенно сожалею. О. Каждом. Слове.

Она делает прерывистый вдох, от которого все ее тело дрожит.

— Как прошел твой день? — спрашивает она нежным голосом.

— Дерьмово. Моя любимая женщина не позволяет мне прикоснуться к ней. И это *пи*дец* как убивает меня.

Я делаю к ней шаг.

И другой.

Затем еще один.

— Я должен был позвонить, — шепчу я, потому что притворяться сильным больше не имеет смысла. *Мы* слишком многое пережили.

Когда наши взгляды снова встречаются, ее шлюзы открываются в неконтролируемых рыданиях.

— Моя м-мама у-умерла...

Я преодолеваю последние несколько дюймов между нами и заключаю ее в объятия. Если бы я мог выжать из нее каждую каплю боли и горя и впитать ее в свое сердце, я бы это сделал. Прикоснувшись губами к ее макушке, поглаживая ее волосы, я шепчу:

— Я знаю, Эм. И мне очень жаль.

Опустившись на кровать, притягиваю ее к себе на колени, прижимая к груди.

Правильных слов не подобрать. Кажется, ни одно из них не подойдет.

Знает ли она это? Чувствует ли мою любовь к ней?

Любовь, которую не получила от своих родителей.

Любовь, которую никогда не получала от братьев и сестер.

Любовь, которую преследовала неудача во всех ее отношениях до меня.

Эта любовь, какой бы она ни была, — горько-сладкая. Она — это всё, но ее никогда не бывает достаточно.

Неправильное гребаное время.

Когда колодец слез иссякает, а усталые глаза отказываются открываться, ее тело не желает перемещаться из моих объятий. Мы ложимся, и сон уносит

нас.

— Эм. — Я прижимаюсь губами к ее лбу, когда еще не взошло солнце.

Мне так не хватало этого чувства. Прикосновения к ней.

— Я должен идти. У меня сегодня рейс, — говорю я, лопаю наш пузырь.

— Почему один из нас всегда уходит? — шепчет она, не сдвигаясь ни на дюйм. —

Почему мы не можем вечно прятаться в коконе, забыв о целях, пересмотрев мечты, живя моментом и только друг ради друга? Почему это так тяжело? Так сложно?

Она утыкается носом в мою рубашку и вдыхает. Затем утыкается лицом в изгиб моей шеи и снова втягивает воздух.

Эти несколько вдохов поддерживают мою пробудившуюся надежду, прежде чем мое сердце снова оказывается в затруднительном положении. И легче никогда не станет.

Видеть ее.

Уходить от нее.

Скучать по ней.

Любить ее.

— Ненавижу, что мне нужно уходить. — Я снова целую ее в лоб.

Эмерсин цепляется пальцами за мою рубашку, касаясь губами моей шеи. Она не целует. Не захватывает игриво кожу. Просто *чувствует*.

У меня нет слов. Все было сказано не единожды.

Я люблю тебя, *но...*

Я хочу тебя, *но...*

Снова и снова мы сталкиваемся с реальностью, которую просто не хотим принимать.

Я ерошу ее волосы, откидывая ее голову назад. Удерживаю объятиями и глазами. Мои губы дразнят ее, и неминуемые чувства воспаляются. Поцелуй становится более настойчивым.

Я хочу жить настоящим моментом, но сердце знает, что будет страдать от длительного похмелья и по ходу уничтожит ее.

— Зак... — Она отворачивает голову, оказываясь этим утром сильнее меня.

Я зарываюсь лицом в подушку над ее плечом.

— Я знаю.

Она здесь. Она *везде*.

Эмерсин. Не Сюзанна.

Биение ее сердца, которое я ощущаю грудью, прижатой к ее груди.

Ее раздвинутые ноги обхватывают мои бедра, пока я пытаюсь сдержать желание

вжаться в нее.

Ее требовательные руки в моих волосах.

Остаточное тепло ее губ.

Цветочный аромат ее кожи.

— Мне нравится наш пузырь, — вздыхает она, проводя пальцами по моей спине. — Слишком нравится. Он ослепляет и полностью поглощает. Но *всегда* лопается, и я чувствую себя такой сдувшейся и опустошенной, что это изнуряет.

Я медленно слезаю с кровати.

Хлоп!

Пузырь мгновенно лопается. Наше время снова истекло. Мы в очередной раз идем разными путями в неопределенное будущее.

— Тебе помочь с бронированием рейса домой? — спрашиваю я.

Эмерсин медленно садится и поправляет футболку.

— Нет. Я сама.

— Тебя куда-нибудь подвезти?

— Я взяла машину напрокат.

Я чешу подбородок.

— Тебе *что-нибудь* нужно?

Сжав губы, она на несколько секунд отводит взгляд.

— Время, — шепчет она.

После нескольких медленных морганий я киваю.

Отвернувшись от нее, раздвигаю шторы еще на несколько дюймов, впуская первые лучи восходящего солнца.

— Попроси меня остаться. Пропустить полеты. Забраться с тобой в постель и забыть обо всем мире.

Это так импульсивно. И глупо. Но с Эмерсин я снова чувствую себя молодым и живым. Она властвует над моими мыслями, даже находясь на другом конце мира.

И я знаю... я *знаю* ответ на мою нелепую просьбу, но все равно произношу ее. Потому что, когда выйду за эту дверь, не хочу, чтобы у нее оставались хоть какие-то сомнения в том, с кем мое сердце.

Когда она не отвечает, я поворачиваюсь к ней. Чего я на самом деле жду от нее? Я чувствую себя стариком с усталыми глазами и горестными морщинами, залегшими у губ. В щетине проблескивает седина. Я уже не такой статный и подтянутый. Она может найти себе лучше.

— Попроси *меня* остаться, — шепчет она. — Бросить работу. Забраться с тобой в постель и забыть обо всем мире.

Это не смешно. Это грустно... так душераздирающе, но мои губы изгибаются в крошечной ухмылке. Она прощупывает почву. Черт, у нее может быть не одна мечта. Я не знаю. Да и откуда мне? Я — не пункт назначения. Не для нее. Я — препятствие. Отвлечение. Гребаная пара тренировочных колес, когда ей нужно ехать самостоятельно. Она готова, даже если я — нет.

После примерно минуты молчания, когда каждый из нас взвешивает свои следующие слова, лениво наблюдая, как наше совместное будущее ускользает все дальше и дальше, я обхватываю ладонью ее щеку.

Когда она льнет к моему прикосновению, я улыбаюсь ей в последний раз. Своей самой

лучшей улыбкой.

— Благополучно добраться до дома, любовь моя.

Глава 37 Эмерсон

«До дома».

Это официально. Он признает, что Атланта не мой дом, что *он* — не мой дом.

Я закрываю глаза и борюсь с болью в груди, комком в горле. Ощущения его прикосновений блекнут. Все его присутствие исчезает. И я остаюсь с тихим эхом закрывшейся двери.

Когда осознаю, что прошло слишком много времени для того, чтобы он развернулся и пришел ко мне, я отправляю ему сообщение.

Эм: Пришли мне документы.

В голове на повторе кружится все, что он мне сказал, а навязчивое эхо съедает все мои эмоции.

Нуждаюсь ли я в нем?

Что мне на это ответить? Делает ли меня слабой нужда в нем? Без него я выжила. Значит ли это, что он мне не нужен?

Нужда...

Список того, в чем я испытываю нужду, довольно короткий. Еда. Вода. Кислород. А Зак?

В аэропорту выставляю пост с фотографией большого стакана кофе на фоне подпирающих ручную кладь ног. **Обратно в Калифорнию #СмертьПереоценивают**

Когда прокручиваю ленту в Instagram, резко останавливаюсь, медленно возвращаясь к одной из публикаций. С улыбкой смотрю на первый официальный пост Зака. Это фото бескрайнего неба над облаками. **Второе самое прекрасное зрелище, которое я сегодня видел. #ЖизньПилота**

Радость, которую я испытываю в данный момент, превосходит то, что я чувствовала в его объятиях. Когда мы вместе, кажется, что то, кем мы являемся, и то, что *на самом деле* имеем, подавляет все, чем мы не являемся, и все, чего мы не можем иметь.

Двойным касанием ставлю на его фотографии сердечко и думаю прокомментировать пост, но останавливаюсь. На данный момент мы сказали достаточно. Возможно, наша судьба — быть не более чем друзьями.

От начала.

До конца.

И всегда.

Приземлившись в Лос-Анджелесе, сообщаю Заку, хотя он впервые не просил меня об этом.

Эм: Дома.

Это не совсем дом. На самом деле сейчас у меня нет дома. Ничего нового.

Через несколько секунд он отмечает сердечком мое сообщение. Прилагает усилия к чему-то. Я пока не знаю, к чему. И это самое неожиданное, так как мое прощальное сообщение ему было: «пришли мне документы».

На следующее утро Лия тащит мою эмоционально истощенную задницу на завтрак в ее любимый сок-бар. По ее мнению, глоток напитка из ростков пшеницы излечит меня от *всех недугов*. Улыбка на моем лице компенсирует отсутствие уверенности в моем шаге, потому что... я проснулась с другим постом Зака в Instagram. Его сфотографировали со спины, идущего по аэропорту с сумкой на плече. Довольно обыденно и сексуально. Не уверена, просил ли он кого-то сделать снимок (что странно меня волнует) или некто снял его спонтанно, а затем показал Заку. **С добрым утром, Гонолулу. #ЖизньПилота**

Засранец на Гавайях. Я ухмыляюсь неприличным, ревнивым мыслям, проносящимся в голове. Чего бы я только не отдала, чтобы оказаться с Заком на гавайских пляжах. После быстрого двойного касания его фотографии делаю снимок своих новых белых кроссовок, которые отдала мне Лия из множества бесплатных образцов, что ей присылают

всевозможные компании. Обувь стоит

чуть

более трехсот долларов. **Бонусы работы. #ОбувнаяШлюшка**

Не знаю, что побудило Зака начать публиковать посты в Instagram (надеюсь, что я), но он продолжает это делать. По одному посту в день в течение следующих нескольких месяцев. Каждый пост — это взгляд на его жизнь пилота, и он использует один хэштег: Жизнь Пилота. Пока... не публикует фотографию беременного живота с татуировкой хной на нем. На секунду мое сердце замирает, пропуская больше одного удара.

Не могу дождаться встречи с моей племянницей. #ГордыйДядя

Я нарушаю свое правило «без комментариев» после того, как лайкаю пост. Я немного расчувствовалась. Это горько-сладко? Думает ли он о ребенке, которого ему так и не представилось возможности завести со Сьюзи?

Поздравляю Данни и Аарона... и дядю Зака <3

Час спустя Зак лайкает мой комментарий. Никакого ответа, только признание одним сердечком. Но мне достаточно.

Не теряя времени, отправляю пять девчачьих одежек в дом Зака, чтобы он передал их Аарону и Данни вместе с открыткой (где я снова приношу извинения за срыв их свадьбы своей эмоциональной вспышкой), а также поздравительную открытку для его родителей. В записке для Зака я пишу:

Пожалуйста, передай это своей семье. Я очень рада за всех вас. С любовью, Эм.

P.S. Надеюсь, ты счастлив.

По какой-то причине, которую я не хочу признавать, понимаю, что начинаю чаще публиковать посты. Я хочу, чтобы Зак видел, что со мной все в порядке, независимо от того, правда это или нет. И, возможно... он выставляет свои посты по той же самой причине. Я в порядке. Он в порядке. Жизнь не закончилась на нашем расставании.

Столько постов.

Лия сгорбилась на пляже, фотографируя в лучах заката только что построенный замок из песка, а вдалеке — размытый силуэт маленького ребенка. **#ЗакатМалибу #ЖизньБлогера #Фотография**

Пирс Санта-Моника. **#ЗападноеПобережье #ЖизньБлогера #Фотография**

Я пью кофе рано утром, работая над редактированием фотографий. **#ЖизньБлогера #Фотография #ЛюблюСвоюРаботу**

Я публично делюсь своей жизнью с Заком, и он отвечает мне тем же. Никаких телефонных звонков. Никаких сообщений. Думаю, мы без слов движемся дальше.

Вот только... он так и не прислал мне документы о разводе.

Я зарабатываю достаточно, чтобы получить собственную страховку, поскольку больница не выставляет мне огромных счетов.

В апреле я публикую фото свадьбы, которую мы снимали в Юте.

Нашли ли вы свое счастье? #Навеки #СвадебноеФото #Согласна #Влюбленные

Зак ставил сердечки всем моим публикациям, и я поступала также с его постами. До сегодняшнего дня. Он публикует жутковатые на вид облака из кабины. Я публикую свадебное платье. И он вообще никак не реагирует на мой пост?

— Почему такое грустное лицо, детка? — спрашивает Лия, плюхаясь на кровать рядом со мной.

— Ерунда. Просто читаю... ерунду.

Она выхватывает телефон из моих рук.

— Отличное фото. Если бы я вышла замуж завтра, то выбрала бы такое же платье, как у нее.

— Оно красивое. — Я несколько раз киваю и прикусываю губу.

Лия возвращает мне телефон и прищуривается.

— Что такое?

— Ничего. То есть... — Я со стоном плюхаюсь на подушку. — Ему не понравилось.

— Кому и что не понравилось?

— Заку. Он не лайкнул фото. Он лайкает все мои посты... в обязательном порядке.

Она смеется.

— Может, он его не видел.

— Нет, видел. Здесь указано, что он был онлайн чуть больше часа назад. А пост я выложила три часа назад. И он подписан менее чем на сотню человек. Мое фото не могло не появиться в его ленте.

— Итак... почему ты думаешь, что ему не понравилось?

— Потому что это свадьба. А мы до сих пор женаты, потому что он не прислал мне документы о разводе. И... я не знаю. Я схожу с ума. Почему... какое мне дело, нравятся ли ему мои фотографии. Я такая глупая.

Я закрываю глаза и протяжно выдыхаю.

— Знаешь... никто не запрещает тебе самой отправить ему документы о разводе.

Мило со стороны Лии констатировать очевидное. Я знаю это. Точно так же, как знала, что могла бы написать или позвонить ему прошлой зимой, когда сходила с ума.

Я знаю. Правда, знаю.

Возможно, я не продвинулась вперед так далеко, как думала. Возможно, наше общение через Instagram — не лучший способ общения. Единственное, что хуже невозможности контекстуализировать сообщения, — это полная двусмысленность смайликов и времени лайкания постов в социальных сетях.

— Я продолжаю думать... — я подкатываюсь к Лии и подпираю голову рукой, — ...что разберусь со своими проблемами, если просто сделаю достаточно фотографий, если просто смогу осмыслить мир, собрав его воедино, как головоломку.

Она опускается рядом и, выдохнув, повторяет мою позу и тепло улыбается.

— Ммм... мне нравится. Никогда не смотрела на это под таким углом. Ты мудра для такой юной сиротки.

Я закатываю глаза.

— Забавно. Мама почти не принимала участия в том, чтобы сделать из меня ту женщину, которой я стала, но то, что она сказала в защиту своих действий в редкий момент трезвости и ясности рассудка, — весьма актуально для моей жизни. Она сказала: «Самые сложные отношения, которые у тебя когда-либо будут, — это отношения с самой собой. Мы — сами для себя величайшая загадка, самая большая проблема. Жизнь — это не поиск себя; это стремление определиться».

Лия снова мычит, вдумываясь в каждое мое слово. И прямо сейчас у меня их так много, потому что в моем разуме непрестанно кружится миллион мыслей. В мире, наполненном всевозможными определениями и ярлыками — ребенок, подруга, дочь, женщина, фотограф, любовница — как мне расставить их по степени важности? Или все зависит от дня или времени в моей жизни?

Глава 38
Зак

— С днем рождения, бро. — Аарон обнимает меня перед тем, как мы заходим в мой любимый стейк-хаус. Даниэлле прописан постельный режим, а родители гостят в Сиэтле у друзей.

— Спасибо. Как Данни?

— Скучает.

Он закатывает глаза.

— Но у нее все хорошо. — Его улыбка на вес золота. Я никогда не видел его таким счастливым. — Как отпраздновал свой день рождения?

Я пожимаю плечами, когда мы садимся за столик и открываем меню.

— Наверное, это просто случайность. Но завтра у меня ранний рейс.

— Ты звонил Сэди?

Я киваю.

— Звонил.

— И... — Он смотрит на меня поверх меню. — Вы встретились?

Я медленно киваю.

— И?

— Она милая.

— Милая, — повторяет Аарон. — Такой, как Сюзанна, уже не будет. Ты ведь это понимаешь, да? Не сомневаюсь, что вы с психотерапевтом проработали эту проблему.

— Я больше не посещаю психотерапевта.

Аарон пристально всматривается в меня.

— Не смотри на меня так. — Я закатываю глаза. — Я в норме.

— В норме, да? В норме для того, чтобы снова встретиться с Сэди?

— Даже не знаю. И не из-за ожиданий, что она или кто-то еще будет, как Сюзанна. Просто не уверен, что я на данный момент ищущу в отношениях.

— И это как-то связано с тем, что ты женат на женщине, которую никогда не видишь? Если Эмерсин работает и получает приличные деньги, я не понимаю, почему вы до сих пор женаты.

— Я был занят, — бормочу я, изображая излишнюю заинтересованность в меню, хотя точно знаю, что закажу, потому что всегда заказываю здесь одно и то же.

— Занят? Это один телефонный звонок твоему адвокату. И всё. Где она вообще? Когда вы в последний раз разговаривали?

Я опускаю меню на стол и делаю глоток воды.

— Уже давно. Я слежу за ее публикациями в Instagram. Сегодня утром она уехала в Лондон. Мама Лии чувствует себя лучше, поэтому они решили провести лето в Европе. Я понял это, собрав воедино информацию из постов Лии и Эмерсин. Она прислала мне поздравительное сообщение.

Я осматриваю ресторан, чувствуя на себе испытующий, осуждающий взгляд Аарона.

— Ты испытываешь к ней чувства, как она испытывает к тебе... или явно испытывала на моей свадьбе?

— Чувства, — усмехаюсь я, будто услышал какой-то безумный вопрос. — О чем ты вообще? Мы друзья. У нас все хорошо. Мы прошли через многое. Конечно, она мне не безразлична.

— Да, я понимаю. Очевидно. Ты женился на ней, чтобы обеспечить страховкой. Но испытывал ли ты к ней чувства, выходящие за рамки дружбы? Мама считает, что она тебя любит. Данни тоже. Они согласны с тем, что Эмерсин не вела бы себя так безумно, если бы не любила.

Я пожимаю плечами, словно не имею понятия.

Нет. Все, что я должен был сказать Аарону, — это «нет». У меня нет к ней иных чувств, кроме дружеских. Потом позвонить своему адвокату и окончательно разорвать отношения. Не задаваться больше никакими вопросами. От всех этих мыслей, кружащихся у меня в голове, в разговоре возникает многообещающая пауза, и она отвечает на вопрос Аарона, прежде чем я произношу хоть слово.

— Господи... — Он качает головой. — У тебя *есть* к ней чувства.

— Все сложно... или было сложно. Сейчас, думаю, это уже не так.

— Чувак... нет. — Аарон шлепает меня поверх моего. — В моем вопросе нет ничего сложного. Либо она считает себя твоей фиктивной женой с медицинской страховкой, либо знает, что твои чувства к ней не фальшивы, как ваш брак.

Потирая пальцами губы, я несколько раз киваю.

— Она знает... что была... больше, чем фиктивная жена.

— Когда? Как?

Я отвожу взгляд в сторону и бормочу:

— Я переспал с ней в Малайзии. — Ему нужен лишь небольшой процент правды, чтобы понять суть.

Правда... Я не уверен, что в данный момент знаю правду.

— Что? Не расслышал. — Он наклоняется вперед, поворачивая голову и подставляя ухо ближе. — Ты наслал ей метаплазию?

— Нет. — Не могу не улыбнуться, качаю головой и прочищаю горло. — Я *переспал* с ней в Малайзии.

Аарон сжимает губы, чтобы скрыть ухмылку.

— Ты переспал с горничной?

Я вздрагиваю и провожу пальцем по пивному стакану, размазывая конденсат.

— Технически, я переспал со своей женой.

— И что, по-твоему, подумала бы об этом Сюзанна?

Фыркнув, качаю головой.

— Если бы она была здесь, чтобы думать об этом, вопрос отпал бы сам собой, потому что мы по-прежнему были бы женаты. Я бы не женился на Эмерсин и даже не думал бы о

ней в каком-либо романтическом смысле. Так что на самом деле это глупый вопрос, и ты это знаешь.

— Ты ее любишь?

Я позволяю вопросу повиснуть в воздухе, эхом отозваться в моей голове и погрузиться в тайник, спрятанный глубоко в моей груди, который знает ответ — большое, жирное «да».

— Я не планировал влюбляться в Эмерсин. Когда я влюбился в Сюзанну, это казалось преднамеренным, целенаправленным. Тара умерла. Сюзанна впала в тоску. Наша дружба крепла. И однажды мне показалось правильным выйти за рамки дружбы. С Эмерсин это произошло еще до того, как я осознал, что происходит. Предсмертным желанием Сюзанны было, чтобы я изменил чью-то жизнь. Теперь я думаю, что эта просьба была связана не столько с кем-то другим, сколько со мной. Мне кажется, она знала, что это заставит меня вытащить сердце из моей мертвой груди и позволить ему снова биться.

— Бл*дь... — Аарон усмехается и качает головой. — Ты ее любишь. Это...

— Конец, — говорю я, грустно улыбаясь ему. — Это конец. Я собираюсь расторгнуть брак. Он послужил своей изначальной цели. Теперь я отпускаю ее на поиски собственной жизни. Никто не мешал мне найти свою. А ее чувства ко мне проистекают из-за отсутствия в ее жизни отца, у нее никогда не было по-настоящему доброго мужчины. Она влюбилась в идею обо мне. Мне кажется, она влюбилась в мужа Сюзанны. И однажды она придет в себя и поймет, что влюбилась в первого парня, который хорошо с ней обращался, и не обязательно, что этот *парень тот самый*.

После нескольких размеренных, задумчивых кивков Аарон делает глоток воды, а затем медленно выдыхает.

— Что, если ты ошибаешься? Что, если это не просто идея о тебе? Что, если на самом деле это ты сам?

— Не я. Несколько месяцев назад она попросила развод.

Когда к нам подходит официантка, Аарон слегка улыбается мне и пожимает плечами.

— Тогда разведись с ней. Конец истории.

— Конец истории... — эхом повторяю я.

— Бро... — Аарон проводит рукой по волосам и смеется. — Что ты делаешь? Серьезно. Если любишь ее, следуй за ней.

— Я... — Я качаю головой. — Я не хочу следовать за ней. В этом-то и дело. Я здесь. У меня работа. Своя жизнь. Она лелеет свою страсть и преследует свои мечты. И мне это в ней нравится. Я не отниму этого у нее. Даже не собираюсь просить ее выбрать меня. Это даже не выбор. Это ее *жизнь*. Сюзанна все лето жила опосредованно через Эмерсин. Она...*мы*... увязли в жизни Эмерсин. Так что, даже если я позволю мозгу представить мир, в котором Сюзанна хотела видеть меня с Эмерсин, это уже не имеет значения. Я живу не ради Сюзанны. Я живу ради себя, и моя совесть не позволяет подрезать крылья Эмерсин. Это не любовь.

Страдание на лице Аарона отражает мое собственное. Он выдерживает долгую паузу, глядя в окно, а затем снова обращает внимание на меня. Наклонившись вперед, протягивает ко мне руки.

— Иди сюда.

Я несколько секунд колеблюсь, после чего подаюсь ему навстречу.

Широкие ладони Аарона обрамляют мое лицо.

— Я так горжусь тобой, бро. Ты вскрыл свою мумифицированную грудную клетку и

впустил в нее человека. Может, она и не та женщина, или, может, просто время дерьмовое, но ты сделал это. И я так... чертовски горжусь тобой.

Глава 39 Эмерсон

— Почта. — Лия бросает мне большой конверт, входя в квартиру, которую мы сняли на лето. — Я собираюсь уговорить маму переехать в Лондон.

Она откупоривает бутылку вина, а я сажусь, скрестив ноги, на диван и открываю конверт.

— Хочу сделать это место своим домом. Ты тоже должна переехать.

Подозрительно глядя на нее, вытаскиваю содержимое конверта, а Гарри Паутер запрыгивает мне на колени.

— Ты говорила так о многих местах, в которых мы останавливались.

— Да... — она наливает бокал вина, — ...но ни в одно из них я не предлагала переехать моей маме. Никогда не предлагала тебе переехать со мной. Я здесь в четвертый раз, и мне нравится так же сильно, как и в первый. На самом деле, с каждым моим посещением я влюбляюсь в Лондон все больше. Скажи, что тебе здесь не нравится.

Я пожимаю плечами.

— Ты же знаешь, что нравится. — Я пробегаю глазами по словам в документах, что держу в своих руках.

— Тогда решено. Нас ничто не сдерживает. Верно?

По моему сердцу бегут трещины. Поправочка: оно разбивается вдребезги.

— Эм, что там у тебя? — Лия шаркает босыми ногами ко мне, заглядывая через мое плечо в документы о разводе от Зака, на них приклеены маленькие стикеры в местах, где мне нужно поставить подпись.

— О... это... — Она садится на противоположный конец дивана, подогнув под себя длинные ноги. — Хорошо. Ведь так? Ты попросила его выслать тебе документы о разводе несколько месяцев назад.

Я не могу говорить, поэтому чуть киваю.

— Это знак. В тот самый момент, когда я предлагаю переехать сюда, ты открываешь конверт с бумагами о разводе — последнее, что связывает тебя с Америкой.

— Ага, — выдавливаю я намек на шепот.

— Так почему ты выглядишь такой несчастной?

— Я... я просто... я не знаю. Он не позвонил и не написал мне, чтобы предупредить, что наконец-то отправил их. И он вел себя как обычно: постил фото в Instagram, комментировал и лайкал мои посты. Он публикует фотографии Аарона и Даниэль, а также своей новорожденной племянницы Нилы. Все... как обычно.

— Развод не означает, что вы по-прежнему не можете быть друзьями. Он означает, что вы прошли долгий путь. Ты неплохо зарабатываешь, занимаясь любимым делом, а он возвращает часть себя, которую одолжил тебе, потому что она тебе больше не нужна. — Она ставит бокал с вином на кофейный столик и придвигается ко мне ближе, кладя руки мне на колени. — Мы влюбляемся. Мы отпускаем. Мы идем дальше. И... в конце концов, снова влюбляемся.

С максимально похожей на настоящую улыбку, которую только могу изобразить, я киваю.

— Может, он встретил кого-то.

Сжимая мои колени, она заставляет смотреть на нее, а не на документы.

— Это хорошо. Это значит, что он перестал тосковать по Сьюзи. И я думаю, в этом ему помогла ты. Бьюсь об заклад, он очень благодарен тебе за это, и Сьюзи тоже.

Стиснув зубы, задерживаю дыхание и говорю себе не моргать, не двигаться ни на дюйм, потому что я на волосок от срыва.

— Но... — Лия хмурится, — ...было бы правильно, если бы сейчас ты поплакала об этом.

Я киваю, как минимум, дюжину раз, смахивая слезы с глаз, в то время как мое лицо искажается в безобразном плаче.

— Ох, детка... — Лия наклоняется ко мне, и я обвиваю руками ее шею.

Я хорошенько и *долго* плачу, потому что вышла замуж за мужчину своей мечты без предложения руки и сердца, без кольца с бриллиантом, без волнительных бабочек в животе.

Без платья.

Без семьи.

Без друзей.

Мы едва поцеловались.

А потом он поехал к стоматологу.

Тем не менее... я любила (люблю) Закари Хейса и не могу представить себе

мужчину, даже близко похожего на него.

Зак не торопился отправлять мне бумаги, поэтому и я не спешу их подписывать. Спустя две недели после их прибытия он присылает мне сообщение.

Зак: Ты получила документы?

Эм: Да. Спасибо.

И на этом всё.

Я оставляю бумаги в ящике прикроватной тумбочки до конца лета, пока мы с Лией фотографируем пять свадеб, делаем множество семейных фото, будуарных съемок и хвастаемся всеми бесплатными вещами, которые нам присылают за наш статус инфлюенсеров.

Лии не требуется много времени, чтобы уговорить меня переехать в Лондон с ней и ее мамой. В конце лета мы возвращаемся в США, чтобы упаковать *все* наши вещи. Мне упаковывать нечего, но меня ждет неоконченное дело, поэтому я лечу в Атланту, а Лия едет в Нью-Йорк, чтобы забрать последние вещи и свою маму.

Без предупреждения я подъезжаю на Убере к дому Зака и замечаю незнакомую машину. Мне требуется несколько вдохов, чтобы разобраться с возможными вариантами, которые сулит незнакомая машина. Надеюсь, жизнь была к нему благосклонна, и он нашел женщину, которая заставляет его смеяться. Возможно, это тот финал, в котором я нуждаюсь, прежде чем открыть следующую главу моей жизни.

В доме горит свет, и он приносит совершенно новый прилив эмоций, который, как мне казалось, я контролировала. Сделав несколько глубоких вдохов, я вылезает из Убера и, волоча с собой чемодан, заставляю себя процокать на каблуках к входной двери. Дрожащим пальцем жму на звонок. Через несколько секунд дверь открывает незнакомый мужчина.

— Здравствуйте. — Он улыбается. — Могу я вам помочь?

— Зак дома?

Его лоб хмурится.

— Нет. Извините. Он здесь больше не живет.

— О... — Я прочищаю горло, пытаюсь осознать услышанное. — Вы случайно не знаете, где он теперь живет?

Идиотка. Почему я продолжаю заявляться к нему внезапно? У меня есть его номер телефона. Это трудно объяснить, но я просто хочу сделать ему сюрприз.

— Простите. Я не знаю.

— Ничего страшного. Хм... спасибо. — Сверкнув улыбкой, я возвращаюсь по подъездной дорожке и заказываю еще один Убер.

Вот вам и элемент неожиданности. В итоге, удивленной оказалась я. Почему он продал дом? Слишком много воспоминаний? Из-за другой женщины?

По пути в ближайшую гостиницу звоню ему. Раздается четыре гудка, и я подумываю повесить трубку вместо того, чтобы оставить сообщение, но тут он отвечает:

— Привет.

Я хочу ответить, но его голос оказывает на меня странное воздействие.

— Привет, — наконец, произношу дрожащим голосом.

— Как дела? — спрашивает он с гораздо большей уверенностью, на какую я способна в данный момент.

— Все... хорошо. Вообще-то, я в Атланте. Ты переехал.

— Да. Что привело тебя в Атланту?

Господи... он воскрешает всех бабочек в моем животе.

— Хм... — Невероятно, что он спрашивает меня об этом. Он должен понимать, почему я здесь. — Довожу дело до конца.

— Ясно. Ну, так случилось, что я тоже в Атланте.

— Удачное время, — говорю я, прежде чем между нами повисает долгая пауза. — Мне понравились твои фото в Instagram. Нила настоящее сокровище. Аарон и Данни выглядят такими счастливыми. Ты тоже выглядишь счастливым.

— Ха. Да, столько фото. Это все Меган. Из-за нее я публикую фото. Мы довольно много летаем вместе. А она фанатка Instagram.

Ладно... я предполагала, что причина во мне. Чтобы таким способом поддерживать связь между нами.

— Стюардесса?

— Пилот, — говорит он.

Я не имею права ревновать. Все обычные сомнения выстраиваются в ряд в моем

сознании, повторяя лекцию о причинах, по которым я отпускаю Зака. Тем не менее, мой разум, кажется, отлично справляется с многозадачностью. Я могу прочесть себе лекцию и иррационально ревновать к этой цыпочке Меган, которая фотографирует задницу моего мужа. В скором времени бывшего мужа.

— Она замужем?

— Нет. А что?

— Да так.

— О! У Меган есть кот по кличке профессор Дамблдор. Я рассказал ей о Гарри Паутере.

Она решила, что это потрясающе.

Такую радость ему доставляет профессор Дамблдор или одинокая Меган?

— Ты рассказал ей о моем коте?

— Конечно.

— Значит, ты рассказал ей обо мне?

— Я рассказал ей, что у меня есть друг с котом по кличке Гарри Паутер.

Иисусе... кто мы? Отлично. Я понимаю. Он не хочет рассказывать миру, что женат, но разве я не заслужила быть его...

Я даже не знаю, как закончить эту мысль.

Его девушкой?

Я не его девушка. Мы закончили без слов. Я не могу просить его ждать меня, пока ищу свое место в этом мире. А он не может просить меня быть с ним, будто он и есть это место.

Ведь это не так... верно? Мое *место* в жизни не может быть человеком. Или может?

Мое сознание скручивается в один большой узел. Мы закончили. В доказательство этому в моей сумке лежат документы о разводе.

— Где ты? Ты ужинала? — прерывает он мои мысли.

— Выхожу из Убера у отеля «Мариотт». Наверное, закажу еду в номер.

— Я заберу тебя и отвезу на ужин. В каком ты «Мариотте»?

— Эм...

Я улыбаюсь водителю Убер и благодарю, когда он ставит мой чемодан на бордюр.

— Нет. Я не ужинала. Отель на Пичтри Сентер Авеню.

— Встретимся у входа через двадцать минут?

— Звучит ммм...

Болезненно.

— Отлично.

Сняв номер и быстро поправив прическу, я спускаюсь в вестибюль. Как только прохожу через парадную дверь, вижу Зака, прислонившегося к борту своей машины, с широкой улыбкой на лице.

Сохраняй спокойствие.

Я не могу. Во мне не осталось ни грамма спокойствия, когда мои ноги мчат меня к нему, и я бросаюсь в его объятия. Сколько пар заканчивают свой брак с таким энтузиазмом?

— Скучала по мне? — усмехается он.

Я очень стараюсь не плакать. И мне это удается, но с трудом.

— Нет, — говорю я, когда он ставит меня на ноги. Я быстро вытираю уголки глаз и слегка смеюсь. — Ты выглядел так, будто нуждался в объятиях.

Зак чешет щетину на подбородке. Я люблю его и чисто выбритым, и обросшим. Я люблю его любого... я люблю его *всегда*.

— Думаю, да. — Он подмигивает.

У меня щеки болят от ухмылки, которую он у меня вызывает.

— Жирные гамбургеры и картофель фри? — Зак открывает передо мной пассажирскую дверцу. — Или Лондон испортил тебя для дерьмовой американской еды?

Я смеюсь.

— Даже и близко нет.

Когда он отъезжает от тротуара, я ловлю себя на том, что не могу оторвать от него взгляд. Будто он на суперклее.

— Почему ты продал дом?

Он смотрит на дорогу и пожимает плечами.

— Время пришло.

— Мне казалось, тебе нравился этот дом.

— Мне нравилась жизнь, которую я прожил в том доме, но сейчас я редко там бываю. Он стал не чем иным, как пустыми комнатами, напоминающими мне о том, что я потерял. Так что я продал его меньше чем за сутки. И купил крошечный домик.

Я фыркаю.

— Уверена, что он не *крошечный*.

— Нет, правда. Настоящий крошечный домик. Он стоит на земле моих родителей. Когда я работаю, мама использует его как убежище, чтобы скрываться в нем от отца.

— Ты купил крошечный дом?

Он усмехается.

— Смешно... я думала... — Я перевожу взгляд на дорогу.

— Что ты думала?

— Я думала, ты встретил кого-нибудь. И, может, для нее было бы странно находиться в том доме, где ты жил со Сьюзи.

— Моя жизнь в плане свиданий оставляет желать лучшего. Вот почему у меня не было серьезных отношений до встречи с Сюзанной. Она путешествовала по работе так же много, как и я.

— У тебя и твоей подруги с профессором Дамблдором был бы похожий график. Как там ее зовут?

— Меган.

— Меган... — эхом повторяю я.

— А ты? Встречаешься с кем-нибудь? С каким-нибудь британцем? — Он подъезжает к парковке ресторана.

— Не особо. У меня много хороших друзей, но и только. Один из них присматривает за Гарри Паутером, пока я здесь. Но он гей, поэтому не думаю, что у нас что-то получится.

Я открываю дверцу и следую за Заком в ресторан, держа в руках сумку с подписанными документами о разводе.

Как только мы усаживаемся и делаем заказы, Зак переставляет свой напиток и столовые приборы на мою сторону кабинки. На секунду я смотрю на него прищуренным взглядом.

— Подвинься. — Он скользит рядом со мной, опуская руку мне на ногу. Наклонившись, он шепчет мне на ухо: — Я слышал, все классные парочки сидят на одной стороне кабинки.

Затем целует меня в щеку, а я смеюсь сквозь слезы.

Сквозь.

Много.

Слез.

Дрожащими губами я говорю:

— Я подписала бумаги.

Я *так его* люблю. И это *так* больно. Просто это не наше время. Не наша жизнь.

Его губы все продолжают висеть между моей щекой и ухом, и он шепчет:

— Я понял.

Затем ласково обхватывает мой затылок и притягивает к себе, позволяя мне всхлипывать на его плече.

Как можно одновременно испытывать такое счастье и чувствовать, что твое сердце разбито на тысячу осколков?

Зак не спрашивает, почему я плачу; он просто обнимает меня. Когда мои безмолвные рыдания стихают, я откидываюсь назад и вытираю заплаканное лицо.

— Для меня было честью... — улыбка Зака отражает абсолютную искренность и любовь, — ...быть твоим мужем.

— Лжец, — всхлипываю я, а мои соленые губы изгибаются в полуулыбке.

Он не отвечает, этого и не требуется. Ответ в его глазах. Он говорит абсолютную правду.

— И что дальше?

Я заканчиваю вытирать глаза и всхлипываю, пытаюсь немного восстановить самообладание.

— Забавно, что ты спросил... Я переезжаю в Лондон с Лией и ее мамой.

У Зака округляются глаза и отвисает челюсть. Не уверена, что когда-либо видела его по-настоящему шокированным.

— Ты серьезно?

Я нахожу в себе силы искренне улыбнуться, потому что *взволнована* идеей жить в Лондоне.

— Серьезно. Лия устроила нас на работу в журнал. Мы по-прежнему можем путешествовать и вести наши блоги. Руководство поощряет это, потому что журнал о путешествиях. Итак, вместо вступления в очередной фиктивный брак только для того, чтобы жить в Лондоне, у меня есть официальная работа и поддержка британской компании.

Зак хмурится.

— Ненавижу термин «фиктивный брак».

Я закатываю глаза, чтобы поднять себе настроение.

— Ты понял, о чем я.

— Да, — соглашается он, когда официант ставит перед нами заказ. — Но наш брак не был таким уж фиктивным... во всяком случае, не для меня.

Я расстилаю салфетку на коленях.

— Ну, он был... чем-то. Безумным? Импульсивным? Слишком щедрым? Спасительным? Не уверена, какое определение подобрать, но мы не можем называть его настоящим браком.

— Нет?

Откусив чизбургер, я качаю головой, пережевывая его.

— Я назову брак настоящим... — я вытираю рот, — ...если есть кольцо, а слова такие романтические, что хочется плакать, и предстоит долгая помолвка, пока мы с женихом решаем, состоится ли наша свадьба в готическом соборе или на арендуемом острове, куда мы пригласим лишь кучку друзей и родственников. В любом случае, красивое белое платье

обязательно.

Я кладу картофель в рот.

— Ничто в моей жизни не было нормальным или обычным. Я ни разу не спала в доме с рождественской елкой, пока не встретила тебя и Сьюзи.

Брови Зака сдвигаются вместе, выражая жалость, в которой я больше не нуждаюсь... не то, чтобы я когда-либо в ней нуждалась.

— В детстве у тебя никогда не было рождественской елки? Ни разу?

Я качаю головой.

— Мама украшала один или два дверных проема красной и серебряной мишурой, но не волнуйся. Она компенсировала это в пасхальное воскресенье... когда прятала яйца. Но мне следовало искать их с крайней осторожностью, чтобы не разбить, потому что они служили нам завтраком на следующей неделе.

Зак хмурится.

— Никаких конфет? Шоколадных кроликов? Зефирок?

Я качаю головой.

— Только вареные яйца?

— О, нет. Они не были вареными. Я просыпалась пасхальным утром и, в конце концов, выводила маму из пьяного угара. И, как обычно, слышала: «Вот черт, детка... прости. Дай мне пять минут». Около получаса я ждала в ванной, пока она сбегает в магазин, купит дюжину яиц, а потом спрячет их... сырыми. Так что, да... когда я выйду замуж *по-настоящему*, свадьба будет отдельной сказкой, Рождество будет включать в себя большую *настоящую* елку, День святого Валентина — коробки конфет в форме сердца, а Пасха — самую захватывающую охоту за яйцами. Знаешь, такую... которая приведет к чудовищному размеру корзине с конфетами, шоколадными кроликами и да... зефирками. И даже не дай мне начать рассказывать о Хэллоуине... — смеюсь я.

Зак, наконец, избавляется от жалостливого выражения и слегка усмехается.

— Видимо, я прожил прекрасную жизнь. Чувствую себя немного виноватым.

— Не надо. — Я качаю головой. — Я не хоронила любовь всей своей жизни, и если мне не придется этого делать... по крайней мере, еще шестьдесят с лишним лет... тогда я с уверенностью смогу сказать, что это я, а не ты, прожила прекрасную жизнь. Ни один идеальный праздник не сможет стереть ту боль, которую ты испытал со Сьюзи.

Вот оно. Взгляд, которого я ждала. Если и было время сказать ему, то оно наступило сейчас. Он должен знать, что я видела его в ночь, когда умерла Сьюзи. Что я знаю, что он сделал. И что это нормально.

— Зак...

— Я...

Мы начинаем говорить одновременно.

— Ты первый, — приглашаю я.

Он кивает несколько раз.

— У меня все хорошо. Я женился на двух великолепнейших женщинах, которых когда-либо встречал (не считая моей мамы). Я люблю свою работу и свою семью. Я никому не должен. У меня есть крошечный домик. У меня... крошечный домик.

Поднеся кулак ко рту, он усмехается.

Не могу удержаться и хихикаю над его взглядом на жизнь.

— Сьюзи гордилась бы твоей позицией «стакан наполовину полон». И, спасибо... — В

этот момент рассудительности я жду, когда он посмотрит на меня. — Для меня было честью быть твоей женой... твоей подругой... даже твоей горничной.

На секунду, клянусь, я вижу в его глазах проблеск эмоций, но затем он откашливается и снова сосредотачивается на самом интересном гамбургере в мире.

— Да, ну... горничной ты была дерьмовой.

Я возмущенно фыркаю.

— Неправда.

— Правда. То сидела возле Сюзанны, позволяя ей заплетать тебе косички, то полуголая гонялась за своим котом по моему заднему двору.

Открыв рот, я почти отвечаю на его безумные упреки, но так же быстро захопываю его. Положив ладонь на его бедро, наклоняюсь и шепчу ему на ухо:

— Я буду скучать по тебе, Закари Хейс.

Когда мои губы касаются его щеки, нежно целуя, Зак с трудом сглатывает. Не уверена, что он мог бы произнести сейчас хоть слово, даже если бы захотел. Поэтому я утыкаюсь лбом ему в плечо и делаю несколько медленных вдохов.

Он накрывает мою руку своей на его бедре и переплетает наши пальцы.

На обратном пути в гостиницу я нарушаю молчание, когда он пытается сделать то же самое.

— Зак...

— Сюзанна не была...

Я ухмыляюсь.

— Ты первый.

— Сюзанна не была *любовью* всей моей жизни. Она была *любовью* в моей жизни. Она и ее нелепая теория «о родственных, но не ЕДИНСТВЕННЫХ душах», ну... в конце концов эта теория не такая уж и нелепая. Я не хочу, чтобы при воспоминании о нас ты чувствовала, что значила для меня... меньше. — Зак пожимает плечами. — Я... я просто не хотел, чтобы между нами что-то осталось недосказанным.

Он улыбается. Не так грустно, как я помню, было в прошлом, когда он говорил о ней.

Я не уверена, что сказать. Знала ли я это в глубине души? Или позволяла себе чувствовать себя немного менее значимой? Будто должна была заслужить место в его сердце?

Зак останавливает машину у входа в мой отель, а я роюсь в сумке, но останавливаюсь.

— Некоторое время назад я разместила фото невесты в Instagram, и ты его не лайкнул и не прокомментировал. Понимаю, это прозвучит глупо, но какое-то время меня это беспокоило, потому что ты комментировал или лайкал все мои посты. Разве ты не видел это фото?

Я поднимаю взгляд от сумки на него.

Зак признается мне в своей искренней любви, а я не могу забыть отсутствие его реакции на глупый пост в социальной сети.

Между нами повисает долгая пауза, прежде чем он несколько раз кивает.

— Именно тогда я понял, что, хотя дал тебе нечто важное, я также кое-что и забрал.

Я повторяю его медленный кивок. Кажется, я понимаю, но не знаю, что сказать, поэтому достаю документы о разводе и протягиваю ему. Несколько секунд он смотрит на них, будто, если прикоснется к ним, все станет *реальным*. Это чувство мне знакомо. То же самое я испытывала, когда их подписывала.

Каждый день с тех пор, как умерла Сьюзи, мы искали что-то настоящее, хотя оно всегда было настоящим. А теперь уже слишком поздно. Между нами все кончено, и это наша новая реальность.

После того, как Зак забирает бумаги, я отстегиваю ремень безопасности и открываю дверцу.

— Если когда-нибудь будешь в Лондоне...

Он снова с трудом сглатывает.

— Непременно.

Уже собираюсь выйти из машины, но разворачиваюсь к нему и одариваю самой счастливой улыбкой, на которую способна в данный момент.

— Зак, ты по-прежнему самый великолепный мужчина, которого я когда-либо знала. И я не думаю, что ты отдаешь себе должное. Вот... о чем я начала говорить чуть раньше. Подумала, что ты должен знать. Вот почему я удивлена, что тебя до сих пор еще не схватила другая. Я бы никогда не отпустила такого мужчину.

Он не утратил способности удерживать меня в плену взглядом, и после долгой молчаливой паузы улыбается мне, и я знаю, это тоже его самая счастливая улыбка, на которую он способен в данный момент.

— Спасибо, Эмерсин.

Вцепившись в ручку дверцы до онемения пальцев, закрываю глаза.

Я не хотел, чтобы между нами что-то осталось недосказанным.

Я откидываюсь на сиденье, глядя перед собой с колотящимся сердцем, пока не чувствую, как все мое тело вибрирует.

— Эм?

Глубоко вдохнув, с трудом сглатываю.

— Я знаю. — Я снова сглатываю комок эмоций. — В ночь, когда она умерла, я услышала шум. На цыпочках прокралась к вашей спальне и... увидела. Я *знаю*, что ты сделал.

Я не могу смотреть на него. Кажется, он не двигается и даже не дышит. И вдруг из его груди вырывается болезненный всхлип, все его тело дрожит. Сморгнув реки слез, я закрываю глаза, тянусь к нему и кладу руку ему на бедро. Он накрывает ее своей ладонью, невыносимо сильно сжимая.

Он больше не несет эту тайну в одиночку. Я слишком люблю его, чтобы уйти, не взяв на себя часть его бремени, как он безоговорочно нес так много моего.

— Я н-никогда не видела такого... — я едва могу говорить сквозь боль в груди, — ...самоотверженного и прекрасного проявления любви.

Я вылезая из машины и захлопываю за собой дверцу.

Глава 40
Закар

Три стука в дверь моего крошечного домика. Это мама. Она всегда стучит трижды.

— Входи. — Я закрываю книгу и встаю с кресла.

— Привет, смотри, кто хотел тебя увидеть.

Я ухмыляюсь, глядя на Нилу, спящую в переноске в руке у мамы.

— Она не может видеть меня, пока спит, и мы оба знаем, что ты не позволишь мне ее подержать.

— Ты очень ошибаешься, мой дорогой мальчик. — Мама достает Нилу и передает ее мне. Нам удастся произвести обмен, не разбудив малышку. — Мне нужно в туалет, прежде чем я описаюсь.

Я тихо посмеиваюсь, пока она бежит к ванной комнате.

Откинувшись на спинку кресла, утыкаюсь носом в головку Нилы. Зависимость от детского запаха реальна, за исключением какашек и срыгивания.

— Скажи, что ты все еще хочешь когда-нибудь завести семью, — говорит мама, выходя из ванной и садясь на кресло рядом со мной.

Прижав подбородок к груди, я смотрю на Нилу.

— Хочу... — шепчу я. — Но не уверен, что жизни есть дело до моих желаний. Она имеет надо мной почти абсолютную власть. Поэтому я беру от нее всё, что она мне предложит, и пытаюсь это принять.

— Знаешь... она не умерла.

Мой взгляд поднимается к ней, и я прищуриваюсь.

— Эмерсин. Она не умерла. Ты отпустил ее добровольно.

Я качаю головой.

— Добровольно — не то слово.

— Не то? — Мама наклоняет голову в сторону. — Тогда какое слово подходит?

— Я отошел в сторону.

Она хмурится.

— Охотно.

Я снова качаю головой.

— Да, Закари. Это ты дал ей уйти; не она оставила тебя.

— Это одно и то же.

— Нет.

Я хмыкаю.

— Что я должен был делать? Попросить ее отказаться от своих мечтаний и убирать дома и рожать мне детей?

— Закари Кендрик Хейс. — Хмурое выражение мамы усиливается. — Немедленно прекрати.

— Прекрати — что? — спрашиваю я, чувствуя себя немного раздраженным этим разговором.

— Прекрати оправдываться. Прекрати притворяться, что ты ушел. Прекрати притворяться мучеником, заботящимся только обо всех вокруг. Я на это не куплюсь. И я бы спустила это на тормозах, если бы не наблюдала, как ты занимаешься этим изо дня в день. Работает. Ешь. Спишь. С тоской любишь тем, что есть у твоего брата. Стираешь, поласкаешь. А затем все повторяется по кругу.

— У нас разные дороги. Мы находимся в разных местах нашей жизни. Это было просто... неудачное время. И я принял это. Прости, если не прыгнул в другие отношения. Мне посчастливилось встретить в своей жизни двух великолепных женщин, которых я полюбил, возможно, для меня это предел.

Позади нас открывается дверь.

Мама оглядывается через плечо на папу.

— О, замечательно. Мне нужно, чтобы ты отнес Нилу в дом. Если она проснется, поменяй ей подгузник. — Она отрывает Нилу от моей груди, разбудив ее при этом, и передает папе.

Он берет ее, глядя на меня большими глазами.

— Иди, — распоряжается мама. — Мне нужно несколько минут с Заком, и разговор может пойти на повышенных тонах, поэтому я не хочу пугать Нилу.

На повышенных тонах?

Папа бросает на меня взгляд «ах, ты, бедный ублюдок», прежде чем закрыть за собой и Нилой дверь.

— Ты ее любишь? — Мама упирает сжатые кулаки в бедра.

Мне требуется секунда. Я снова чувствую себя десятилетним, меня вот-вот отправят в мою комнату или отберут Nintendo на неделю.

— Конечно. Но...

— Никаких «но»! Пакуй сумку и лети к ней. Опустись перед ней на одно колено и скажи все, что боялся сказать с того дня, как впервые понял, что любишь ее. Спойлер: она скажет «да». Эта молодая женщина любит тебя. А ты... — Она тычет в меня пальцем. — Ты, мой драгоценный мальчик, заслуживаешь этого. Заслуживаешь любви. Заслуживаешь любой мечты. Заслуживаешь счастья. Эмерсин ушла, потому что ты не дал ей того, в чем она нуждалась. Ты оттолкнул ее.

— Я не хотел ее тормозить. Ты меня не слушаешь! — Я встаю, вышагивая по несколько футов в каждом направлении, сцепив пальцы на затылке.

— Зак?

Я продолжаю шагать. Жизнь хороша, пока я могу держать свои эмоции под контролем разума и всегда на расстоянии десяти футов от своего сердца.

— Зак?

Я перестаю метаться взад-вперед, заметив, что мамин голос потерял свою резкость.

— Она была *вынуждена* уехать? — спрашивает она.

Я киваю несколько раз.

Мама улыбается мне своей грустной улыбкой, говорящей «мой глупый-глупый мальчик».

— Хорошо, но тебе нет нужды оставаться.

Я хочу что-то сказать, но не могу. Ее слова повисли тяжелым грузом, давя на грудь своей истиной.

— Я знаю, ты думаешь, что Эмерсин нуждалась в твоей страховке, в том, чтобы расплатиться с долгами, нуждалась в крыше над головой... но я в это не верю. Я думаю, она нуждалась в тебе. А ты просто этого не видел. Возможно, потому, что ваши отношения жили в тени Сюзанны — воспоминаний о ней, ее длительном присутствии здесь. А Эмерсин слишком боялась мечтать по-крупному. Слишком боялась мечтать о том, чтобы иметь всё. Уверена, молодая женщина, у которой так долго ничего не было, должно быть, почувствовала себя жадиной, чтобы попросить *всё*.

— Она заслуживает этого, Зак. Вы оба заслуживаете. Садись в самолет и лети к ней. Любовь не имеет границ. Ты можешь работать пилотом где угодно. Черт возьми, ты можешь позволить себе уйти на пенсию пораньше и... в свободное время покупать продукты, если хочешь. Или ты можешь просто провести остаток жизни, наблюдая за всеми удивительными вещами, которыми, как ты знаешь, она собирается заниматься. Семья... ты мог бы создать семью, дорогой. Тебе не нужно ее тормозить; ты можешь идти рядом с ней. Это любовь, мой дорогой. И ты ее... заслуживаешь.

Глава 41 Эмерсон

Я переезжаю в Лондон.

Обживаюсь в новой квартире.

Устраиваюсь на новую работу.

Затем Зак присылает мне копию свидетельства о разводе. Мы официально разведены.

Я сворачиваю его в миллион маленьких кусочков — жалкая попытка сложить оригами — и запикиваю в ящик стола.

С тех пор, как я уехала из Атланты, Зак стал больше постить в Instagram. Мне нравится думать, что это из-за меня, а не из-за Меган. Это уже не просто фотографии #ЖизньПилота. Он делится снимками своей семьи, особенно очаровательной племянницы. Фотографиями своего крошечного дома, который сам по себе восхитителен. На прошлой неделе он летал во Францию и выложил фотографию Амьенского... готического собора.

За неделю до этого опубликовал свое фото с Хэллоуина в костюме Железного Человека. Когда он не публикует о своей жизни, то лайкает и комментирует мою. В каком-то смысле сейчас я чувствую себя к нему ближе, чем когда мы жили вместе — когда мы были женаты. Но я знаю... знаю, однажды я увижу, как он опубликует селфи с женщиной, которая не является его мамой, невесткой или племянницей, и это снова разобьет мне сердце. Я думаю, что сердце — единственное, что в этой жизни работает лучше разбитым. Сквозь образующиеся трещины и дыры внутрь него проникает любовь. Любовь текуча, она заполняет все пространство, перемещается во времени, растворяет все другие эмоции. Пока сердце не разбито, я не уверена, что мы действительно испытываем настоящую любовь.

За неделю до Дня Благодарения Зак пишет мне, что завтра будет в Лондоне, но только на один день.

Эм: Не думаю, что закончу до четырех. Хотя хотела бы тебя увидеть.

Зак: Давай устроим ранний ужин.

Эм: Хорошо. Дам тебе знать, когда закончу.

Он отвечает смайликом с поднятым вверх большим пальцем.

День мы с Лией проводим в Оксфорде на фотосессии для журнала.

К тому времени, когда возвращаемся в Лондон, уже чуть больше половины пятого.

— Ужин с Заком не вызовет у тебя рецидива? — спрашивает Лия, останавливаясь перед

МОИМ ДОМОМ.

— Он мой друг, а не наркотик, — смеюсь я, открывая дверцу.

Она закатывает глаза.

— Ну, здорово. Ты уже лжешь себе.

— Это обычный ужин. Я никогда не была в лучшем месте в моей жизни. И думаю, он сказал бы то же самое. Гордись мной. До скорого, детка.

Я посылаю ей воздушный поцелуй и захопываю дверцу, быстро набирая сообщение Заку, пока поднимаюсь по лестнице в свою квартиру.

Через час я прихожу в выбранный им ресторан. Быстро оглядевшись, сажусь за барную стойку и заказываю выпить. Бармен наливает мне вино, пока я пишу Заку.

Эм: Ты уже здесь?

Зак: Здесь. Просто наблюдаю за тобой.

Я поворачиваюсь на барном стуле, не в силах скрыть ухмылку, и снова осматриваю ресторан. В зале многолюдно, и я не могу его увидеть.

Эм: Перестань. Lol. Где ты?

Зак: Я скучал по тебе.

Смеюсь про себя, потому что выгляжу глупо, рыская глазами по сторонам.

Эм: Тогда прекрати прятаться.

Зак: Перед смертью Сюзанна сказала: «Эм — добрая душа. Выжившая. Дарительница. Заботливая. Любой парень был бы счастлив быть с ней».

Он пьян. Это единственное объяснение. Я звоню ему.

— Сегодня ты выглядишь потрясающе, — говорит он.

Зажав в одной руке телефон, а в другой — бокал с вином, я начинаю бродить по ресторану.

— Сколько ты выпил?

— Только жаль, что у тебя блузка задом наперед.

Я опускаю глаза вниз. Не уверена, почему это делаю, потому что блузку на пуговицах трудно застегнуть задом наперед.

— Ха-ха. Что ты делаешь? Серьезно, сколько ты выпил?

— А ты знаешь, что на самом деле не обязательно быть британцем, чтобы работать на британском авиалайнере?

Я морщу нос.

— О чем ты?

— Поскольку семьи у тебя нет, то за благословением я сходил на могилу Сюзанны.

— Вы так пьяны, капитан Хейс. Так пьяны, что несете несусветную чушь. Где ты?

Я продолжаю передвигаться по ресторану, притягивая взгляды посетителей. Уверена, они задаются вопросом: что же я делаю. Пока... все не останавливаются.

Перестают есть.

Перестают разговаривать.

Словно кто-то поставил жизнь на паузу.

Воцаряется тишина.

Что-то не так, поэтому я тоже останавливаюсь.

— Зак, — шепчу я, испытывая неловкость. — Где ты?

— Я здесь, — говорит он, но его голос исходит не из моего телефона, а из-за моей спины. Я быстро оборачиваюсь, *невероятно* взволнованная тем, что происходит вокруг меня.

— На одном колене? — спрашивает он.

Я не могу дышать, когда вижу его, а в десяти футах от меня *Лию* с фотоаппаратом у лица, едва скрывающим широкую ухмылку и слезы на щеках.

— Если не ошибаюсь, твое следующее предложение руки и сердца должно быть сделано на одном колене. Правильно? — Он опускается на одно колено и достает кольцо из кармана своего лучшего костюма... с клюквенным галстуком. — Эмерсин...

Эм-ер-син.

— Ты должна заказать сегодня ягненка. Я слышал, он феноменальный, — говорит он так, словно это поможет мне сдержать слезы.

Нервный смех сотрясает мою грудь, глаза горят от неопишуемого волнения. Сглотнув ком в горле, я киваю и пытаюсь сдержать неизбежные потоки слез.

— Твоя мама должна была сказать тебе подстричься перед приездом сюда.

Его улыбка становится шире, и он кивает.

— Я постригусь.

— Я закажу ягненка, — шепчу я.

— Но главный вопрос... ты выйдешь за меня замуж? Потому что только об этом я и думаю... целый день... каждый день. Мечтаю о долгой помолвке. О пошиве идеального смокинга с галстуком розового оттенка. Я мечтаю о готических соборах и частных островах. Стараюсь не представлять тебя в белом свадебном платье, потому что от одной этой мысли у меня перехватывает дыхание, но не так сильно, как от той, где ты рожаеть мне детей. — Он кладет свободную руку на сердце. — Можешь ли ты представить? Можешь ли ты представить, как мы вместе будем путешествовать по миру? Заниматься любовью на вершинах травянистых холмов? Выбирать ёлки? Прятать шоколадные яйца для наших детей?

Он позволяет *фантазиям* витать в воздухе вокруг нас, пока я слезами излагаю свой ответ.

— Я люблю тебя, — говорит он. — Люблю так сильно, как только один человек может любить другого. Я никогда никого не любил больше, чем тебя. Так что просто... выходи за меня, Эмерсин.

— Зак, — я оглядываю ресторан. Он все спланировал. Не знаю, как ему удалось, но он превзошел мои мечты в миллион раз. — Мы недавно... — я понижаю голос, — ...развелись.

— Это «да» или «нет»?

— Закари... — я качаю головой, вытирая щеки. Это безумие.

Он встает и обхватывает мое лицо ладонями, сцеловывая мои слезы и шепча мне в щеку так, чтобы только я могла услышать:

— Будь моей женой, Эм...

С дрожащей нижней губой и несколькими легкими кивками я шепчу в ответ:

— Да. Я буду твоей женой... снова.

Он улыбается и целует меня.

И тут ресторан разражается аплодисментами и свистом.

Как раз в тот момент, когда Лия делает несколько снимков, запечатлевая момент, в котором я отдаю ему остатки своего сердца.

В этот момент я очень ясно слышу Сьюзи. *«Ты смелая. Ты нашла свою вторую половинку. Люди — взаимозаменяемые детали головоломки. Мы вписываемся более чем в одно пространство. Тыходишь Заку. Я всегда это знала. Будь счастлива, моя дорогая подруга».*

Эпилог Эмерсин

Некоторые люди не рождены для традиционной жизни. Как бы я ни думала, что мечтала о простых традициях, этого не оказалось заложено в моих генах.

— Можете поцеловать невесту.

Когда Зак наклоняется ко мне для поцелуя, я говорю:

— Думаю, это просто разрешение. Не требование. Вроде, *можете* поцеловать невесту. Это не значит, что мы должны целоваться.

Он ухмыляется и пожимает плечами.

— Будь по-твоему.

От удивления моя челюсть падает до земли, а он берет меня за руку и ведет обратно по проходу — узкой песчаной дорожке, разделяющей компанию семьи и близких друзей. Лия все снимает на фотоаппарат, а ее новая ассистентка — на видео.

— Закари Кендрик Хейс. — Я дергаю его за руку, чтобы остановить.

Он оборачивается с победоносной улыбкой.

— Эмерсин Джейн Хейс.

— Поцелуй мамочку! — кричит Клара Сюзанна Хейс.

Да, возможно, мы зачали ее в ту же ночь, когда он сделал мне предложение. Я не следовала за мечтами, которые, как, мне казалось, я упустила в жизни. Оказывается... я ничего не упустила. Мы создали свои собственные традиции. Собственные правила. Проложили собственный путь. Неожиданное оказалось *реальным*. Непредсказуемость придавала большее значение каждому дню. Каждый день с Заком — это жизнь, о которой я и не смела мечтать.

Нам потребовалось три года, чтобы втиснуть свадьбу в нашу занятую жизнь. Когда я обрела его любовь, его объятия, его заявление миру о том, что он меня любит, и его ребенка... важность брака отошла на второй план.

Нашим выбором было — понежиться по утрам в постели только втроем.

Поездки в Италию и перелеты через Атлантику, чтобы навестить семью Зака.

Мы выбрали Лондон своей «домашней базой», а мир стал игровой площадкой, холстом, который мы расписывали самыми прекрасными приключениями нашей жизни.

Я ухмыляюсь Кларе в ее светло-розовом платье цветочницы, прежде чем снова обратить внимание на Зака.

— Вы с нашей дочерью закончили командовать мной? — спрашивает он.

Гости смеются.

Я киваю, кусая нижнюю губу, когда он скользит ладонью по моей шее и притягивает к себе для лучшего поцелуя из всех, в то время как его другая ладонь лежит на боку моего шестимесячного беременного живота. Босая и беременная нашим вторым ребенком в день нашей свадьбы. Ничего традиционного в нас нет.

— Я люблю тебя, моя прекрасная *жена*.

Я считала его подходящим мужчиной, встретившись мне в неподходящее время в моей жизни. Я ошибалась. Зак научил меня терпению. Терпению к жизни, к нему и к себе.

Редко бывает день, когда я не думаю о Сюзанне. Она — причина того, что у меня есть Зак и наша бесценная семья. Я знаю, что она наблюдает за нами и улыбается. Она знает, что Зак не любит меня больше нее, просто любит по-другому.

По-другому. Я считаю, что каждая часть жизни подвижна и постоянно меняется. Этому меня научила Сьюзи. Любовь всеобъемлюща и люди делятся ею разными способами. Она нас не определяет, а уточняет... делает нас лучше, подталкивая рискнуть. В различные периоды жизни мы — разные люди. Сегодня я наслаждаюсь вот этим приятным периодом — как фотограф, друг, мать и *жена*.